

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО

«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайжан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнев (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

И. И. Юганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007

The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy,
Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiyaiko, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia,
Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia,
Toms)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia,
St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia,
Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 e.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Азизов З. К., Вискалин А. В., Вискалина Е. Е., Федотов Р. Г.

Позднепалеолитическая мастерская по подготовке и расщеплению ядрищ

Подгорный в Среднем Посурье 7

Дробышев Ю. И. Семантика изображения птиц на древнетюркских изваяниях 24

Худавердян А. Ю., Алексанян Т. А., Мириджанян Д. Г. Необычное средневековое
перезахоронение индивидов из провинции Сюник (Ангехакот, Армения) 71

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Белоусов С. С. Организация и регулирование властями миграций калмыцкого
населения в Автономной области калмыцкого трудового народа в 1920-е гг. 92

*Понкратова И. Ю., Федирко О. П., Батаршев С. В., Данилов Г. К., Казимиров И. В.,
Дорофеева Н. А.* Религиозная символическая атрибутика русского севера
в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX — начало XX в.) 104

Рыблова М. А. Российское казачество в процессах поиска групповой
идентичности и этнокультурного конструирования 124

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Церковные музеи и православное культурное
наследие в Западной Сибири в контексте вероисповедной политики
государства 142

Недзельюк Т. Г. Источники для изучения государственно-конфессиональной
и международной политики в степном генерал-губернаторстве (по материалам
Центрального государственного архива Республики Казахстан) 154

Сгибнева О. И., Беликова Е. О. Современные религиозные процессы в регионе:
опыт эмпирического исследования в Волгоградской области 167

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Деятельность комиссий содействия
по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй
половине 1960-х — начале 1980-х гг. 181

ДЛЯ АВТОРОВ 197

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Azizov Z. K., Viskalin A. V., Viskalina E. E., Fedotov R. G.</i> Late Paleolithic workshop for the preparation and splitting of the cores of the Podgorniy in the Middle Posurie region	7
<i>Drobyshev Yu. I.</i> Semantics of bird images on old turkic sculptures.....	24
<i>Khudaverdyan A. Yu., Aleksanyan T. A., Mirijanyan D. G.</i> Unusual medieval burial of individuals from Syunik province (Angekhat, Armenia)	71

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Belousov S. S.</i> Organization and regulation by the authorities of migration of the kalmyk population in the Autonomous region of the kalmyk working people in the 1920 s	92
<i>Ponkratova I. Y., Fedirko O. P., Batarshev S. V., Danilov G. K., Kazimirov I. V., Dorofeeva N. A.</i> Religious symbolic attributes of the Russian north in the system of cultural values of the gizhigin people (XIX — early XX centuries)	104
<i>Ryblova M. A.</i> The Russian Cossacks in the processes of searching for group identity and ethno-cultural construction	124

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Alekseeva L. S., Gorbatov A. V.</i> Church museums and cultural heritage in the context of religious policy in Western Siberia.....	142
<i>Nedzelyuk T. G.</i> Sources for the study of state-reformation and international policy in the steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan).....	154
<i>Sgibneva O. I., Belikova E. O.</i> Modern religious processes in the region: the experience of studying the religious situation in the Volgograd region	167
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> Activity of the commissions of assistance on compliance with legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s.	181

FOR AUTHORS	197
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.01/903.22

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–01

З. К. Азизов

Ульяновский государственный политехнический университет, Ульяновск (Россия)

А. В. Вискалин, Е. Е. Вискалина

ООО Центр археологических исследований «Симбирская старина», Ульяновск (Россия)

Р. Г. Федотов

Инзенская средняя школа № 1, Инза (Россия)

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ПО ПОДГОТОВКЕ И РАСЩЕПЛЕНИЮ ЯДРИЩ ПОДГОРНЫЙ В СРЕДНЕМ ПОСУРЬЕ

Целью работы является введение в научный оборот материалов единственной на Средней Волге позднелолитической мастерской по подготовке и расщеплению ядрищ — археологический памятник Подгорный. В ней содержатся данные по истории открытия памятника, его местоположению, ландшафту, геологии, стратиграфии. На основе анализа кремневого материала делается вывод о принадлежности памятника к категории мастерских, возникших на месте добычи сырья.

По геологическим данным кремневые желваки могли добываться в глубоком овраге, прорезающем отложения верхнего мела. Мастерская расположена по краю этого оврага. Добытые желваки проходили полный цикл первичной обработки — от грубой обивки и получения ядрищ до их последующего расщепления. Планиграфически зоны первичной обивки желваков и последующего расщепления ядрищ разделены. Полученные качественные заготовки люди уносили.

В технико-типологическом отношении кремнь мастерской Подгорный сближается с материалами памятников позднего палеолита Среднего Поволжья и второго этапа Уральской палеолитической культуры.

С использованием данных стратиграфии и культурной аналогии памятник датирован временными рамками 15–13 тыс. л. н.

Ключевые слова: поздний палеолит, мастерская по подготовке и расщеплению ядрищ, Ульяновское Поволжье, Среднее Посурье.

Цитирование статьи:

Азизов З. К., Вискалин А. В., Вискалина Е. Е., Федотов Р. Г. Позднепалеолитическая мастерская по подготовке и расщеплению ядрищ подгорный в Среднем Посурье // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 7–23. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–01

Z. K. Azizov

Ulyanovsk stated polytechnic university, Ulyanovsk (Russia)

A. V. Viskalin, E. E. Viskalina

Center of Archaeological Research "Simbirk Antiquity" LLC, Ulyanovsk (Russia)

R. G. Fedotov

Inzenskaya School No. 1, Inza (Russia)

LATE PALEOLITHIC WORKSHOP FOR THE PREPARATION AND SPLITTING OF THE CORES OF THE PODGORNIY IN THE MIDDLE POSURIE REGION

The purpose of the work is to introduce into scientific circulation the materials of the only middle-aged Late Paleolithic workshop on the preparation and splitting of cores under the Podgorniy. It contains data on the history of the monument's discovery, its location, landscape, geology, and stratigraphy. On the basis of the analysis of the flint material, it is concluded that the monument belongs to the category of workshops that arise at the place of extraction of raw materials.

According to geological data, the flint cores could be mined in a deep ravine that cuts through the upper Cretaceous deposits. The workshop is on the edge of this ravine. The extracted cores underwent a full cycle of primary processing from rough forming and foundation obtaining to their subsequent splitting. Planigraphically, the zones of primary lining of the cores and subsequent splitting of the foundation are separated. The resulting high-quality pieces were carried away by people.

The stones underwent a full cycle of primary processing from the formation of the core to their subsequent splitting. In technical and typological terms, the flint of the Podgorny workshop getting close to the materials of the monuments of the late Paleolithic of the Middle

Volga region and the second stage of the Ural Paleolithic culture. Using stratigraphy data and cultural analogy, the monument is dated to the time frame of 15–13 thousand years ago.

Keywords: late Paleolithic, workshop for the preparation and splitting of core, Ulyanovsk Volga region, Middle Posurie region

For citation:

Azizov Z. K., Viskalin A. V., Viskalina E. E., Fedotov R. G. Late Paleolithic workshop for the preparation and splitting of the cores of the Podgorniy in the Middle Posurie region. *Nations and religion of Eurasia*. T. 28, № 2. P. 7–23. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–01.

Азизов Загид Керимович, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского политехнического университета, Ульяновск (Россия). **Адрес для контактов:** azagid@mail.ru.

Вискалин Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ООО Центр археологических исследований «Симбирская старина», Ульяновск (Россия). **Адрес для контактов:** alvisk@mail.ru.

Вискалина Елена Евгеньевна, сотрудник ООО Центр археологических исследований «Симбирская старина», Ульяновск (Россия). **Адрес для контактов:** elena.viskalina.ru@mail.ru.

Федотов Роман Геннадьевич, заместитель директора школы по исследовательской работе Инзенской средней школы № 1, Инза (Россия). **Адрес для контактов:** zakupschool@mail.ru.

Azizov Zagid Kerimovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Ulyanovsk Polytechnic University, Ulyanovsk (Russia). **Contact address:** azagid@mail.ru

Viskalin Alexander Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Archaeological Research “Simbirsk Antiquity” LLC, Ulyanovsk (Russia). **Contact address:** alvisk@mail.ru.

Viskalina Elena Evgenievna, employee of the Center for Archaeological Research “Simbirsk Antiquity” LLC, Ulyanovsk (Russia). **Contact address:** elena.viskalina.ru@mail.ru.

Fedotov Roman Gennadievich, Deputy Director of the School for Research, Inzen Secondary School No. 1, Inza (Russia). **Contact address:** zakupschool@mail.ru.

Введение

Территория Ульяновского Поволжья не была затронута ледниками, потому рассматривается археологами как перспективное место для нахождения памятников эпохи палеолита. К настоящему времени бесспорные свидетельства присутствия здесь древнего человека обнаружены в долине Волги в виде редких антропологических останков неандертальца и немногочисленных находок кремнёвого и костяного инвентаря ашело-мустьерской [Абрамова, 1958; Бадер, 1952; Павлов, 1924; Паничкина, 1953] и позднепалеолитической эпохи [Вискалин, 1990; 2004; 2011]. И хотя отнесение наиболее архаичных находок из камня к ашело-мустьерской эпохе поддержку специалистов не на-

ходит [Буров, 1980: 29; Кузнецова, 1989: 7], наличие среди них материалов позднего палеолита сомнений не вызывает. На остальной части Ульяновского Поволжья, в том числе в бассейне р. Сура, являющейся второй по величине рекой региона, случаев обнаружения находок палеолитической эпохи до недавнего времени зафиксировано не было. Этому способствовала слабая изученность территории Ульяновской области к западу от Волги и удаленностью от областного центра.

В последние годы ситуация изменилась в связи с обнаружением в окрестностях города Инза нескольких новых пунктов с находками расщепленного кремня позднепалеолитического облика. Целью настоящей работы является введение в научный оборот материалов наиболее изученного из них — позднепалеолитической мастерской по подготовке и расщеплению ядрищ Подгорный.

Местонахождение памятника и история исследования

Памятник расположен в 0,7 км к востоку от с. Панциревка и 3,2 км к югу от пригородного пос. Подгорный, расположенных на юго-западной окраине города Инза Ульяновской области, на размытой бровке 2-й надпойменной террасы правого склона долины реки Инза (правый приток Суры), осложненным овражком, возникшим на месте «дикого» карьера песка (координаты — 53°48'27.08" с. ш., 46°19'0.96" в. д.) (рис. 1).

Высота второй террасы в зоне расположения памятника составляет 4,5–5,5 м от уреза воды, а на некотором удалении достигает 6 м. Своей тыльной стороной терраса примыкает к подножью коренного берега высотой около 70 м.

Долина реки Инза на участке обследования имеет ширину около 2,5 км и резко асимметричный поперечный профиль климатического типа. Крутым является правый склон южной экспозиции. На днище долины по обоим берегам наблюдаются низкие надпойменные террасы, два уровня поймы и русло. Первая и вторая надпойменные террасы малых рек на территории Ульяновской области из-за близости относительных высот морфологически не разделяются. Достоверно расчленить эти террасы возможно только по данным буровых скважин или на обнажениях.

Русло реки Инза на участке обследования имеет ширину 11–13 м и сильно меандрирует. Пойма и первая надпойменная терраса оказались размытыми, русло подошло очень близко к правому коренному склону долины. В результате чего образовалось обнажение второй надпойменной террасы. Нижняя часть аллювия террасы имеет гумидное строение, представленное в основном мелкими песками, а верхняя часть, так называемая перигляциальная покрывка, сложена песчано-алевритовыми отложениями с линзами супесей и суглинков. Верхняя часть террасы сильно переработана эоловыми процессами. Наблюдаются остатки дюн, частично срезанных в ходе добычи песка и супеси для хозяйственных нужд местным населением.

Коренные породы высокой террасы представлены палеогеновыми отложениями Сызранской свиты палеоцена (P_1sz). С резко выраженным размывом породы свиты залегают на отложениях верхнего мела. Литологически данная свита представлена так: внизу русло реки Инза на участке обследования имеет ширину 11–13 м и сильно меандрирует. Пойма и первая надпойменная терраса оказались размытыми, поэтому русло подошло очень близко к правому коренному склону долины. В результате чего образовалось обнажение второй надпойменной террасы. Нижняя часть аллювия терра-

сы имеет гумидное строение, представленное в основном мелкими песками, а верхняя часть, так называемая перигляциальная покрывка, сложена песчано-алевритовыми отложениями с линзами супесей и суглинков. Верхняя часть террасы сильно переработана эоловыми процессами. Наблюдаются остатки дюн, частично срезанные в ходе добычи песка и супеси для хозяйственных нужд местным населением.

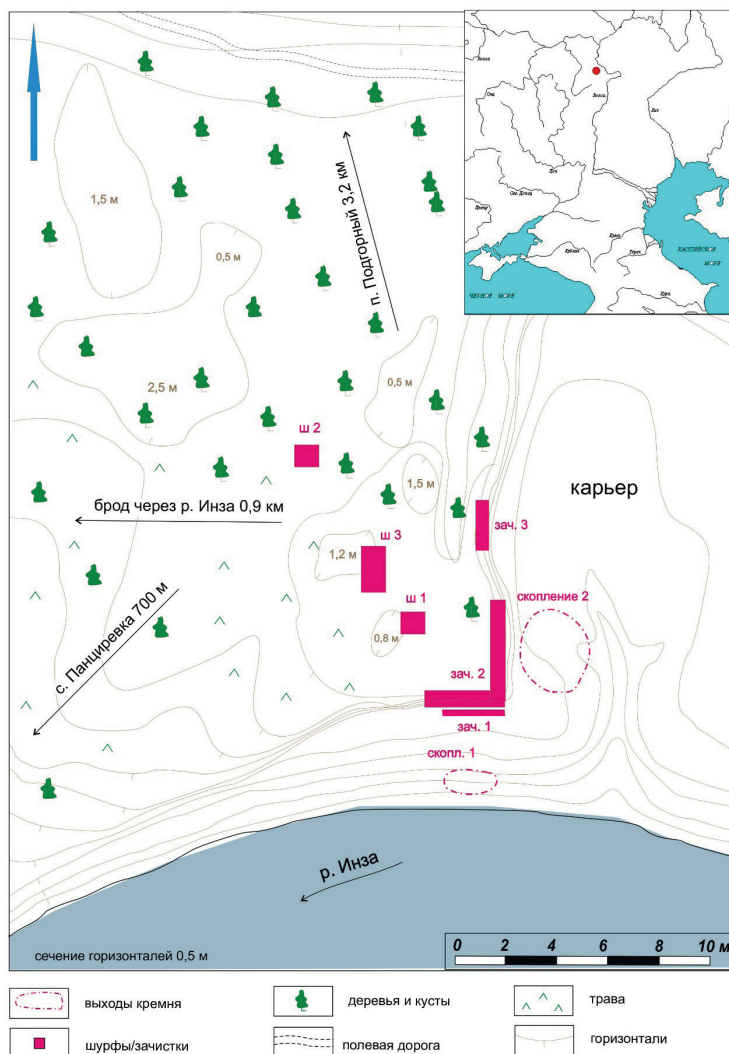

Рис. 1. Мастерская Подгорный. План

Fig. 1. The Podgorniy workshop. Plan

Далее песками с прослойками и линзами песчаников и опоков мощностью до 0,1–0,4 м; вверх — сменяющимися по разрезу трепелами, опоками и диатомитами. Общая мощность свиты в районе работ не превышает 100 м.

Памятник открыт местным жителем Р.Г. Федотовым, обнаружившем выходы расщепленного кремня в осыпи берегового обнажения и стенках карьера. По его предварительным наблюдениям расщепленный кремень в стенке карьера образовывал два горизонта, разделенных значительной стерильной прослойкой. Коллекция находок из сборов была осмотрена А.В. Вискалиным, атрибутировавшим ее эпохой позднего палеолита [Вискалин, Федотов, 2020]. В 2020 г. памятник обследован Е.Е. Вискалиной. При зачистке берегового обнажения ею были прослежены выходы расщепленного кремня, залегающего в толще плотного бурого суглинка, перекрытого светлым эоловым песком, подстилающим почвенный слой. Данное наблюдение показало, что выделение двух горизонтов залегания находок в осыпи карьера было преждевременным, а отмеченное Р.Г. Федотовым рассеивание находок по вертикали было вызвано процессом обрушения песчанисто-глинистых стенок котлована.

В 2021 г. Е.Е. Вискалиной проведено повторное обследование памятника, во время которого обнаружено, что в ходе весеннего половодья значительная часть берега была смыта рекой. С целью спасения сохранившейся части памятника от окончательного разрушения по краю берегового обрыва и котлована был заложен небольшой раскоп (зачистка 2) площадью 4,6 кв. м. Для определения границ распространения культурных отложений дополнительно сделана зачистка стенки песчаного котлована (зачистка 3) и выкопано три шурфа, не выявивших выходов культурных отложений. В том же году памятник был осмотрен З.К. Азизовым, осуществившим идентификацию террас и слагающих их литологических отложений.

Результаты полевых исследований

Зачистками 1 и 2 вскрыта следующая последовательность отложений (рис. 2, 3)

Рис. 2. Мастерская Подгорный. Зачистка 2

Fig. 2. The Podgorniy workshop. Stripping 2

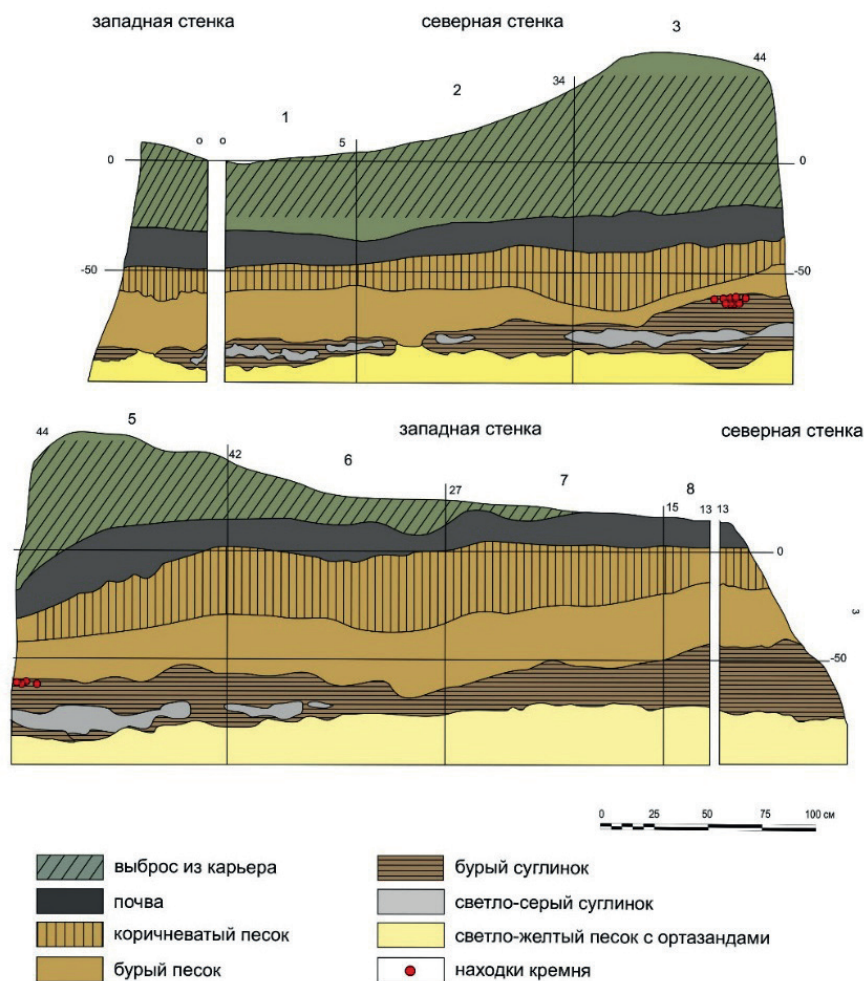

Рис. 3. Мастерская Подгорный. Стратиграфия зачистки 2

Fig. 3. The Podgorniy workshop. Stratigraphy of stripping 2

Отмеченная стратиграфическая ситуация наблюдается только на самой оконечности мыса. Выше по склону происходит падение мощности и выклинивание буровато-серого эолового песка и подстилающего его коричневатого-бурого делювиального суглинка. За пределами мысовой площадки коричневатого-бурого делювиального суглинка, по-видимому, был смыт.

Культурные отложения залегают в верхней части коричневатого-бурого делювиального суглинка несколькими близкорасположенными скоплениями. Первое скопление находилось по краю берегового уступа и впоследствии обрушилось в воду. От него осталось 13 кремневых находок (табл. 2), собранных у основания береговой осыпи на участке протяженностью около 2 м. В зачистке № 1 берегового обнажения в слое коричневатого-бурого делювиального суглинка выявлено еще 2 кремневых отщепов. Вто-

рое скопление расщепленного кремня было обнаружено на дне карьера и в перекрывающей его западную стенку осыпи на участке 2 x 3 м. В ходе сборов здесь было собрано 552 предмета, являющихся ядрищами на различных стадиях изготовления и продуктами расщепления кремневых желваков. По всей видимости, эти находки оказались на дне карьера и в осыпи его стенки в результате постепенного разрушения берега и культурных отложений.

Таблица 1

Последовательность отложений позднепалеолитической мастерской Подгорный
Table 1 Sequence of Late Paleolithic deposits workshop Podgorny

Характеристика отложений	Мощность, м
Техногенный слой представляет собой «пестроцвет» из перемешанного почвенного гумуса, песка и комочков глины, образовавшийся в результате функционирования карьера.	0–0,75
Почвенный слой темно-серого цвета, ниже постепенно переходит в слой коричневатого-бурой гумусированной супеси, нижний контакт постепенный. Имеет уклон в сторону реки. Находок данный слой не содержит.	0,30–0,5
Буровато-серый эоловый песок подстилает почвенный слой, нижний контакт слоя четкий, волнообразный, что может свидетельствовать об эрозионном размыве на данном участке берега. Находок данный слой не содержит.	0,1–0,3
Коричневато-бурый плотный делювиальный суглинок со столбчатой структурой. Утончается в западном направлении. В толще суглинка фиксируется прослойка и отдельные линзы светло-серого «мажущегося» суглинка толщиной до 10 см, имеющего уклон на запад и юг, что указывает на его генезис в результате размыва меловых отложений в основании коренной террасы и последующего их перетолжения. В верхней части коричневатого-бурого суглинка обнаружена линза расщепленного кремня.	0,1–0,4
Светло-желтый флювиогляциальный песок с тонкими прослойками бурого суглинка, переходящий ниже по разрезу в аллювий.	материк

Рис. 4. Мастерская Подгорный. Скопление находок 3

Fig. 4. The Podgorny workshop. Accumulation of finds 3

Примечательно, что собранные в карьере находки оказались «впаянными» в куски плотного и вязкого делювиального суглинка, обрушившиеся вниз по склону. Третье скопление было выявлено в зачистке № 2 и насчитывало 599 находок (рис. 4, 5). Оно располагалось между скоплениями 1 и 2 и, фактически, является их продолжением. Кремнёвый инвентарь скопления 3 залегает плотной массой в западине овальной формы размерами 140 x 70 см и глубиной не более 0,1 м. Среди находок находились как крупные, так и мелкие предметы. Все они имели острые края и одностороннюю патину.

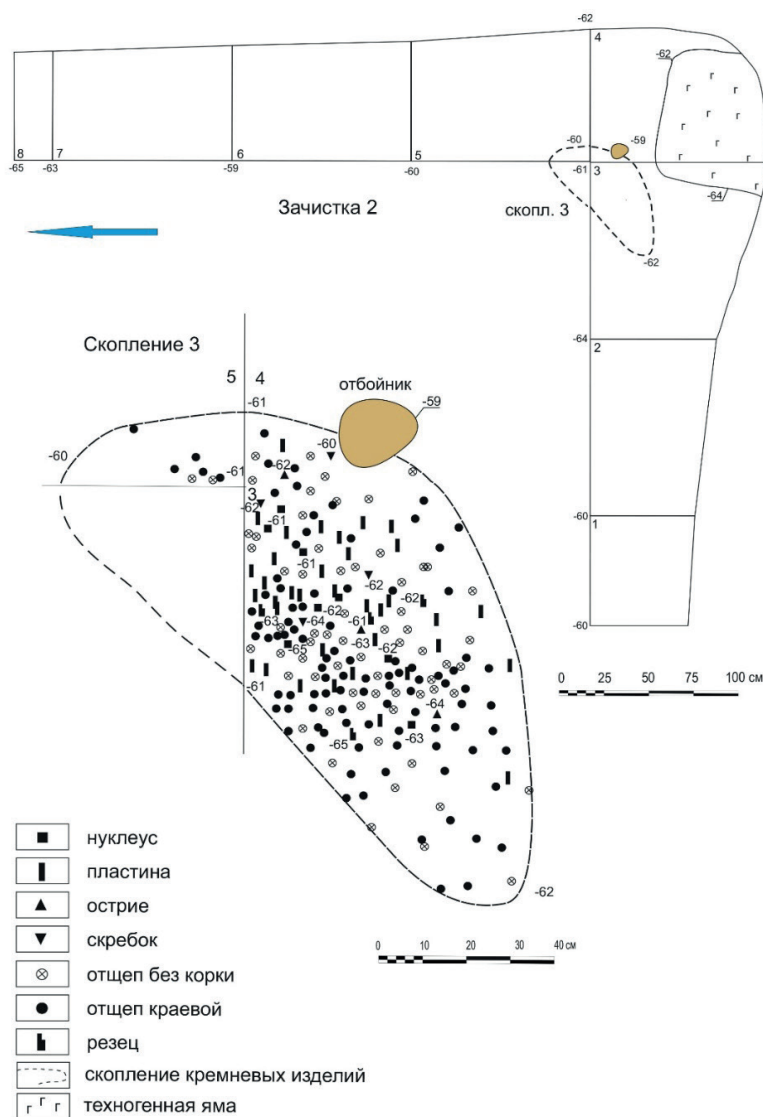

Рис. 5. Мастерская Подгорный. План зачистки 2 и скопления находок № 3
 Fig. 5. The Podgorniy workshop. Plan of stripping 2 and accumulation of finds No. 3

Явных следов воздействия водных потоков и перемещения находок в виде характерной окатанности и блеска не обнаружено. Часть находок из данного скопления уходит в северную стенку, что указывает на продолжение культурного слоя в этом направлении.

Таблица 2

Каменный инвентарь мастерской Подгорный

Table 2

Stone inventory of the Podgorny workshop

Наименование	Скопление 1	Скопление 2	Скопление 3	Всего	\%
Орудия	-	-	11	11	0,95
Нуклеусы	1	8	8	17	1,45
Пластины и их обломки	-	7	37	44	3,78
Куски и обломки желваков	-	124	-	124	10,63
Технические сколы и осколки	-	50	-	50	4,28
Отщепы	6	163	187	356	30,53
Микроотщепы <1 см	8	200	356	564	48,38
Всего	15	552	599	1166	100

Таблица 3

Орудийный набор мастерской Подгорный

Table 3

Gun set of workshop Podgorny

Наименование	Количество	Процент
Скребки	4	36,3
Острия	3	27,3
Резцы	3	27,3
Отбойник	1	9,1
Всего	11	100

Каменный инвентарь памятника насчитывает 1166 предметов, из которых 601 происходят непосредственно из культурного слоя, а остальные — из сборов на месте обрушения береговых масс. В качестве сырья служили конкреции опало-халцедонового мелового кремня, покрытого желвачной коркой. Очищенный от корки кремень имеет характерный бежево-серый цвет с багровыми прожилками. Тонкие и прозрачные сколы проявляют свойство перехода к светло-серому цвету с редким розовым оттенком.

Большую часть находок представляют собой отходы первичного расщепления. В их число входят обломки желваков и куски кремня со следами нерегулярных сколов, сколы подправки ядрищ, разнообразные отщепы и осколки, в том числе мелкие (94%). Большинство находок данных категорий сохраняют желвачную корку и вторичной обработки не имеют. Тонкие отщепы без корки косвенно указывают на их специальный отбор.

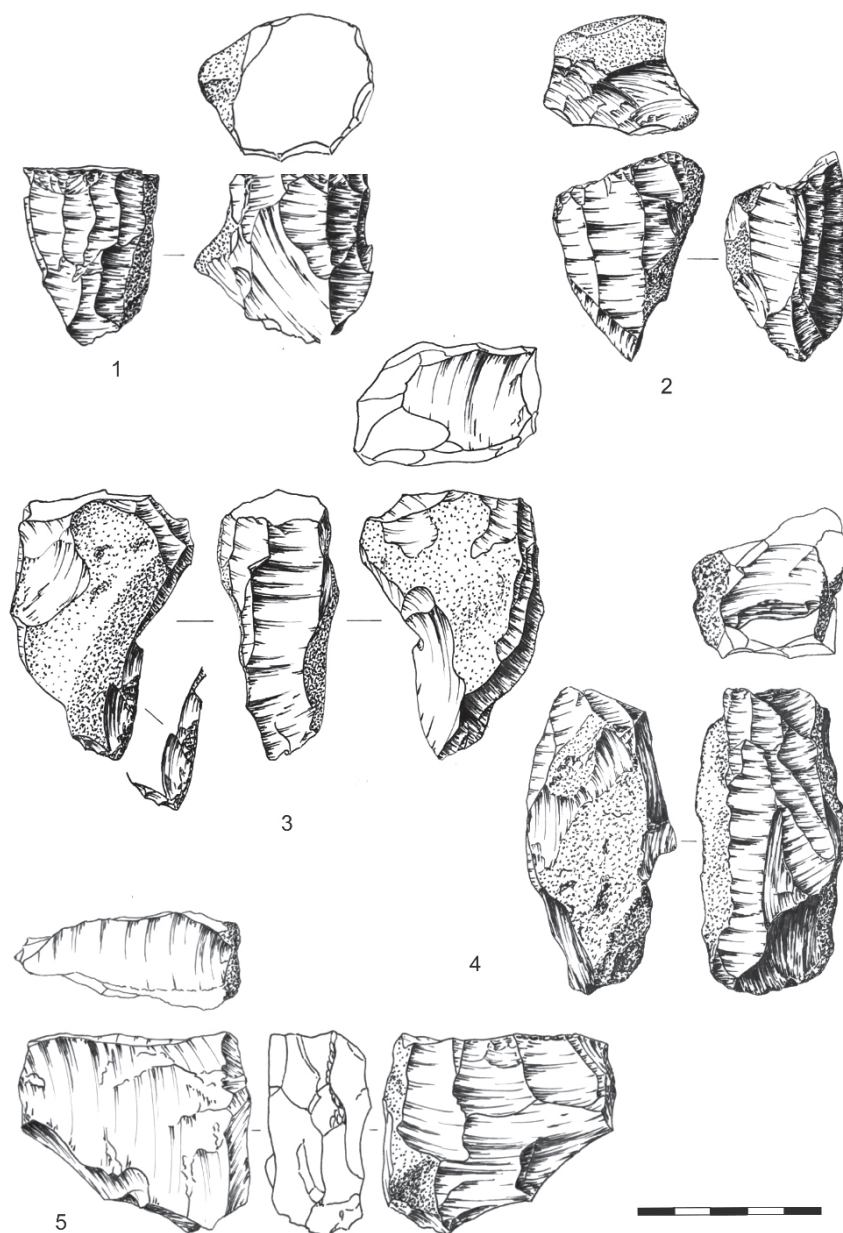

Рис. 6. Ядрища: 1, 2 – подконические, 3, 4 – торцевые, 5 – плоско-фронтальный
 Fig. 6. Cores: 1, 2 – conical, 3, 4 – end, 5 – flat-frontal

В коллекции выделено 17 ядрищ. Наиболее законченными являются два конических ядрища со следами правильных параллельных снятий (рис. 6.–1, 2). Ударная площадка первого из них гладкая, оформленная крупным поперечным сколом. Рабочий

фронт составляет $\frac{3}{4}$ периметра, в тыльной части данного изделия боковыми сколами оформлено ребро (рис. 6.-1). У второго конического нуклеуса ударная площадка обработана плоскими сколами (рис. 6.-2).

Остальные ядрища относятся к числу незавершенных/бракованных. На их рабочих поверхностях наблюдаются заломы и трещины, вызванные разнообразными дефектами сырья (включения, трещины и др.). На большинстве незавершенных ядрищ сохраняются обширные участки желвачной корки, в тыльной части также прослеживается клиновидное ребро. Среди данной группы нуклеусов выделяются плоско-фронтальные, торцевые, призматические, кубовидные одно- и двуплощадочные (рис. 6.-3–5).

Пластины и пластинчатые сколы в коллекции довольно малочисленны несмотря на наличие их негативов на рабочих поверхностях ядрищ (3,77%). При этом большинство пластин относится к числу ребристых и краевых, а параллельная огранка отмечена лишь у 13 небольших пластинок и их сечений. Складывается впечатление, что, как в случае с тонкими отщепами, на мастерской оставляли лишь отходы производства, а качественные заготовки уносили люди.

Изделия со вторичной обработкой включают в себя 11 предметов, не образующих устойчивых серий (<1%) и не имеющих типологически четко выраженные формы.

Скребки представлены 4 экземплярами, изготовленными на отщепах. Три из них являются концевыми. Аккомодационная часть одного из таких скребков обломана в древности, а боковая покрыта мелкой нерегулярной ретушью (рис. 7.-7). У второго массивного скребка рабочее лезвие оформлено на дистальном конце. Боковые грани несут следы краевых выравнивающих сколов (рис. 7.-2). Третий скребок изготовлен на проксимальном конце массивного скола треугольного сечения. Тыльная сторона изделия выравнена фасетками плоской ретушью, а одна из боковых сторон намеренно притуплена для создания лучшей аккомодации. Рабочее лезвие спрямлено и обработано крутой ретушью (рис. 7.-10). Посланий из скребков имеет дуговидное лезвие, полученное регулярной краевой полукрутой ретушью на проксимальной и боковой стороне заготовки, нанесенной со спинки (рис. 7.-8).

В число острий входит 3 предмета. Первые 2 острия являются правильными пластинами со скошенным концом. Рабочий кончик этих изделий приострен небольшими сколами, нанесенным с обушковой стороны изделия (рис. 7.-1, 2). Третье острие изготовлено на массивном сколе с нуклеуса. Рабочий кончик данного изделия получен вторичной обработкой сходящихся краев крутой регулярной двусторонней ретушью (рис. 7.-3). Функционально данное орудие может быть как топором, так и орудием с поперечным лезвием — стругом.

Резцы в коллекции насчитывают три экземпляра. Все они принадлежат к числу краевых на отщепе. У первых двух резцовые сколы нанесены со скошенной ударной площадки, полученной поперечным сколом. На рабочей поверхности сохраняются негативы нескольких последовательных параллельных снятий (рис. 7.-5, 6). На тыльной стороне второго из этих изделий наблюдается подтеска плоской односторонней ретушью (рис. 7.-6). Не исключено, что оба резца являются незавершенными торцевыми микронуклеусами. Третий резец принадлежит к числу комбинированных орудий на сломе небольшого отщепа. Резцовый скол нанесен с поверхности облома и образует сво-

ей боковой стороной резцовую кромку. В виде дополнительной обработки проведено удаление ударной площадки со стороны спинки регулярной решую, что обеспечивает удобное крепление в рукоятке (рис. 7.-4).

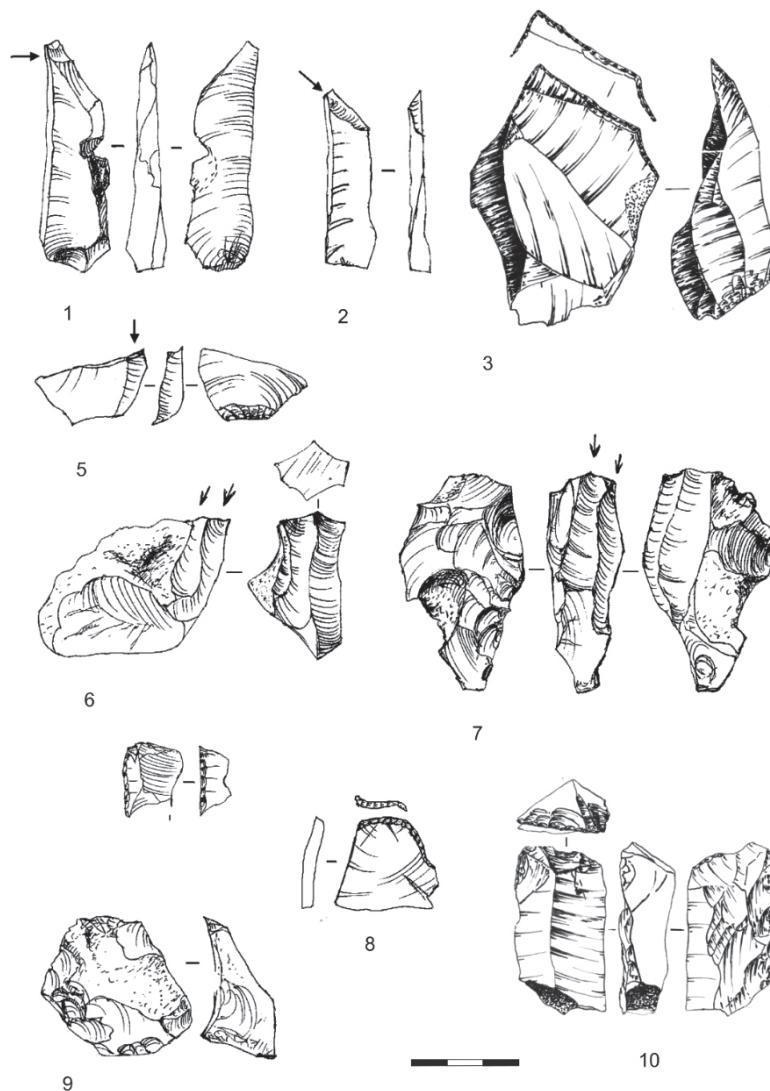

Рис. 7. Изделия со вторичной обработкой: 1–3 – острия, 4–6 – резцы, 7–10 – скребки
 Fig. 7. Products with secondary processing: 1–3 – edges, 4–6 – incisors, 7–10 – scrapers

Завершает коллекцию орудий отбойник из массивного кварцитового валунчика, на выступающих углах и ребрах которого обнаружены зоны забитости и выкрошенности. Примечательно, что данное орудие найдено в границах скопления 3, где, видимо, и использовалось для обработки кремневых желваков и расщепления ядрищ.

Обсуждение результатов

Каменный инвентарь памятника представляет собой единый гомогенный комплекс. На это указывает близкое пространственное расположение всех трех скоплений находок, залегающих в толще делювиального суглинка, их однотипный минерально-сырьевой состав и технико-типологические характеристики. Некоторое отличие находок из разных скоплений носит ситуационно-технологический характер и не затрагивает их культурно-хронологической характеристики. Так, скопления 1 и 2 образовались на месте первичного раскалывания желваков и черновой обработки ядрищ. На это указывает преобладание среди находок обломков желваков различных размеров, краевых отщепов и сколов с желвачной коркой, незавершенных/бракованных ядрищ, а также почти полное отсутствие целых пластин и типологически выраженных изделий со вторичной обработкой. Скопление 3 возникает на месте последующей «чистовой» доводки ядрищ и их расщепления. По этой причине здесь наблюдается увеличение количества пластинок и тонких отщепов. Судя по наличию в этом скоплении некоторого числа изделий со вторичной обработкой на этом участке мастерской могло проводиться изготовление орудий.

Учитывая отсутствие среди находок фаунистических остатков и признаков жилищных конструкций, обилие обломков желваков, технических сколов и забракованных нуклеусов, малочисленность целых пластин, тонких отщепов, изделий со вторичной обработкой и невыразительность последних, памятник является мастерской, расположенной вблизи выхода сырья и предназначенной для подготовки и расщепления ядрищ. Кремневые желваки добывались первобытными людьми где-то поблизости от мастерской, предположительно в расположенном западнее овраге. Данный овраг во время существования мастерской рассекал коренную террасу и устьем выходил к реке. Он был достаточно глубоким и достигал отложения верхнего мела, откуда происходило вымывание кремневых желваков. С деятельностью этого оврага связаны прослойки мела в толще делювиального суглинка, являющиеся результатом размыва меловых отложений и переотложения их вниз по склону. В настоящее время овраг почти полностью заполнен осадками и плохо заметен в рельефе.

Хронология и культурная принадлежность

При полном отсутствии материала для радиоуглеродного датирования важное значение для определения возраста памятника имеет стратиграфическое положение культурных остатков, залегающих в толще делювиального суглинка. Последний ложится с размывом на перигляциальный аллювий второй надпойменной террасы, верх которого по результатам термолюминесцентного анализа имеет возраст 24,0 ± 3,5 тыс. л. н. [Азизов, 2000: 69]. В свою очередь делювиальный суглинок перекрыт буровато-серым эоловым песком, плавно переходящим в современную почву. Широкое распространение эоловых формаций характерно для заключительной фазы позднего ледниковья Среднего Поволжья и датируется временными рамками 12–10 тыс. л. н. [Васильев, 1980: 62]. Для получения более точной временной привязки находок следует учитывать, что коричневатобурый делювиальный суглинок, вмещающий расщепленный кремнь, залегает между двумя уровнями размыва, свидетельствующими о наличии на завершающем этапе позднего оледенения двух периодов

потепления и сопутствующих им размывов более ранних отложений. Нижний уровень почвообразования/размыва датируется исследователями возрастом 15–18 тыс. л. н., верхний — 11–12 тыс. л. н. [Васильев, 1980: 80, 81]. Исходя из чего формирование культурного горизонта мастерской Подгорный произошло на временном отрезке между 15 и 13 тыс. л. н.

Заключение

Данное предположение не противоречит технико-типологической характеристике каменного инвентаря, имеющего сходство с широким кругом памятников позднего палеолита Среднего Поволжья (стоянки Лобач 2, Камское Устье 2 и др.) [Галимова, 2000] и второго этапа Уральской палеолитической культуры, датируемой 15–12,5 тыс. л. н. [Павлов, 2015]. Это сходство проявляется в использовании подконических, торцевых, плоскофронтальных клиновидных ядрищ, разнообразных типов скребков и резцов, изготовленных преимущественно на отщепах; ведущим типом сколов являются пластины с неправильной огранкой. Более детальная атрибуция полученных позднепалеолитических материалов затруднена из-за их малочисленности и отсутствия морфологически выдержанных типов орудий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова З. А. Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 г. // Записки Ульяновского областного краеведческого музея. 1958. Вып. 2. С. 349–357.

Азизов З. К. Строение долин малых рек Ульяновского Поволжья : дис. ... канд. геогр. наук. Казань, 2000. 180 с.

Бадер О. Н. Об остатках ископаемого человека с острова Тунгуз на Волге: о древних остатках человека с острова Хорошинский под Хвалынском // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952. Вып. 158. С. 181–186.

Буров Г. М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Путеводитель по археологическим памятникам. Ульяновск : Приволжск. кн. изд-во, Ульяновское отд., 1980. 120 с.

Васильев Ю. М. Отложения перигляциальной зоны Восточной Европы. М. : Наука, 1980. 172 с.

Вискалин А. В. Археологические исследования заповедника «Родина В. И. Ленина» в 2000–2003 гг. // Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2004. С. 167–179.

Вискалин А. В. Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья // СА. 1990. № 2. С. 248–250.

Вискалин А. В., Ефимов В. М. Чаша из черепа *Bos primigenis* из окрестностей с. Ундоры (Среднее Поволжье) // РА. 2011. № 4. С. 146–154.

Вискалин А. В., Федотов Р. Г. Итоги изучения памятников палеолита на территории Ульяновской области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 71–75.

Галимова М. Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Кама. М., 2000. 49 с.

Кузнецова Л. В. Палеолит Среднего Поволжья. Куйбышев : КГПИ, 1989. 40 с.

Павлов А. П. Ископаемый человек эпохи мамонта в Восточной России и ископаемые люди Западной Европы // Труды Антропологического института Московского государственного университета. М., 1924. Вып. 1. С. 5–36.

Павлов П. Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 55–57.

Паничкина М. З. Разведки палеолита на Средней Волге // СА. 1953. № 18. С. 233–264.

REFERENCE

Abramova Z. A. Razvedki paleolita na Srednej Volge v 1954 g. [Exploration of the Paleolithic in the Middle Volga in 1954]. *Zapiski Ul'yanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzej* [Notes of the Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore]. 1958. Vol. 2. P. 349–357 (in Russian).

Azizov Z. K. *Stroenie dolin maly'x rek Ul'yanovskogo Povolzh'ya* [The structure of the valleys of small rivers of the Ulyanovsk Volga region]. Diss. Candide. geographical sciences. Kazan, 2000. 180 p. (in Russian).

Bader O. N. Ob ostatkax iskopaemogo cheloveka s ostrova Tunguz na Volge: o drevnix ostatkax cheloveka s ostrova Xoroshinskij pod Xvaly'nskom [About the remains of archaic human from Tunguz Island on the Volga: about the ancient remains of a man from Khoroshinsky Island near Khvalynsk]. *Iskopaemy'j chelovek i ego kul'tura na territorii SSSR*. [Archaic human and his culture on the territory of the USSR]. M., 1952. Is. 158. P. 181–186 (in Russian).

Burov G. M. *Kamenny'j vek Ul'yanovskogo Povolzh'ya. Putevoditel' po arxeologicheskim pamyatnikam*. [Stone Age of the Ulyanovsk Volga region. A guide to archaeological sites]. Ulyanovsk: Privolzhsk. publishing house, Ulyanovsk Publishing House, 1980. 120 p. (in Russian).

Galimova M. S. *Pamyatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kama* [Monuments of the Late Paleolithic and Mesolithic at the mouth of the Kama River]. M. : 2000. 49 p. (in Russian).

Kuznetsova L. V. *Paleolit Srednego Povolzh'ya* [Paleolithic of the Middle Volga region]. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 1989. 40 p. (in Russian).

Panichkina M. Z. Paleolithic exploration on the Middle Volga// Soviet archaeology. 1953. No. 18. P. 233–264 (in Russian).

Pavlov A. P. *Iskopaemy'j chelovek e'poxi mamonta v Vostochnoj Rossii i iskopaemy'e lyudi Zapadnoj Evropy* [Archaic human of the Mammoth epoch in Eastern Russia and archaic people of Western Europe]. *Tr. Antropologicheskogo instituta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tr. of the Anthropological Institute of Moscow State University]. M., 1924. Is. 1. P. 5–36 (in Russian).

Pavlov P. Yu. O pervonachal'nom zaselenii severa Urala [On the initial settlement of the north of the Urals]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2015. no. 2 (47). P. 55–57 (in Russian).

Vasil'ev U. M. *Otlozheniya periglyacial'noj zony' Vostochnoj Evropy* [Deposits of the periglacial zone of Eastern Europe]. M. : Science, 1980. 172 p. (in Russian).

Viskalin A. V. Arxeologicheskie issledovaniya zapovednika “Rodina V.I. Lenina” v 2000–2003 gg. [Archaeological research of the complex “Motherland of V.I. Lenin” in 2000–2003]. *Materialy' pervoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj uchenomu i kraevedu S. L. Sy'tinu*

[Materials of the first scientific conference dedicated to the scientist and local historian S.L. Sytin]. Ulyanovsk: Corporation of Promotion Technologies, 2004. P. 167–179 (in Russian).

Viskalin A. V. Stratificirovanny'e naxodki orudij plejstocenovoj e'poxi iz Ul'yanovskogo Povolzh'ya [Stratified finds of tools of the Pleistocene epoch from the Ulyanovsk Volga region]. SA [SA]. 1990. no. 2. P. 248–250 (in Russian).

Viskalin A. V., Efimov V. M. Chasha iz cherepa Bos primigenis iz okrestnostej s. Undory' (Srednee Povolzh'e) [A bowl from the Bosprimigenis skull from the vicinity of the village of Undora (the Middle Volga region)]. *Rossiyskaya archeologiya* [Russian Archeology]. 2011. no. 4. P. 146–154 (in Russian).

Viskalin A. V., Fedotov R. G. Itogi izucheniya pamyatnikov paleolita na territorii Ul'yanovskoj oblasti [Results of the study of Paleolithic monuments in the Ulyanovsk region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2020. Vol. 2. no. 1. P. 71–75 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.02.2023

Принята к публикации: 15.04.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 397.4

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02

Ю. И. Дробышев*Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)*

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПТИЦ НА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЯХ¹

В статье систематизируется и анализируется информация о всех известных на сегодняшний день находках древнетюркских каменных изваяний с изображением птицы, а также рассматриваются трактовки исследователей относительно семантики этого образа. Принимая во внимание крайнюю редкость изваяний с птицей и привлекая релевантные этнографические материалы, автор приходит к предположению, что в данном случае птица символизирует не отлетающую душу, как обычно думают, а провожатого души умершего. Выдвигается гипотеза, что такие памятники воздвигали в честь людей, при жизни прославившихся как охотники с хищной птицей, так как все изображения птиц на древнетюркских статуях очень похожи именно на крылатых хищников. Особые, можно сказать мистические, отношения, которые складывались между охотником и его птицей, позволяют предполагать, что она «сопровождала» душу своего хозяина в Верхний мир, оберегая ее от различных опасностей этого путешествия. Поскольку большинство обнаруженных к настоящему времени изваяний с изображением птицы локализуются в Семиречье, в контактной зоне кочевого тюркского и оседлого согдийского миров, можно предположить, что их удостаивались скорее ассимилировавшиеся согдийцы, чем тюрки, иначе их сохранилось бы гораздо больше. Идея птицы-провожатого, возможно, восходит к *фравашам* зороастрийской религии, которые, как считалось, помогали душе усопшего попасть на небо.

Ключевые слова: древние тюрки, каменные изваяния, птица, душа, согдийцы.

Цитирование статьи:

Дробышев Ю. И. Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 24–70. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02.

¹ Эта статья является расширенной версией ранее опубликованной статьи: [Дробышев, 2017: 93–97]. Она вряд ли приобрела бы законченный вид без дружеской помощи Любови Николаевны Ермоленко (КемГУ), которой автор выражает глубокую признательность. Разумеется, за все ошибки и излишне смелые предположения он несет полную персональную ответственность.

Yu. I. Drobyshev*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)*

SEMANTICS OF BIRD IMAGES ON OLD TURKIC SCULPTURES

The article systematizes and analyzes information about all the currently known finds of Old Turkic stone sculptures with the image of a bird, as well as the interpretations of researchers regarding the semantics of this image. Taking into account the extreme rarity of sculptures with a bird and attracting relevant ethnographic materials, the author comes to the assumption that in this case the bird does not symbolize the departing soul, as is usually thought, but the guide of the soul of the deceased. There is a hypothesis that such monuments were erected in honor of people who became famous during their lifetime as hunters with a bird of prey, since all the images of birds on Old Turkic statues are very similar to winged predators. The special, one might say mystical relationship that developed between the hunter and his bird suggests that it «accompanied» the soul of its owner to the Upper World, protecting it from various dangers of this journey. Since most of the bird sculptures discovered so far are localized in the Semirechye, in the contact zone of the nomadic Turkic and settled Sogdian worlds, it can be assumed that they were awarded to assimilated Sogdians rather than Turks, otherwise they would have been much more numerous. The idea of a guide bird probably dates back to *the early days* of the Zoroastrian religion, which, it was believed, helped the soul of the deceased to get to heaven.

Key words: Old Turks, stone statues, birds, souls, Sogdians

For citation:

Drobyshev Yu. I. Semantics of bird images on Old Turkic sculptures. Nations and religions of Eurasia. 2023. T. 28, №. 2. P. 24–70. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–02.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

Адрес для контактов: altanus@mail.ru.

Drobyshev Yuliy Ivanovich, candidate of historical sciences, senior researcher of the Oriental history department at the Institute of Oriental studies RAS, Moscow (Russia).

Contact address: altanus@mail.ru.

Введение

Среди сотен известных к настоящему времени каменных изваяний, датированных VI–XIII вв. и обязанных своим появлением тюркоязычным народам², лишь 12 несут изображение птицы (табл.). Изображение на еще одном изваянии настолько плохой сохранности, что безоговорочно считать его птицей нельзя; наконец, имеются три ошибочных или не подтвержденных сообщения о находках памятника с птицей [Дробышев, 2018: 43–45]. Даже если предположить, что 1) какая-то часть изваяний безвозвратно утрачена и 2) еще не все они открыты и введены в научный оборот, их число будет составлять не более 1% от общего количества. С чем может быть связана такая их редкость, пока неизвестно. По всей видимости, их было очень мало уже изначально, поскольку трудно представить, чтобы такие изваяния кто-то преднамеренно уничтожал еще в древности или Средневековье на том или ином основании (если не этнической ксенофобии, то религиозной или социальной), хотя случаи «войны с памятниками» хорошо известны, например, обычай кочевников «обезвреживать» захваченные земли посредством разрушения памятников их прежних хозяев. Чаще всего с этой целью отбивали головы статуй, так как именно в них, согласно представлениям номадов, сохранялась сила погребенного героя. Не менее известна и склонность некоторых фанатично настроенных мусульман к уничтожению изображений человека³, поскольку каноны этой религии запрещают изображать людей. Но памятники, на которых были бы видны следы уничтожения именно изображения птицы, насколько мы можем судить, пока не обнаружены, да и основания для подобного вандализма предположить сложно.

Известно, что древние тюрки могли окрашивать каменные изваяния или их части [Кубарев, 1984: 20, 82; Ермоленко, 2003: 236–239]. Отсюда можно предположить, что птица могла быть нарисована, однако с течением времени исчезала бесследно; может быть, это исчезновение даже символизировало постепенный переход души в иной мир. Однако даже если это было так, без ответа остается вопрос: почему в некоторых случаях птицы высекались на камне, чтобы сохраниться на века? Более того, в научной среде до сих пор нет единства в понимании значения этого образа.

История изучения

По-видимому, первое упоминание о тюркском изваянии с птицей принадлежит французскому ориенталисту и путешественнику Шарлю Эжену де Уйфальви, в 1876–1878 гг. побывавшему в Центральной России, Средней Азии и Сибири. Он видел та-

² Так, японский исследователь Т. Хаяши сообщает о 991 изваянии по состоянию на 2001 г., распределенном по регионам следующим образом: Монголия – 330, Алтай – 256, Тува – 100, Хакасия – 5, Восточный Туркестан – 182, Кыргызстан – 100, Узбекистан – 20, Туркменистан – 2, Таджикистан – 1 [Hayashi, 2001: 221–240]. На самом деле их гораздо больше. В свое время С. А. Плетнева собрала сведения о 1323 только половецких изваяниях [Плетнева, 1974]. На Алтае В. Д. Кубарев насчитал 256 статуй [Кубарев, 1984]. Д. Ф. Винник сообщает о примерно 600 изваяниях, известных к середине 1995 г. только в Кыргызстане [Винник, 1995: 175]. Л. Н. Ермоленко использовала данные о 526 изваяниях из Казахстана, Кыргызстана и сопредельных территорий Омского Прииртышья и Южного Приуралья [Ермоленко, 2004]. Каталог музейных коллекций Южной Сибири включает 55 древнетюркских статуй, немалая часть которых была опубликована ранее В. Д. Кубаревым [Кубарев В. Д., Кубарев Г. В., 2013]. В Монголии учтено 737 изваяний древнетюркской эпохи и 9 – уйгурской [Монголын археологийн өв, 2016: 38].

³ Достаточно вспомнить печальную судьбу бесценных древних фресок Восточного Туркестана, а из новейшей истории – подрыв боевиками Талибана бамианских буддийских колоссов.

кое изваяние в Семиречье на почтовой станции Алтын-Эмель и счел его калмыцким [Expedition scientifique, 1879: 108, 139]⁴: «Уйфальви видел в ташкентском музее «трахитового⁵ идола, найденного близ озера Иссык-Куля, вероятно, калмыцкого происхождения». Эта каменная баба ничем не напоминает «идола из известняка, находящегося на Алтын-эмеле»; последнего он видел на алтын-эмельской почтовой станции; «это мужчина, с поджатыми ногами, держащий в правой руке голубя; работа грубая, вообще калмыцкого происхождения»; на Алтын-эмеле в горах было две каменных бабы, но генерал Колпаковский⁶ велел одну перевезти в Верный» [Аристов, 2001: 60].

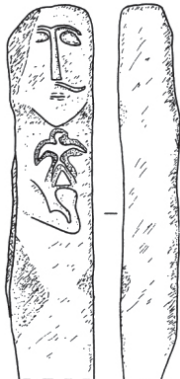
Перечень изваяний с изображением птицы
List of sculptures depicting a bird

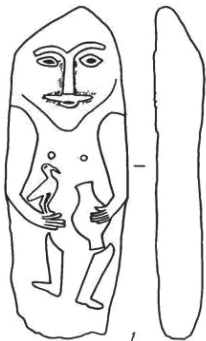

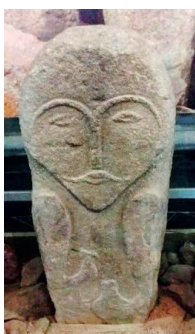

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
1		Алтын-Эмель, Жетысу	Томский госу- дарственный университет	Ch. E. de Uijfalvy, 1879; Флорин- ский, 1896; Шер, 1966	нет
2		Дегерес, Жам- былский р-н, Жетысу	РКМ Казахстана, Алматы	Шер, 1966	есть

⁴ К этому тому был приложен рисунок «калмыцкого идола». К сожалению, эта публикация оказалась нам недоступной; ссылка дается по работе: [Аристов, 2001: 60].

⁵ Трахит (от греч. *τραχύς* — шероховатый, неровный) — магматическая горная порода.

⁶ Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896) — генерал от инфантерии, прославившийся участием в завоевании, а затем и в обустройстве Средней Азии. Помимо прочего, курировал проведение археологических изысканий по линии Императорского Русского географического общества.

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
3		Кара-Балты, Чуйская долина, место находки не установлено	ИМ Кыргызстана, Бишкек; ныне, по-видимому, утрачено	Бернштам, 1943; Шер, 1966	нет (?)
4		Каркаралинск, Центральный Казахстан	Томский государственный университет	Флоринский, 1896; Шер, 1966	нет
5		Курдай, Чуйская долина	Государственный Эрмитаж, С. — Петербург	Бернштам, 1941; Бернштам, 1950; Шер, 1966	нет
6		700 м к юго-юго-востоку от озера Караколь, Жарминский р-н, Семипалатинская (ныне Восточно-Казахстанская) обл., Казахстан	Находится на месте обнаружения (?)	Ермоленко, 1999; Ермоленко, 2004	есть (?)

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
7		Ущелье Унгур-ли, совхоз «Коммунизм», Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Музей казахских народных музыкальных инструментов имени Ыкыласа, г. Алматы	Чариков, 1989, Байбосынов, 1996	есть
8		Ущелье Унгур-ли, совхоз «Коммунизм», Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	Байбосынов, 1996	есть
9		Урочище Дальний Жайсан, Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	Сокровища древнего Тараза, 2008 (только фото)	есть
10		Урочище Дальний Жайсан, Шуский р-н, Жамбылская обл., Казахстан (условия обнаружения неизвестны)	Жамбылский областной историко-краеведческий музей	?	есть

№	Изваяние	Место находки	Место хранения	Публикация	Наличие сосуда
11		Их-Асгат, Булганский аймак, Монголия	Находится на месте обнаружения	Ядринцев [Радлов, 1892]	есть
12		Сомонон Ундурхангай, Убсунурский аймак, Монголия	Находится на месте обнаружения	Тудэв, 2014	есть
13		Урочище Кой-Са-ры, Кыргызстан	Находится на месте обнаружения (?)	Винник, 1963	Возможно, в правой руке изображена не птица, а сосуд

Примечание. Изваяния 7 и 8 *in situ* были ориентированы лицами на север.

Затем появляется сообщение [Флоринский, 1888: 167–169], а позже и объемистый труд врача, археолога и общественного деятеля В. М. Флоринского (1834–1899), где дается описание алтын-эмельского изваяния, к тому времени доставленного в музей при Томском университете⁷, а также приводятся фотографии его и еще одного изваяния с птицей из Каркаралинска. В отличие от Ш. Э. де Уйфальви, автор довольно высоко оценивает мастерство древнего каменотеса, а в птице видит сокола, а не голубя: «Истукан, доставленный в музей Томского университета с Алтын-Эмельского пикета (в 112 верстах от реки Или, по тракту), отличается от прочих тем, что, вместо чаши,

⁷ О перипетиях доставки алтын-эмельского и каркаралинского изваяний в музей и об их последующей судьбе см.: [Ожередов, 2016: 457–470].

на кисти правой руки он держит птицу (похожую на сокола). Эта фигура (см. табл. IX) представляет полного мужчину с круглым лицом и круглою головой. Передняя часть головы, по-видимому, показана без волос, но с левой стороны на темени высечена полукруглая выдающаяся шишка, величиною с куриное яйцо, может быть, представляющая чуб. Кзади от этой шишки, на затылке, волосы подобраны и подтянуты узкою, рельефно высеченною лентою. Эта лента захватывает только затылочную и височные части, оканчиваясь против ушей круглыми колечками. Подобренные на затылке и перехваченные лентою волосы частью опускаются из-под повязки на спину, но дальше шеи проследить их нельзя, потому что задняя часть фигуры (спина) оставлена без всякой скульптурной отделки. Голова, торс, руки и птица высечены довольно отчетливо и искусно, а ноги только очерчены по плоскости камня, без рельефной округлости. Они изображены скрещенными внутрь, что называется «калачом» [Флоринский, 1896: 39, табл. IX, рис. 11–12].

В начале 1940-х гг. на статуи с изображениями птиц обратил внимание А. Н. Бернштам, хотя в первой публикации о результатах археологических работ в Киргизии он лишь дает изображение одной из таких статуй, обнаруженной в местечке Курдай (Чуйская долина, № 5 нашей таблицы), но описание статуи не приводит и наличие птицы не комментирует [Бернштам, 1941: 62–63, табл. X, рис. 8]. В книге, вышедшей два года спустя, автор пишет по поводу находки из Кара-Балты: «Особый интерес представляет одно изваяние, найденное не *in situ*, изображающее мужской торс (голова отбита), левой рукой изображение держит чашу, а на правой сидит сокол. Такого типа изваяние до сих пор было известно только одно» [Бернштам, 1943: 20]⁸. В качестве иллюстрации он приводит очень нечеткий рисунок, выполненный художником М. В. Рындиным [Бернштам, 1943: табл. VI, рис. 13]. Попыток объяснить наличие сокола А. Н. Бернштам не предпринимает.

Спустя 20 лет появилась статья Д. Ф. Винника, посвященная находкам Иссык-Кульского археологического отряда в урочище Кой-Сары в Киргизии. Среди них автор упоминает изваяние, возможно, держащее в согнутой правой руке птицу, формы которой едва можно проследить [Винник, 1963: 30].

Я. А. Шер в своей ставшей классической монографии по семиреченским изваяниям привлек публикации В. М. Флоринского и А. Н. Бернштама и дополнил их еще одним изваянием, условия находки которого в Дегересе (Семиречье) остались неизвестными, а само оно хранилось в музее Алма-Аты. Таким образом, монография Я. А. Шера учитывает пять изваяний с птицей и включает их описания, ссылки на источники и изображения [Шер, 1966: 113–114, 116, табл. XXIII, рис. 105–108]. От каких-либо трактовок семантики изображения птицы автор воздерживается [Шер, 1966: 55].

Краткое сообщение Н. С. Модорова о нахождении древнетюркской статуи с птицей в Улаганском районе Горного Алтая не сопровождается ее публикацией [Модоров, 1972: 47–48]. Каких-либо дополнительных сведений об этом изваянии нам обнаружить не удалось.

⁸ Автор имел в виду курдайское изваяние. Похоже, А. Н. Бернштам не знал о публикациях В. М. Флоринского.

В 1989 г. вышла статья А. А. Чарикова с сообщением о новой находке изваяния с птицей в Казахстане [Чариков, 1989: 184–192]. Позже этого вопроса касалась Л. Н. Ермоленко [Ермоленко, 1992: 94–96; Ермоленко, 1999: 86–91].

Книга К. Байбосынова, вышедшая в 1996 г. на казахском языке, содержит фотографии двух изваяний, держащих в руке птицу [Байбосынов, 1996: 111]; одно из них было ранее опубликовано А. А. Чариковым. Появившийся несколько позже фотоальбом «Сокровища древнего Тараза» включает одно фото скульптуры с птицей [Сокровища древнего Тараза, 2008: 116].

Последним обобщающим трудом по каменной скульптуре Казахстана является монография Л. Н. Ермоленко, в которой приводятся сведения также о пяти изваяниях с птицей. Исследовательница пришла к заключению, что они не представляют собой обособленный тип, так как встречаются в комплексе с различными группами изваяний [Ермоленко, 2004: 45]. Насколько нам известно, только в двух из существующих классификаций древнетюркских изваяний монументы с фигурой птицы выделены в отдельную категорию — у Я. А. Шера [1966: 26] и у турецкого ученого Октая Белли [Belli, 2003: 93].

Семантика образа птицы

Прежде чем пытаться истолковывать символику атрибутов тюркских изваяний (сосуд, оружие, пояс и другое, включая и птицу), ученым было необходимо решить принципиальный вопрос о назначении самих изваяний. В результате длительной дискуссии победила точка зрения, что это памятники, маркирующие элитные поминальные комплексы древних тюрков и обозначающие усопших/погибших героев. Привлечение лингвистических и этнографических материалов привело к предположению, что птица символизирует душу покойного, и теперь поколения археологов и историков удовлетворяются этой догадкой, не ставя при этом вопрос, который, казалось бы, не может не возникнуть: почему птица изображена далеко не на каждом изваянии? Ведь не значит же это, что памятники, лишенные таких изображений, ставили героям еще при их жизни. Очевидно, покойный должен был чем-то отличаться от подавляющего большинства своих соплеменников.

То, что душа человека покинула его тело, ясно уже из самого факта установки в его честь изваяния. Дублирование констатации смерти еще и какими-то изображениями на этом изваянии кажется излишним, хотя исключить такую вероятность нельзя: известны примеры даже мультиплицирования той или иной идеи при проведении различных ритуалов (так называемый парад знаковых систем), и чем значимее ритуал, тем больше средств выражения заложенной в нем идее находили люди.

Значительно реже высказываются предположения о том, что птица символизирует особую небесную силу, которой обладают герои, — *кут*⁹. Именно наличие этой силы позволяет человеку вершить подвиги, возглавлять соотечественников и вести их к победам. Представляли ли древние тюрки *кут* в орнитоморфном виде, сказать трудно, и тут на помощь приходят аналогии с *фарном*, почерпнутые из зороастрийской культуры

⁹ Одна из лучших работ в этой области — до сих пор не утративший своего значения труд А. Бомбачи [Bombaci, 1965: 284–291; 1966: 13–43].

ираноязычных народов, в том числе из священных текстов Авесты, где *фарн* в виде птицы покидает Йиму (Джамшида) — правителя из легендарной династии Пишдадидов:

«А когда он (Йима) ту лживую речь
Возлюбил,
То на глазах у всех от него х^ʷarənah
В облике птицы отлетел.
Не видя любимого х^ʷarənah,
Зашатался безрадостный Йима;
Оказавшись во власти врага,
Рухнул на землю.
Когда первый раз отвернулся
Х^ʷarənah от светлого Йимы,
Отлетел х^ʷarənah от Йимы
В облике птицы vārəuna» [Бертельс, 1960: 57].

В своей «птичьей ипостаси» *фарн* предстает в виде хищника, по мнению большинства ученых, сокола. Птица на тюркских монументах, как правило, похожа на сокола, что, наряду с твердо установленным фактом тесного взаимодействия тюркоязычных и ираноязычных народов в древности и раннем Средневековье, позволяет допустить вероятность перенесения этого образа в кочевую среду, тем более, что тюркские изваяния воздвигались в честь героев, очевидно, обладавших этой божественной силой. Впрочем, такое предположение требует объяснения, почему тюрки воспользовались символом, рожденным в другой культуре, и даже если получится доказать наличие заимствования, следует выяснить, в силу чего статуи с птицами во всех остальных деталях практически ничем не отличаются от всех остальных статуй (назовем их условно «не харизматичными»). На сегодняшний день удовлетворительное объяснение получила семантика птицы на тиаре знаменитого деятеля Второго каганата Кюль-тегина (684? — 731), восходящая, вероятно, к сасанидским образцам и через посредничество образа Вайшраваны (божества — стража богатств и хранителя севера), почитавшегося в Китае эпохи Тан (618–907) и имевшего на головном уборе изображение птицы, попала к тюркам [Chen Ling, 2017: 139–198].

Можно предполагать также, что изваяния с изображением птицы были посвящены индивидам, занимавшим в древнетюркском обществе какое-либо особое положение: шаманам или служителям иных культов, представителям каких-то специфических профессий, инкорпорированным в кочевую среду иноземцам (тут на память приходят в первую очередь согдийцы), иноплеменным брачным партнерам и т. д. В иконографии этих монументов не прослеживается какой-либо определенной системы, которая могла бы дать ключ к расшифровке их этнической или социальной принадлежности. Однако эта мысль представляется нам перспективной, и мы к ней еще вернемся.

Из всех древнетюркских изваяний с птицей надежно атрибутированы лишь два, оба из Монголии, причем одно из них сразу оставим за скобками — это найденная в 1958 г. чешско-монгольской археологической экспедицией под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава голова от статуи Кюль-тегина, о котором говорилось выше. Птица на тиаре там явно несет геральдическую нагрузку, являясь символом власти [Кубарев,

1984: 25]¹⁰, и, возможно, обозначает китайского феникса [Stark, 2009: 119–133; Çeşmeli, 2015: 67–80]¹¹. Сам Л. Йисл выдвинул несколько гипотез относительно семантики птицы на головном уборе Кюль-тегина, в частности, провел параллели с птицей на коронах сасанидских монархов. По его мнению, довольно схожая с древнетюркской птица изображена на монетах Ардашира II (379–383) и просматривается на его короне. У нее длинная шея и наклоненные крылья. Л. Йисл, однако, считал эту аналогию отдаленной, поскольку нет никаких указаний на заимствование этого образа тюрками; нет и свидетельств о культе подобного рода птиц в среде тюрков того периода. Однако ученый предположил, что в данном случае мы имеем дело с китайской мифической птицей *цзинь* и, следовательно, можем допустить, что этот символ оказывается заимствованным тюрками у китайцев. Считалось, что *цзинь* способна отводить несчастья и указывать путь выхода из трудной ситуации. Пытаясь найти собственно тюркские истоки образа птицы, Л. Йисл пришел к выводу, что, скорее всего, она символизировала душу человека, но признал, что доказать эту версию пока невозможно. В заключение он предложил еще один вариант интерпретации изображения птицы на тиаре Кюль-тегина — в качестве символа высокого социального статуса умершего [Jisl, 1997: 71–72]¹². Э. Кагеема считает, что «крылатый» головной убор Кюль-тегина напоминает сасанидскую корону «типа Пероза», получившую свое название по короне, которую носил шаханшах Пероз I после 476/477 г. Ее образ скопировали эфталиты, а у них позаимствовали согдийцы [Kageyama, 2007: 11–22], и уже отсюда несложно предположить ее рецепцию тюрками. В любом случае давно уже пора отказаться от истолкования этой птицы как знака отлетевшей души [Дробышев, 2017: 181–182].

Второе атрибутированное изваяние — каменная плита из Их-Асгата (Булганский аймак), впервые описанная Н. М. Ядринцевым [Радлов, 1892: 39], принадлежность которой считается точно установленной благодаря наличию на ней рунической надписи. Она посвящена некоему Текешу¹³ и его двум безвременно скончавшимся сыновьям: «(Памятник) Текеша, младшего брата Кюль-тудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах Алтун Тамгантархана, младшего брата Кюль-тудуна (мы сделали этот памятник) ... Оставшиеся два сына его, Торгул и Йэльгек, в год свиньи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись (с вами)» [Малов, 1959: 45]. На каменной плите высечены три мужские фигуры: скорее всего, это сам Текеш и его сыновья, пребывающие, надо полагать, в сцене за-

¹⁰ То же самое необходимо сказать о золотой тиаре Бильге-кагана, также найденной при раскопках в Хушо-Цайдаме. Третья находка со стилистически идентичной фигурой птицы — золотая бляха от одежды — была сделана в Первом кургане могильника Каракыстак-3 в Семиречье. Порой эти три изображения расценивают как олицетворение небесного фарна (тюрк. *кут*), присущего тюркской элите [Досымбаева, 2007: 75] (рисунок бляхи с птицей украшает обложку книги Досымбаевой).

¹¹ Некоторые исследователи видят в ней орла [Кляшторный, 2003: 56] или сокола [Ермоленко, 1998: 96–97]. Возможно, уместной будет аналогия с фигурой сокола на головном уборе танских военных чиновников.

¹² Благодарю Д. В. Рухлядеву за указание на эту публикацию.

¹³ По поводу его личности и времени его жизни существуют лишь предположения. Судя по его прозвищу, он служил хранителем каганской печати, а наличие тамги Ашина указывает на его принадлежность к правящему клану. Годом свиньи в эпоху тюркских каганатов могли быть 555, 567, 579, 591, 603, 615, 627, 687, 699, 711, 723, 735 и 747 гг. Скорее всего, похоронен он был не позже середины VIII в., когда власть этого клана в степях закончилась.

упокойного пира, а справа сверху, над *тамгой* Текеша, помещено изображение птицы, по-видимому, сокола. Впрочем, существуют и другие трактовки. Так, Т. Озава считает, что это китайский феникс [Osawa, 2000: 201]. По мнению ряда исследователей, птица олицетворяет душу умершего Текеша, и такие же души-соколы изображены на изваяниях из Семиречья [Кызласов, 1964: 34–35; Кызласов, 1969: 41; Tryjarski, 1991: 75]¹⁴. Мы полагаем, что это единственный случай, когда можно принять версию о символических птицах как души, поскольку памятник резко отличается от типичных древнетюркских статуй, и птица находится не в руке человека, а в стороне от него и несколько выше.

Цитированная надпись как будто дает повод полагать, что мысль о нетюркской принадлежности памятников с птицей ошибочна¹⁵. Однако на самом деле она не позволяет делать заключение относительно *всех остальных* изваяний, на которых изображена птица.

Помимо этого, образ птицы включен в орнаменты на некоторых каменных плитах поминальных комплексов тюркских вождей с территории нынешней Монголии, но особенности его исполнения побуждают видеть в нем чисто китайскую стилистику, поэтому здесь мы его не обсуждаем и возвращаемся к статуарным памятникам древних тюрков.

Как правило, птица изображается в правой руке статуи¹⁶, там, где обычно находится сосуд. Известно два бесспорных случая, когда сосуд помещен в левую руку, тогда как правая занята птицей [Чариков, 1989: 184–185; Байбосынов, 1996: 111; Түдэв, 2014: 264–265, 278], и один сомнительный, когда птица вроде бы находится в правой руке над сосудом [Ермоленко, 1999: 88], но поручиться за точность последней интерпретации нельзя, поскольку прочерченные на камне линии позволяют трактовать рисунок по-разному. Кроме того, трудно представить достаточно крупное пернатое существо, сидящее на небольшом сосуде. Изображения различных деталей на древнетюркских изваяниях вполне реалистичны, поэтому кажется маловероятным, что резчик объединил эти два плохо сочетаемых фрагмента. Хорошо известно, что в кочевом мире держать во время пира сосуд с напитком (тем более ритуальным, раз речь идет о тризне) в левой руке является грубейшим нарушением этикета. Не случайно древ-

¹⁴ Здесь можно было бы спросить, почему птица олицетворяет лишь душу Текеша, хотя памятник поставлен не только ему, но и двум его сыновьям, т.е. птиц, казалось бы, должно быть три. Можно, конечно, предположить, что создатели погребально-поминального комплекса в Их-Асгате имели в виду некую «родовую душу», но доказать это вряд ли получится. Т.Д. Скрынникова, тоже задавшаяся вопросом о несоответствии числа мемориантов числу изображенных птиц, высказала догадку, что в данном случае птица знаменует собой харизму рода Текеша в ее орнитоморфном облике [Скрынникова, 2013: 281].

¹⁵ Точнее, как уже говорилось, здесь мы имеем дело с выходцем из клана Ашина, но генезис самого клана неясен и может быть связан с тюркским этническим субстратом лишь на сравнительно поздней стадии.

¹⁶ Фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в столицу Монгольской империи Каракорум по поручению французского короля Людовика IX (1226–1270), засвидетельствовал не только развитую среди монголов соколиную охоту, но и тот факт, что «соколов и кречетов носят на правой руке» [Гильом де Рубрук, 1997: 97]. См. также: [L'empire de Gengis-khan, 1963: III. №№ 3, 3b, 15, 15a, 25; Юрченко, 2012: 92]. Аналогично поступали охотники средневекового Китая, в том числе и современники тюркских каганатов [Schafer, 1958: 316]. Вряд ли древние тюрки держали охотничьих птиц иначе.

нетюркские статуи держат сосуд в правой руке, и лишь в очень редких случаях сосуд изображен в левой руке, причину чего также было бы желательно выяснить. Возможно, именно поэтому птица просто замещает собой сосуд в правой руке статуи, и он не переносится в левую руку.

Существует много трактовок назначения сосуда в руках древнетюркских и кыпчакских изваяний. Большинство авторов соглашаются в том, что в сосуде «находится» ритуальный напиток, который «употребляется» умершим героем совместно с его живыми сородичами¹⁷. Мы также придерживаемся этой точки зрения. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов предположили, что сосуд содержит «жизненную силу» воина [Кляшторный, Савинов, 2005: 245]. Если эта реконструкция окажется подтвержденной, то смысл замены сосуда птицей может получить дополнительное обоснование: пернатый хищник — та сила, которая поднимает душу героя в Верхний мир.

Как уже говорилось, мысль о том, что птица символизировала отлетающую душу (или одну из душ) покойного героя, прочно завладела умами ученых [Tryjarski, 1991: 75, 303; Войтов, 1996: 75; Елеукунова, 1999: 68, 80; Бичеев, 2008: 14; Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011: 208]¹⁸. Надо признать, что она имеет под собой достаточно мощный фундамент фактов, собранных поколениями исследователей в Средней и Центральной Азии, и у нас нет никаких оснований подвергать ее сомнению.

Пожалуй, наиболее весомым является лингвистический аргумент. В языке древних тюрков одним из значений глагола *ищ-*, наряду с основным «летать, парить», также является «умирать» [Древнетюркский словарь, 1969: 603; Севортян, 1974: 612–613; Тенишев, 1976: 169]. Согласно подсчетам Э. Трыярского, в орхонских рунических надписях эта идея воплощается семь раз [Tryjarski, 1991: 78–79]. Например, Большая надпись Кюльтегина включает следующий оборот: «Kül tigin qoñ yılqa yity yegirmikä uçdı» («Принц Кюль умер (букв. улетел) в семнадцатый день года Овцы») [Talat Tekin, 1968: 237, 272]. Ср.: [Малов, 1951: 38]. Затем к этому образу прибегали уйгуры. Так, надпись на памятнике уйгурскому Моюн-чуру (так называемый «Селенгинский камень») гласит: «Anta kesrä qañim qağan uçdı» («После этого мой отец каган скончался») [Малов, 1959: 30–44]. Указанное значение глагол сохранял и в XIV в. В уйгурском документе под шифром Ра

¹⁷ Данная версия тем более вероятна, что чашу или кубок с напитком кочевники иногда помещали в могилу. Так, секретарь посольства аббасидского халифа ал-Муктадир (895–932) Ахмад ибн Фадлан отметил следующий момент в похоронном обряде огузов на Волге: «А если умрет человек из их [числа], то для него выкоют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме» [Ковалевский, 1956: 128]. *Набиз* — хмельной напиток, приготавливаемый из фруктов, злаков, меда. Подобный обычай зафиксировал Плано Карпини у монголов: «Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком...» [Плано Карпини, 1997: 38].

¹⁸ Один из исследователей даже нашел в появлении монументов с птицей прогресс по сравнению с монументами, держащими в руках сосуд: «А в Семиречье фантазия некоторых ваятелей стала изображать на руках статуй вместо канонизированных кубков и прочих сосудов, птиц. Образ птицы, тесно связанный с поминальным культом и символизирующий одну из душ покойного (по представлениям тенгрианцев тюрков), свидетельствует о значительном шаге вперед, который проделали древнетюркские скульпторы в сторону большей абстракции изобразительных форм искусства» [Шарипов, 2014: 327].

17 (= USp 22), составленном в годы правления первого хана Моголистана Туглуг Темюра (1347–1363) и представляющем собой обращение к правителю о необоснованности налога на наследственные земли, есть фраза «*bu yül-ta aqa uür*» («после гибели в этом году старшего брата») [Уйгурские деловые документы, 2013: 104–107].

Судя по некоторым данным, монголы унаследовали от тюрков понятие о связи смерти с образом птицы (либо имели свое). В монгольских летописях смерть Чингис-хана уподобляется «превращению» в птичье крыло. Заслуживает внимания тот факт, что в его оплакивании речь идет о хищной птице:

«Обернувшись крылом парящего ястреба,

ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки грохочущей, государь мой?

Обернувшись крылом добычу хватающего ястреба, ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки с вертящейся осью, государь мой?

Обернувшись крылом щебечущей птички, ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки скрипящей, государь мой?» [Лубсан Данзан, 1973: 240–241]¹⁹.

Известный монголовед Н. П. Шастина объясняет этот пассаж влиянием шаманизма: «Трижды повторенный образ крыла отлетающей птицы представляет собой одно из шаманских верований, согласно которому иногда душа улетает на крыле птицы в загробный мир» [Шастина, 1977: 476]. Аналогично его понимает С. Ю. Неклюдов [1984: 246].

Впрочем, есть и другая трактовка образа птицы у средневековых монголов, изоморфная символизму птицы (точнее, сокола) в культуре ираноязычных народов [Baumann, 2013: 256]. Это символ особой духовной силы — харизмы (монг. *сультэ*), наличие которой делало человека вождем. В образе белого сокола она явилась во сне унги-ратскому Дай-Сечену из «Сокровенного сказания монголов» [Козин, 1941: § 63]; по мнению Т. Д. Скрынниковой, эта птица как раз и олицетворяла *сультэ* Есугея [Скрынникова, 2013: 249] — отца Тэмучжина (так в детстве звали Чингис-хана), ибо судьба отвела Дай-Сечену роль тестя Чингис-хана.

Возвращаясь к наследию тюркоязычных народов, нельзя пройти мимо знаменитого творения Захир ад-Дина Мухаммада Бабура (1483–1530) — написанных на чагатайском языке мемуаров, известных как «Бабур-наме». Говоря об уходе из жизни тех или иных людей, автор использовал различные стилистические приемы. По отношению к самым близким и почитаемым родственникам мужского пола — своему отцу Омар Шейху мирзе и его деду по материнской линии Юнус хану он употребил поэтическую формулу *şınqar boldy* («стал соколом») [Благова, 1994: 127–128; Сравнительно-историческая грамматика, 2006: 704–705].

Уподобление души птице, а тела — клетке бытовало на средневековом мусульманском Востоке. Так, чувствуя приближение смертного часа, великий Тимур (1336–1405) якобы изрек: «Подлинно знаю, что птица духа собирается улететь из этой клетки...» [Шараф ад-Дин Али Йазди, 2008: 343]. Бухарский Субхан-Кули-хан (1680–1702) из ди-

¹⁹ Буквальный перевод: «ушел (отправился), став крылом птицы» (консультация П. О. Рыкина (ИЛИ РАН)).

настии Аштарханидов выразился аналогично (если балхский историк не «заставил» его процитировать Тимура): «Я точно знаю, что птица (моей) души (скоро) вылетит из клетки тела и найдет убежище в божественном чертоге» [Мухаммед Юсуф мунши, 1956: 177].

Тем не менее, приписывание указанной символики *любому* изображению птицы на культовых объектах, в том числе связанных с похоронно-поминальной обрядностью, выглядит сомнительно. Представление о птице-душе широко распространено по земному шару и зафиксировано у различных народов, этнически и культурно нередко очень далеких друг от друга [Соколова, 1972: 107–111; Иванов, Топоров, 1992: 347]. Крупный специалист по монгольским древностям Э. А. Новгородова считает изображения птиц, найденные в Центральной Азии, символом предков с конца IV–III тыс. до н. э. и до начала XX в. По ее мнению, птицы в руках древнетюркских статуй можно считать знаком отлетевшей души [Новгородова, 1986: 55–56]. Однако А. И. Мартынов и В. Ю. Чигаева, различая целый ряд основных сюжетов с птицами среди петроглифов Севера Азии, не выделяют из них ни одного, который был бы как-то связан со смертью [Мартынов, Чигаева, 2006: 317].

Ситуация запутывается еще больше, если в птице видят тотем рода, которому принадлежит покойный. Что касается тюркского правящего клана Ашина, то его тотемом, как известно, считается волк, но среди древнетюркских тамг имеется тамга, осмысливаемая как знак ворона. В 647 г. западно-тюркский каган преподнес танскому императору некую «золотую птицу», и чиновник Ван Циньжо прокомментировал этот дар: «Это был Ворон. Они (тюрки. — Ю. Д.) вырезали из дерева пернатое существо и покрыли его золотом». Обсуждая этот эпизод, Ю. А. Зуев указал, что прилет в Китай птиц, похожих на ворон, якобы предвещал нашествие тюрков. По его мнению, речь идет о копытке, «тюркской пташке». На этом основании ученый считает птицу на тиаре Кюль-тегина олицетворением Ворона-Солнца [Зуев, 2002: 25, 226]²⁰. Однако копытка, она же саджа (лат. *Syrnhaptes paradoxus*), гораздо меньше вороны, не говоря уже о вóроне, имеет иную окраску и принадлежит к другому семейству рябковых (лат. *Pteroclididae*).

Еще менее убедительными выглядят трактовки, где птица-душа непосредственно не фигурирует, но подразумевается. Так, Э. Г. Гафферберг объясняет обычай белуджей Туркмении обсыпать могилу пшеницей представлением о том, что душа покидает тело в образе птицы. Но как объяснить выливание на эту же могилу двух-трех ведер воды [Гафферберг, 1975: 241]? Скорее, в этом обряде воплощается практически универсальная символика возрождения к новой жизни. Поэтому не так уж редки в древних могилах находки зерен злаков.

Одним из первых, кто высказал предположение о том, что статуи с птицей могли посвящаться охотникам, использовавшим ловчих птиц, был А. Н. Бернштам, но он нашел позу птицы более соответствовавшей посадке голубя, а не пернатого хищника, и практически сразу ушел к гипотезе о птице-душе и вспомнил заодно древнетюркский тотемизм [Бернштам, 1952: 145]. В. Д. Кубарев и В. И. Забелин в своей содержа-

²⁰ Точка зрения Ю. А. Зуева находит сторонников: [Bogenbaev, Shaldarbekova, Zhalmirza, 2014: 616].

тельной статье предположили, что на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана показана ловчая птица, однако, они не развили эту тему [Кубарев, Забелин, 2006: 100]. Проанализировав детали изваяния с птицей, найденного в ущелье Унгурли, на территории совхоза «Коммунизм» Чуйского р-на Джамбулской области Казахстана, А. А. Чариков верно заметил: «На правой руке, по-видимому, ловчая птица из семейства орлиных, по очертаниям напоминающая степного орла. Расположением на руке — в том месте, где обычно и усаживают ловчих птиц во время охоты, — видимо, определяется функциональное назначение птицы» [Чариков, 1989: 184]. В то же время исследователь не исключал и вероятность тотемистического осмысления этого образа, допуская, что «в данном случае в образе птицы заложена двойная смысловая нагрузка» [Чариков, 1989: 184]. По вполне убедительному утверждению Н. Базылхана, на некоторых памятниках (из Дегереса и Кара-Балты) высечена фигура сокола (*сункара*) [Базылхан, 2013: 163, 167–168]. Эту идею поддерживает Ю. И. Ожередов [2016: 466].

По-видимому, ближе всех к решению загадки с изображениями птиц подошел петербургский этнолог Г. Н. Симаков. Комментируя соображения Я. А. Шера относительно семиреченских изваяний с птицами, автор высказался с большой определенностью: «Мы в свете этнографических данных видим в этом факте два взаимосвязанных момента: во-первых, то, что погибший, умерший воин был при жизни заядлым соколятником, во-вторых, что птица на памятнике, воздвигнутом в его честь, является символическим изображением души умершего, ее материальным воплощением» [Симаков, 1998: 63]²¹. На этих же страницах Г. Н. Симаков привел ряд примеров из среднеазиатской этнографии в подтверждение своих слов и сделал заключение, которое представляется очень важным: «У нас есть некоторые основания полагать, что ловчая птица была таинственным образом связана с душой ее хозяина и при жизни» [Симаков, 1998: 62]. Действительно, эта связь была настолько интимной и значительной, что владелец сокола или другой хищной птицы никогда не соглашался отдать ее или продать, а если птица терялась, он отправлялся на долгие поиски, ибо это было равносильно потере собственной души и (по крайней мере, в эпических произведениях народов Средней Азии и Казахстана) приводило человека к смерти [Симаков, 1998: 64–66].

Представляется, что Г. Н. Симаков находился буквально в одном шаге от правильного решения. Убедительно обосновав связь души хозяина с его охотничьей птицей, он в итоге уподобил душу птице (в вышеприведенной цитате это продемонстрирова-

²¹ Этому не противоречат сообщения источников о поднесении пернатых хищников в дар, как, например, было в случае передачи кыргызскими послами белых соколов монголам [Рашид ад-Дин, 1952а: 150]. Очевидно, птицы еще не имели определенных хозяев, с которыми они могли бы «сродниться», и мы не можем согласиться с утверждением Г. Н. Симакова, что «дар в виде сокола в данном случае означал передачу души своей, своего благополучия (духовного и материального) во власть победителя» [Симаков, 1998: 159]. Думается, дело здесь не в самих птицах, а в их белом цвете, маркирующем их как особый, сакральный дар, так как белый цвет в кочевой культуре сакрален. Напомним, что, согласно «Сокровенному сказанию монголов», помимо белых кречетов, кыргызские нойоны поднесли сыну Чингис-хана Джучи также белых меринов и белых соболей [Козин, 1941: § 239].

но совершенно четко)²². Между тем все сообщаемые этим автором сведения говорят о том, что птица фактически является хранителем души своего хозяина, и поэтому ее посмертная роль исключительно важна: она сопровождает душу умершего в Верхний мир, которому сама же и принадлежит. При этом даже не имеет особого значения, в каком виде древние тюрки или другие народы представляли отлетающую душу²³: ей нужен сильный провожатый, который мог бы защищать ее от всевозможных опасностей этого путешествия. Трудно представить в таком качестве кого-либо более подходящего, чем благородную хищную птицу, служившую человеку еще при его жизни.

Как отмечает В. Ю. Чигаева, «скульптурки летящих птиц в погребении младенца могут интерпретироваться как переносчики душ в загробный мир» [Чигаева, 2008: 110]. Такое предположение видится достаточно резонным: душа младенца слаба и беззащитна, чтобы достичь небесных чертогов, ей нужен помощник. В этой связи заслуживает внимания уподобление души птенцу. В 50 м к северу от юго-западной группы курганов могильника Уйтаг-10 в Хакасии найдена перемещенная каменная стела, предположительно относящаяся к окуневской археологической культуре и в более позднюю эпоху (VIII–IX вв.) использовавшаяся для нанесения рунических надписей. Оригинально следующее высказывание: «Кёк Тенгри (Голубое Небо!) ... Увы, я был (твоим) птенцом!» [Васильев, 2016: 44]. Подтверждает ли эта фраза тезис о птице-душе? Во всяком случае, не опровергает, и в то же самое время вполне согласуется с приведенными выше соображениями: очевидно, птенцу требуется провожатый и защитник, хотя на стеле его изображение не выявлено. Есть также версия, что птицам придавали значение переносчиков на Небо душ жертвенного скота [Савинов, 2000: 205].

Птицы-«проводимые» известны в верованиях некоторых народов. Немаловажно, что подобное представление было зафиксировано у якутов, предки которых — кочевое племя курыкан — мигрировали с Енисея в Забайкалье, а оттуда на территорию нынешней Якутии. Участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) Я. И. Линденау описал похороны богатого якута: «По углам вбивали шесты с насаженными на них деревянными изображениями птиц, которые назывались *ёлюю суора-тураага* — вороны смерти. Они якобы сопровождали душу покойника» [Линденау, 1983: 41].

Однако еще более яркая параллель обнаруживается в культуре императорского Рима. Греческий историк Геродиан (ок. 180 — ок. 250) оставил описание «апофеоза», которым завершались похоронные обряды императоров и в котором не последнюю роль играл орел — «птица Юпитера»: «Есть у римлян обычай: причислять к сонму бо-

²² В своей более ранней, очень емкой статье Г. Н. Симаков неоднократно указывает, что ловчая птица становится «материальным воплощением» души погибшего/умершего героя [Симаков, 1994: 64–72]. Что это должно означать? Душа вселяется в птицу? Если это так, то что происходит дальше? Об этом автор не говорит. Подразумевается ли все-таки немедленный перенос птицей души своего хозяина куда-то в иные миры или душа остается в теле птицы? Но ведь и птица смертна! Раньше или позже, душа должна будет расстаться со своим крылатым вместилищем. Представляется, что Г. Н. Симаков имплицитно обозначил ту же самую идею о птице-переносчике, птице-проводимом человеческой души, ведь совершенно очевидно, что речь не может идти о некоем превращении души в птицу, т. е. фактически о ее временной материализации в орнитоморфном облике.

²³ По данным Г. П. Снесарева, в Хорезме вплоть до современности бытовало представление, что душа покидает тело умирающего в виде голубя [Снесарев, 1969: 114]; аналогично считали таджики [Семенов, 1903: 96]. У других народов Средней Азии это могла быть и другая птица или даже мотылек.

гов тех императоров, что умерли, оставив после себя детей-преемников; такие почести называются у них апофеозом. Во всем городе наступает тогда торжественный, проникнутый, впрочем, своеобразной печалью праздник. Тело покойного предается земле — с пышностью, но в общем так же, как хоронят всех людей; а потом лепят из воска изображение покойного, совершенно с ним схожее, и выставляют его при входе во дворец на огромном и высоко поднятом ложе из слоновой кости, устланном покрывалами с золотым шитьем. Восковая фигура лежит на виду у всех, бледная, как больной... Это длится семь дней; приходят врачи, каждый раз приближаясь к ложу, будто бы осматривают больного, и каждый раз говорят, что ему все хуже. А когда станет ясно, что он уже умер, благороднейшие из всаднического сословия и лучшие молодые люди из сената поднимают ложе, несут его по Священной дороге и выставляют на старом форуме... После этого, взяв ложе на плечи, его несут за пределы города, на поле, называемое Марсовым. Там, в самом широком месте, уже стоит своеобразное строение: четырехугольное, с равными сторонами, состоящее исключительно из скрепленных между собою огромных бревен — что-то вроде дома. Внутри оно все заполнено хворостом, а снаружи украшено расшитым золотом коврами, статуями из слоновой кости и разнообразными картинами. На первом, нижнем строении стоит второе, такой же формы и с такими же украшениями, только меньше первого; воротца и дверцы, сделанные в нем, распахнуты. Дальше идут третье и четвертое, каждое меньше расположенного под ним, и все это заканчивается последним, которое меньше всех других... Поднеся сюда ложе, его ставят во второе снизу строение; сюда же несут благовония и пахучие растения... Когда вырастает целая гора из благовоний, и вся окрестность наполнится ароматом, начинается конный парад перед погребальным строением, причем конница объезжает его на рысях... Точно также происходит объезд колесницами, на которых стоят одетые в тоги с пурпурной каймой и в масках, изображающих прославленных римских полководцев и государей. Когда совершено и это, преемник императора, взяв факел, подносит его к зданию, и другие тоже со всех сторон подходят с огнем. Все это очень быстро загорается... Из последнего, самого небольшого строения, как бы преодолев преграды, вылетает орел, чтобы вместе с огнем унести в небесный эфир. Римляне веруют, что он уносит на небеса душу императора, которого с этих пор они почитают наравне с другими богами» [Геродиан, 1972: 241–242]. Конечно, предположение о заимствовании кочевниками римской идеи об орле — переносчике души чересчур фантастично, и в данном случае наблюдается лишь типологическое сходство.

В этом свете становится более понятной процедура наделения потомков легендарного Огуза *онгонами*²⁴, о чем сообщают персидский историк и государственный

²⁴ Рашид ад-Дин объясняет, что слово «онгон» происходит от «инак», что по-тюркски значит «благословенный» [Рашид ад-Дин, 1952а: 87]. В «Огуз-наме» этого же автора, входящем в его «Сборник летописей» как самостоятельная часть, значение этого слова объясняется несколько иначе: оно происходит от «азык болсун» («быть счастливым») и означает «счастье» и «государство»; список птиц также незначительно различается [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 64–67]. Обе эти этимологии искусственны и не могут быть приняты. В монгольском языке «онгон» означает «чистый, светлый», «первоначальный», «шаманский дух-гений, идол, шаманское божество» (Большой академический..., 2001: 477]. Судя по контексту, в труде Рашид ад-Дина под *онгонами* понимаются сверхъестественные родовые защитники в облике хищных птиц в смысле, очень близком к монгольскому пониманию этого слова.

деятель Рашид ад-Дин (1247–1318) и позже — хивинский хан и историк Абу-л Гази (1603–1664). Чтобы пресечь возможность вражды и ссоры между потомками Огуза, его наместник Эрийанги-Кент Иркыл-ходжа якобы посоветовал определить каждому из его шести сыновей звание, имя, прозвище, *тамгу*, табуны и стада, а после проделать эту же операцию и в отношении каждого из их четырех сыновей, т. е. внуков Огуза. В итоге все 24 ветви потомков Огуза заняли свое положение и, кроме того, получили «определенное животное, чтобы это было их онгоном», на которое они «не нападают, ему не сопротивляются и мясо его не едят, так как они присвоили его себе для благоприятного предзнаменования» [Рашид ад-Дин, 1952а: 87]. Далее Рашид ад-Дин перечисляет имена родоначальников, приводит изображения их *тамги* и указывает *онгон*. В 20 случаях из 24 это хищная птица: белый сокол, орел, *таушанджил* (орел, используемый в охоте на зайцев), кречет и кобчик, а в четырех — козел; впрочем, последнее под вопросом [Рашид ад-Дин, 1952а: 87–90]. У Абу-л Гази *онгоны* прямо названы птицами («*куш*»), и в отличие от сочинений Рашид ад-Дина они отличаются заметным разнообразием и редко повторяются. Абу-л-Гази упоминает не только дневных хищников, но и ночных — сову, а также ворона и даже мифическую птицу *хумай* [Кононов, 1958: 53–54]. Довольно естественно видеть в этих сообщениях отголоски тотемизма.

В «Огуз-наме» также говорится о распределении летних и зимних кочевий среди этих 24 ветвей рода Огуза [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 68], но приводящиеся там названия чтению практически не поддаются. Переводчик этого произведения Р. М. Шукюрова допускает, что большинство из них могли находиться в северной части Казахстана [Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987: 111]. Ценность этих сообщений существенно снижается ввиду довольно позднего происхождения источников, но легшая в их основу устная традиция, очевидно, древняя. По существу, не так уж важно, насколько достоверна история о разделе *онгонов* среди отпрысков некоего именитого прародителя. Важна идея, согласно которой различные виды хищных птиц, в большинстве своем использовавшиеся на охоте, становятся покровителями родов кочевников. Этих родов было бы достаточно, чтобы испещрить изображениями своих *онгонов* скалы и каменные скульптуры на широких пространствах Евразии, но реальная локализация изваяний с птицами противоречит этому утверждению.

Обычно в функции посмертного провожатого кочевнику служил его боевой конь. Он должен был обеспечить своему умершему хозяину благоприятное прохождение дороги в мир мертвых [Липец, 1982: 214; Нестеров, 1990: 71; Дубровский, 2002: 198; Кубарев, 2005: 19]. Однако изображения коня на древнетюркских изваяниях неизвестны; лишь изредка они встречаются на оградках. Не потому ли, помимо прочего, что он сам погребался в той же могиле? А вот охотничьих птиц если и убивали, то в очень редких случаях (да и то зафиксированных лишь в этнографической современности), и в могилы их не помещали. Теоретически в древнетюркскую эпоху родственники или соратники могли убить ловчую птицу после смерти ее хозяина и захоронить ее вместе с ним как проводника на Небо, но это лишь гипотеза, хотя и не лишняя, как нам представляется, некоторых оснований. В 1999 г. в Аралтобе (Атырауская область Казахстана) археологи под руководством З. С. Самашева обнаружили

ли скелет хищной птицы, предположительно беркута, в элитном захоронении сарматской эпохи [Самашев, 2000: 4–24]. В 61-й могиле Таван-Толгой (сомон Онгон Сухэбаторского аймака Монголии) в 2010 г., помимо лошадиных костей, был найден череп птицы, принадлежавший, по определению монгольского орнитолога Ш. Болдбаатара, пустельге (монг. *начин шонхор*)²⁵. Могила датируется XIII–XIV вв., т. е. периодом Монгольской империи [Эрдэнэбат, 2014: 58]. В 2012 г. в ходе раскопок могильника Жетытобе (15 км восточнее Тараза в Жамбылской области Казахстана) было вскрыто захоронение знатного мужчины сакской эпохи (VI–III вв. до н. э.). Несмотря на то, что оно уже было когда-то ограблено, в нем обнаружили 45 золотых бляшек от костюма, а также кости лошадей, собак и хищных ловчих птиц [Байпаков, Воякин, 2014: 152–160]. Цель погребения птиц как будто ясна: они так же, как лошади и собаки, должны были служить своему господину в загробном мире. В то же время не исключено, что они могли играть роль провожатых для его души.

Источники донесли огромное количество сообщений о важной роли охоты с хищными птицами в кочевых обществах. Видимо, нет никакой необходимости подкреплять многочисленными цитатами тезис о соколиной охоте как о любимом развлечении кочевой элиты. Из массива исторических и этнографических данных нас в данном случае интересуют сведения, близкие к эпохе воздвижения древнетюркских статуй. Среди тюркской руники в настоящее время известно лишь одно четкое упоминание охоты с хищными птицами — надпись Е-48 из Абакана, посвященная *тутуку* телёсов. Надпись неоднократно публиковалась и переводилась как в нашей стране, так и за рубежом; первая публикация и перевод принадлежат С. В. Киселеву [1939: 127], однако его прочтение страдает большими неточностями. Позже С. Е. Малов предложил следующий перевод: «Косули внутренней земли пусть множатся. (Теперь уже) стрелявшего правителя — тутука нет! (Он умер) ... приятели ... прежде вам моим многочисленные (? известные) волы и лошади, увы! (...) Родился и пусть живет! Пусть множится, охотящегося с птицами — мудрого начальника (тутука) нет!» [Малов, 1952: 95]²⁶. Второе упоминание — косвенное: мемориант, занимавший в обществе алтайских тюрков высокое положение (что-то вроде канцлера или советника), говорит о себе: «Я привозил черных кречетов» (надпись Е-26 из Хакасии) [Кормушин, 2008: 18].

Почти всеми остальными сведениями мы обязаны знаменитому средневековому филологу и лексикографу Махмуду Кашгарскому. В своем фундаментальном труде «Собрание слов тюрков», законченном в 1074 г., он привел ряд тюркских слов и выраже-

²⁵ Летом 2017 г. в беседе с автором настоящей статьи д-р Ш. Болдбаатар подтвердил правильность определения останков птицы и отметил, что в Монголии с пустельгой обычно охотились на перепелов.

²⁶ Предложены также другие варианты прочтения этих фраз, не меняющие принципиально их сути: [Васильев, Насилов, 1980: 65; Кормушин, 2008: 140; User, 2011: 772; Aydın, Alimov, Yıldırım, 2013: 123–124; Бабаяров, Кубатин, 2016: 13–25; Бабаяров, Кубатин, 2016: 13–21].

ний, связанных с хищными птицами и охотой с ними [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 396, 492, 496, 603, 604, 724, 827, 864, 923, 925]²⁷.

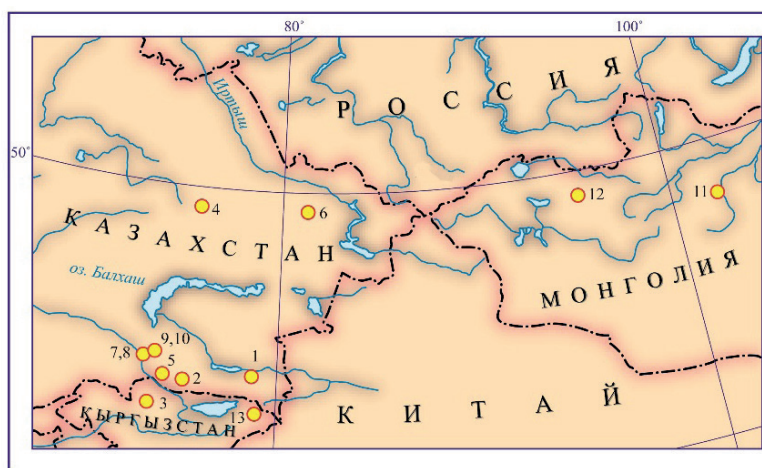
Несмотря на то, что соколиной охотой не возбранялось заниматься и выходцам из низших слоев общества, она все-таки была по большей части элитарным развлечением. Насколько распространенным оно было среди древних тюрков, мы не знаем, однако можно вспомнить очень показательные слова источника о средневековых монголах: «Однажды Чингиз-хан спросил у Боорчи-нойона, бывшего главою эмиров, в чем заключается высшая радость и наслаждение для мужа. Боорчи сказал: «В том, чтобы мужчина взял своего сизого сокола, [до сих пор] остававшегося на привязи и потерявшего за зиму свое оперение и [теперь опять] оперившегося, сел на доброго мерина, которого он содержал в теле, и стал охотиться в [пору] весенней зелени на сизоголовых птиц и чтобы он носил хорошие одежды». Чингиз-хан сказал Борагулу: «Ты тоже скажи!». Борагул сказал: «Для мужчины [величайшее] наслаждение заключается в том, чтобы выпустить [ловчих] птиц, вроде кречета [сонкур], на бурых журавлей, с тем чтобы они ударами когтей сбивали тех в воздухе и хватали». Затем [Чингиз-хан] спросил у сыновей Кубилая. Они сказали: «Наслаждение человека в охоте и в пускании [ловчих] птиц»» [Рашид ад-Дин, 1952б: 265]. Очень вероятно, что и в древнетюркском обществе высокородных любителей поохотиться с птицей было немало. Следовательно, если каждый такой страстный охотник получал бы знак птицы на своем памятнике, их число составило бы как минимум несколько десятков, если не сотен.

Проблема осложняется географией таких изваяний. Несмотря на то, что под власть тюрков попали гигантские пространства Евразии, изваяния с птицей локализованы относительно узко и явно тяготеют к контактной зоне центральноазиатской кочевой и среднеазиатской оседло-земледельческой культур (см. рис.). Это позволяет задать вопрос об этнической принадлежности людей, в память о которых такие монументы воздвигали. Наиболее тесные связи сложились здесь у тюрков с согдийцами (см., например: [Смирнова, 1970; Маршак, Распопова, 1989: 416–426; Krippes, 1991: 67–80; Атаходжаев, 2011]), часть которых, кроме того, переместилась к северо-востоку от своей родины, спасаясь от арабов.

Обнаружено сравнительно немного петроглифов, изображающих соколиную охоту. В местечке Кёк-Сай на территории Кочкорской долины в Кыргызстане найдено пять наскальных рисунков, показывающих всадников с птицей в руке. Там же выяв-

²⁷ Средневековый ученый включил в свой труд примету, которую можно было бы истолковать как подтверждающую веру тюрков в магическую связь пернатого хищника и человека: «„Когда орел клеочет (человеку в лицо, считается, что) он умрет“. Это плохая примета» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 239–240]. К сожалению, использовать ее как аргумент нельзя: перевод З.-А. М. Ауэзовой в данном случае ошибочный. В этой фразе говорится не об орле, а о стервятнике (*us*), т. е. не о хищнике, а о падальщике. Какая причина побудила исследовательницу в одном случае перевести *us* как «стервятник» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 75], а в другом — как «орел» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 239], нам неизвестно. Дж. Клосон приводит это слово в значении «vulture» [Clauson, 1972: 240]; аналогичное чтение дает Древнетюркский словарь [1969: 616]. Естественно, с грифом никогда не охотились и не «сроднялись». В более точном переводе А. Р. Рустамова пословица звучит так: «„Если гриф зашипит в лицо человеку, то тот умрет“. Это считается дурным предзнаменованием» [Махмуд ал-Кашгари, 2010: 215]. Благодарю В. В. Тишину (ИМБТ СО РАН) за указание на эту ошибку.

лены и короткие рунические надписи²⁸, не имеющие прямого отношения к теме охоты. Они посвящены скончавшемуся владельцу этой территории — некоему Адыку (Азыку). Вопреки очевидному, автор публикации связывает изображения птиц с его смертью, приводя в пример известный тюркский эвфемизм «улететь» в смысле «скончаться» [Табалдиев, 2005: 21–25]. Основываясь на форме хвоста птицы в руке одного из кочкорских всадников, С. Г. Кляшторный предположил, что это может быть павлин, аналогичный павлину, сидящему на руке вырезанного из дерева юноши из Пенджикента и, возможно, олицетворяющему заимствованного из индийской мифологии спутника (либо «ездовое животное») божества победы Картикеи [Кляшторный, 2001: 213–215]. Среди петроглифов Горного Алтая пока известны только две композиции, передающие охоту с хищной птицей — у села Усть-Кан и на памятнике Бичикту-Бом [Ямаева, 2009: 57–61; Константинов, Соёнов, 2012: 374; Соёнов, Константинов, 2014: 90–91].

Места находок тюркских изваяний с изображением птиц. Цифры указывают номер изваяния согласно таблице, приводящейся в настоящей статье. Карта выполнена А. В. Андреевым (ИПЭЭ РАН) по эскизу автора

Sites of finds of Turkic statues depicting birds. Figures for transferring the number of the statue according to the table given in this article. A. V. Andreev (IPEE RAS) according to the sketch of the author

Прямых доказательств бытования соколиной охоты в Согде VII–VIII вв., т. е. примерно в то время, когда тюрки в Семиречье начали ставить каменные изваяния, у нас нет, но можно привести косвенные, хотя, увы, не вполне надежные. Среди согдийских документов, обнаруженных на горе Муг, имеется расписка *фрамандара* Авата — управляющего имениями правителя Пенджикента Деваштича в получении кож от «начальника водоема» (очевидно, имеется в виду чан для вымачивания шкур) Эхушмарика, в которой упоминаются «13 лисьих ..., и еще четыре лисьих ...» [Лившиц, 2008: 78]. Несмо-

²⁸ С. Г. Кляшторный датирует их эпохой Тюркешского каганата (704–756 гг.) [Кляшторный, 2003: 297].

тря на плохую сохранность текста, можно уверенно полагать, что речь идет о шкурах лисицы, и на этом основании констатировать охоту на это животное в Согде. Способы добычи лисицы остаются неизвестными, но, учитывая, что в Средней Азии и Казахстане она служит излюбленным объектом охоты с беркутом и применяется для тренировки недавно прирученных беркутов, мы находим допустимым использовать эту информацию согдийского документа В-3 как аргумент в пользу наличия в согдийской среде охотников-беркутчи, однако относительно их национальности пока возможны лишь легковесные догадки. Совсем не исключено, что это были турки.

С хищными птицами охотились и на фазанов [Бабур-наме, 1993: 92]. Известный персидский географ Абу-л Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (ок. 820 — ок. 912/913) упомянул охоту на них в Карлукском каганате²⁹, охватывавшем в VIII–X вв. земли, на которых найдены изваяния с птицами, но не уточнил, использовались ли при этом пернатые хищники: «Близ Абарджаджа есть холм, из него бьют тысяча ключей, которые [образуя реку] текут к востоку. Ее называют Барку-аб, т. е. вода, [текущая] в обратном направлении. Здесь охотятся на черных фазанов» [Ибн Хордадбех, 1986: 64]³⁰.

Согласно Э. Шеферу, из Туркестана в танский Китай присылали ценные породы ястребов и соколов [Шефер, 1981: 133].

Сравнительно узкая локализация находок большинства изваяний с птицей, особенно на фоне огромных территорий, по которым расселились тюркоязычные кочевники, ставит вопрос относительно этнической принадлежности людей, чьи могилы удостоились установки традиционного для тюркского мира изваяния, но украшенного птицей. Рассмотренная выше руническая надпись на могильной плите Текеша и его сыновей как будто снимает сомнения, что это были турки, причем, вне зависимости от их родоплеменной принадлежности, включенные в верхние страты древнетюркского общества. В противном случае они не могли бы рассчитывать на такие посмертные почести. Однако ни тюркское имя, ни язык надписи, ни даже наличие тамги еще не гарантируют, что в Их-Асгате были похоронены именно турки. Многочисленные представители согдийской диаспоры нередко принимали тюркские имена либо на новом месте, либо еще в метрополии, что, в частности, установлено на основе документов середины VIII в. из согдийской колонии Цунхуасян в Дуньхуанской уезде, где были обнаружены такие имена с тюркскими элементами, как Иркин (Кан И-цзинь), Тудун (Хэ Ту-дунь), Тегин (Ло Тэ-цзин) и ряд других [Чугуевский, 1971: 153]; тем более это вероятно в случае потомства от смешанных браков. Много согдийцев жило среди тюрков на территории нынешней Монголии, некоторые из них занимали высокие государственные посты и в Первом, и во Втором каганатах. Пэй Цзюй, бывший ранее наместником Западного

²⁹ О карлуках сохранились сведения, правда, относящиеся ко времени правления монгольской династии Юань в Китае (1272–1368), рисующие их страстными поклонниками охоты с хищными птицами. В не так давно обнаруженном сборнике текстов, происходящих от клана Тань-Ян, есть биография карлука Бояня Цзундао, составленная в 1521 г. После покорения Южной Сун (1127–1279) монголы поселили его семью в уезде Пуян (округ в современной провинции Хэнань). Его братья «находили радость в том, чтобы мчаться на конях, спуская собак и запуская охотничьих соколов» [Кычанов, 2005: 147].

³⁰ В. В. Бартольд утверждал, что это место — Мын-булак — находилось между Таразом и Чимкентом [Бартольд, 1966а: 26; 1966б: 113].

края, доносил императору династии Суй (581–617): «Тюрки сами по себе простодушны и недалководны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они учат и направляют тюрков» [Liu Mau-Tsai, 1958: 87–88]. При этом нельзя рассматривать согдийцев всего лишь как слабосильных торговцев и религиозных проповедников; известно, что они были хорошими воинами. А в случае породнения с номадами могла возникнуть и такая «гремучая смесь», как знаменитый танский военный наместник (*цзедуши*) Ань Лушань (ок. 703–757) — тюрк по отцу и согдиец по матери, поднявший в 755 г. мощное восстание и фактически вынесший смертный приговор блистательной Тан.

Что касается семиреченских и восточно-казахстанских изваяний с птицей, то никаких рунических знаков на них не обнаружено. Собственно, эти изваяния, как и поминательные комплексы, при которых они обнаружены, ничто, кроме фигуры птицы, не отличает от сотен других, чья тюркская принадлежность не вызывает сомнений. Порой они стоят буквально бок о бок с изваяниями обычного тюркского облика, и лишь алтын-эмельское более походит на кыпчакский тип.

Если предположить, что в данном случае в силу каких-то причин на поверхность выходит древний этнический субстрат, то можно отметить следующее. С VII до IV в. до н. э. хозяевами обширных пространств между Каспием и Алтаем были саки. К. А. Акишев полагает, что изображения птиц в сакском искусстве символизируют Верхний мир Вселенной [Акишев, 1978: 40, 43; 1984: 40–44]. Птицы как объекты или как средства охоты не были отражены в элитных предметах, но упомянутое выше захоронение с птицами говорит о бытовании такой охоты. Культура усуней прослеживается в Семиречье и соседних землях с III в. до н. э. по V в. н. э. По мнению ряда исследователей, усунь были тюркоязычны. У них известна птичья символика: их тотемом считается ворон, который изображался на их *тамгах* [Зуев, 1960: 14]. Среди найденных усуньских артефактов имеются бронзовые шпильки, украшенные скульптурными изображениями птиц — но не хищных, скорее всего, ласточки и голубя [Бернштам, 1952: 128–129]. Птицы (и звери) на широко известной золотой каргалинской диадеме к теме охоты не имеют ни малейшего отношения. Вообще, судя по археологическим данным, охота играла в жизни усуней незначительную роль [Акишев, Кушаев, 1963: 264]. Каменные статуи усуней не воздвигали. Со второй половины VI в. эти земли стали заселяться тюркоязычными кочевниками под предводительством выходцев из клана Ашина. По-видимому, образ хищной птицы не был ими заимствован у номадов, населявших эти земли, но идея изображать ее на памятниках, похоже, тюркам не принадлежала, и ее истоки следует искать здесь.

Ареал таких находок входит в центральную часть Западно-Тюркского каганата (603–704) и в последовательно сменявшиеся каганаты тюркешей (704–756), карлуков (756–940) и караханидов (940–1212); исламизация последних около 960 г. должна была положить конец традиции степного статуарного творчества. Однако представляется, что памятники с фигурой птицы принадлежали не тюркам [Кубарев, 1984: 32] — в противном случае их было бы в разы больше, но и не их врагам, иначе их не было бы вовсе.

Поиск прообразов этих птиц в древнем и раннесредневековом искусстве Средней Азии пока не дал убедительных результатов, несмотря на достаточно широкое исполь-

зование в нем образа птицы как такового [Пугаченкова, Ремпель, 1972: 206–234; Кетмень-Тюбе, 1977: 199; Брусенко, 1986: 68–73, табл. 46; Воробьева, Нефедов, 1988: 40–42; Ильясова, Ильясов, Имамбердиев, Исхакова, 2016: 72–103] (единственное исключение — коническая чаша XI в. с сильно схематизированным изображением ловчей птицы). Образ похожей на орла птицы на керамическом «рельефе с календарным мифом» из Хорезма, толкуемый как символ Зервана — бога бесконечного времени [Калалы-гыр 2, 2004: 214, 220], хронологически и географически весьма далек от ареала находок монументов с орнитоморфными изображениями. Хотя синхронная тюркскому доминированию в этом регионе живопись Пенджикента и Афрасиаба содержит сцены и орнаменты с птицами [Альбаум, 1975: табл. I, VI, XV, XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXVIII, XLII, LX], она не включает сюжеты, связанные с охотой с использованием пернатых хищников. Дошедшие до наших дней образцы согдийской торевтики также их лишены; птицы фигурируют в «мирной» ипостаси, за исключением лишь одной, показанной в момент защиты своих птенцов от змеи [Маршак, 1971: табл. 39, 40, 40а, 43, 46, 48]. Несмотря на это, можно попытаться отыскать идею, переданную местным (или достаточно давно сюда пришедшим) населением новой тюркоязычной волне кочевников.

Махмуд Кашгарский утверждал, что среди тюркского населения Семиречья проживали ассимилировавшиеся согдийцы: «Они одеваются и ведут себя так же, как тюрки» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 437]. Это свидетельство довольно позднее, относящееся уже к XI в., но процесс был запущен гораздо раньше: начало миграции согдийцев в Чуйскую долину датируется V–VI вв., а массовый характер она приняла в VII в. и особенно в VIII в. [Распопова, 1960: 162]. Браки между тюркской и согдийской знатью считаются не подлежащими сомнению: достаточно вспомнить знаменитый брачный контракт, согласно которому знатный тюрк От-тегин брал в жены согдийскую девушку Дугдгончи, находившуюся под опекой Чера — правителя Навеката, тоже тюрка [Лившиц, 2008: 18–48]³¹. Одним из результатов ассимиляции могла быть утрата потомками смешанных тюрко-согдийских браков, особенно живших в степи, в лоне кочевой тюркской культуры, части обычаев своих оседлых предков, в том числе похоронно-поминальной обрядности, как это зафиксировано, например, в случае согдийских погребений в Китае [Lerner, 2005].

Хорошо известно, что согдийцы практиковали зороастрийскую похоронную обрядность, включавшую требование избегать осквернения мертвым телом какой-либо из «чистых стихий», в том числе земли. Поэтому они оставляли покойных в специально отведенных местах, пока кости не очистятся от плоти. Затем кости помещали в особые сосуды из обожженной глины — *оссуарии*, или складывали в специальных склепах — *наусах*³². По этой же причине они не использовали кремацию, ибо огонь — тоже «чистая стихия», очень почитаемая в зороастризме. Исходя из этих данных, можно подумать, что перейти на тюркские способы захоронения согдийцы не могли по религиозным соображениям. Однако это не так. Какими бы консервативными ни были погребальные обычаи, порой они менялись достаточно быстро, следуя политической

³¹ Контракт публиковался неоднократно начиная с 1960 г.

³² За консультацию по данному вопросу благодарю С. Б. Болелова (ГМИНВ). Подробнее о погребальных сооружениях доисламской Средней Азии см.: [Мейтарчян, 2001: 65–95].

конъюнктуре. Так, могилы древних тюрков и уйгуров, сделанные по китайским имперским стандартам, служили знаком привилегий, дававшихся танским двором степной элите — губернаторам *цзими* [Arden-Wong, 2014: 14]. Возможно, включенные в высший слой тюркской пирамиды власти согдийцы столь же быстро усвоили тюркские погребальные обычаи как один из символов принадлежности к правящему классу. Известны каменные статуи, очевидно, синхронные древнетюркским, которые несут явные согдийские черты. Таков, например, памятник из Завхана (Монголия) [Ожередов, 2010: 258–262]. Конечно, можно полагать, что согдийский мастер вытесывал статую тюрка согласно канонам своего искусства, но не менее вероятно и то, что он обеспечивал изваянием усопшего согдийца, жившего среди тюрков, или полукровку. Что касается изваяний с птицами, то черты лица на них, как и прочие атрибуты, не имеют заметных отличий от обычных изваяний, но это едва ли может служить надежным аргументом против гипотезы об их иноплеменности. Многие исследователи склоняются к мнению, что резчик не стремился передать индивидуальные черты героя и был озабочен лишь созданием его более или менее «канонического» образа. К тому же мастерство и старание резчиков не могли быть на одинаково высоком уровне, а представители древнетюркской элиты обладали разными финансовыми (или административными) возможностями. Очевидно, более состоятельные родственники усопшего могли позволить себе нанять хорошего мастера, способного, в том числе, добиться портретного сходства; люди победнее должны были довольствоваться работой посредственных каменотесов.

Вышеизложенное, на наш взгляд, подтверждает «положение об органическом сплетении культуры тюрков-кочевников и земледельцев-согдийцев, порождающих новое, синкретическое по своему характеру искусство тюркского каганата», выдвинутое А. Н. Бернштамом [1952: 138]. Возможно, изваяния с птицами и есть один из заметных образцов тюрко-согдийского культурного синтеза.

Согдийский прототип тюркской птицы мы находим в изображениях на *оссуариях*, в которых, согласно зороастрийскому обряду, сохраняли кости умерших. Еще К. А. Иностранцев предположил, что человеческие изображения на крышках *оссуариев* могут обозначать *фравашей* — бессмертные души, функционально близкие христианским ангелам-хранителям и первоначально, видимо, символизировавшие духов предков. Одна из их задач — препровождать душу усопшего на небеса. На некоторых *оссуариях* место *фравашей* занимают птицы [Иностранцев, 1917: 137–138]. Чаще всего их истолковывают как образ души того, чьи останки покоятся в *оссуарии* [Иностранцев, 1917: 138; Рапопорт, 1971: 93–94; Pugachenkova, 1994: 239], однако это объяснение страдает тем же недостатком, что и в случае с фигурой птицы на статуях: они встречаются сравнительно редко, хотя, следуя данной логике, должны бы иметься на каждом *оссуарии*. Развивая идеи К. А. Иностранцева, А. Н. Бернштам отметил, что среди семиреченских культовых атрибутов зороастризма и *оссуариев* редки изображения человеческих голов, но в обилии встречаются изображения птиц, которых он уподобил «ангелам» [Бернштам, 1952: 137]. Одно из изображений, венчающее ручку на крышке *оссуария*, он идентифицировал как беркута [Бернштам, 1952: 138]. Еще одно изображение на стенке *оссуария*, правда, найденного довольно далеко к юго-западу — на некрополе Мерва в Северном Хорасане, напоминает орла [Ершов, 1959: табл. 6]. Возможно, такие *оссуарии* предна-

значались для охотников с ловчими птицами. Позже образ птицы переместился на изваяния, предоставленные тюркской кочевой культурой.

Однако, по-видимому, отказываться от идеи, согласно которой *древний прообраз* птицы древнетюркских статуй мог символизировать душу покойного, тоже не следует. Птица, но не хищная, а голубь, олицетворяла душу человека по крайней мере с эпохи бронзы. В этой ипостаси голубь известен на Ближнем Востоке с доэллинистических времен. Его помещали, в том числе, и в руках человеческих фигур, изображавших умерших. Довольно широко известный пример — найденная в Мервском оазисе (район Векиль-Базара) надгробная известняковая стела I–II вв., которая была доставлена туда из Пальмиры либо изготовлена на месте по канонам пальмирского искусства. На плите высечен барельеф, изображающий девочку в длинных одеждах. В правой руке она держит гроздь винограда, а левой прижимает к груди птичку размером с голубя или несколько меньше [Кошеленко, 1977: 101–102], символика которой не оставляет практически никаких сомнений. Люди, вытесывавшие в Семиречье для тюркской элиты каменные изваяния, могли быть знакомы с подобной традицией увековечения памяти усопших, хотя мы не находим достаточно убедительным предположение о «переносе» образа птицы с таких стел на статуи. Этому прежде всего противоречит сама природа птиц — сугубо мирная в первом случае и хищная во втором.

Терракотовые плитки, датируемые эфталитско-тюркским временем и изображающие мужчину с птицей в руке, были обнаружены также на территории Согда, но они явно несли иной посыл: по мнению специалистов, такие плитки служили чем-то вроде иконок и, соответственно, под мужчиной следует понимать божество [Мешкерис, 1962: 43, 94, табл. XX, рис. 338; 1977: 65, табл. XVIII, рис. 1, 2, табл. XXX, рис. 104], возможно, местного пантеона, подобно сходным изображениям (фигуркам и так называемым образкам) женского божества плодородия, держащего в руках плоды, листья, сосуды. Имело ли это мужское божество отношение к охотничьему культу, мы не знаем. Хотелось бы отметить отсутствие определенной системы в посадке птицы: она могла запечатлеваться как на правой, так и на левой руке.

Заключение

Наверное, все же нельзя приветствовать попытки увидеть в каждом древнем или средневековом рисунке зашифрованный абстрактный символ. Допустимо и «буквальное» его прочтение. Поэтому мы полагаем, что птица на древнетюркских каменных изваяниях означала самое себя, т. е. именно птицу как представителя животного мира, причем птицу охотничью, которой владел при жизни тот, в чью память было поставлено изваяние. Не случайно она почти всегда показана сидящей на правой руке изваяния, т. е. именно там, где сидит реальная охотничья птица, и вряд ли случайно то, что до сих пор не найдено ни одной древнетюркской или кыпчакской *женской* статуи с изображением птицы³³.

А вот сам факт воспроизведения птицы на статуе имел уже глубокий символический смысл. Душа усопшего должна была подняться на Небо и потом спускаться оттуда, что-

³³ Сказанное не означает, что среди женщин не было охотниц с птицей, но для мужчин это занятие все-таки было и остается гораздо более характерным.

бы воплощаться в статую на время ежегодной поминальной церемонии, становясь, таким образом, одним из важнейших участников заупокойного пира. Безопасность перелета из Верхнего мира в Средний — мир живых и обратно обеспечивала для нее хищная птица, с которой покойный охотился при жизни, которая после его смерти становилась его «ангелом-хранителем», чей образ был запечатлен на статуе. Так птица и ее хозяин оставались навеки неразлучными. При этом одно отнюдь не отрицает другого: птица на изваянии как охотничья птица усопшего и представление о том, что душа покидает тело в виде птицы.

Библиографический список

- Акишев А. К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. М. : Наука, 1978. Вып. 154. С. 39–48.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.
- Акишев А. К., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 320 с.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент : Фан, 1975. 160 с.
- Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
- Атаходжаев А. М. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 59 с.
- Бабаяров Г. Б., Кубатин А. В. К вопросу о новом прочтении и интерпретации некоторых слов и фраз в енисейских памятниках Е-144, Е-48, Е-37, Ю-10 // Эпиграфика Востока. М. : ИВ РАН, 2016. Вып. XXXII. С. 13–25.
- Бабаяров Г. Б., Кубатин А. В. Новые предложения относительно чтения слов и фраз в некоторых древнетюркских Енисейских памятниках // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2016. Vol. 22. P. 13–21.
- Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий Ин-та Востоковедения АН Узбекистана, 1993. 464 с.
- Базылхан Н. Хищные птицы в древнетюркской этносимволике (по этноархеологическим и источниковедческим материалам) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения : сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск : Изд-во ТГУ, 2013. Вып. 3. С. 163–172.
- Байбосынов К. Жамбыл оніріндегі тас мүсіндер (Каменные изваяния Жамбылской области). Фотоальбом. Алматы : Онер, 1996. 176 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы : Асыл Сөз, 2014. 504 с.
- Байпаков К. М., Капекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз : Археологическая экспертиза, 2011. 620 с.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию // В. В. Бартольд. Сочинения. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 111–115.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. // В. В. Бартольд. Сочинения. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 21–94.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе : Комитет наук при СНК Киргизской ССР, 1941. 138 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 348 с.

Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. 68 с.

Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // Избранные труды. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. Т. 1. 556 с.

Бичеев Б. А. Культ правителя в центральноазиатской регионе // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 12–14.

Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М. : Восточная литература, 1994. 403 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. М. : Academia, 2001. Т. 2. 485 с.

Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент : Фан, 1986. 89 с.

Васильев Д. Д. Восстановленные фрагменты тюркской рунической надписи стелы могильника Уйтаг (Республика Хакасия РФ) // Эпиграфика Востока. М. : ИВ РАН, 2016. Вып. XXXII. С. 40–56.

Васильев Д. Д., Насилов Д. М. К прочтению Абаканского памятника // Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М. : Наука, 1980. С. 60–66.

Винник Д. Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек : Илим, 1995. С. 160–175.

Винник Д. Ф. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары (по материалам работ Иссык-Кульского археологического отряда, 1960) // Известия АН Кирг. ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. 5. Вып. 1. С. 25–43.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю. Золотые изделия из Еркургана // Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 7. С. 40–42.

Гафферберг Э. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М. : Наука, 1975. С. 224–247.

Геродиан. История императорской власти после Марка. Кн. 4 // Вестник древней истории. 1972. № 3. С. 241–261.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 86–189.

Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н. э. — V в. н. э. Алматы : Тюркское наследие, 2007. 216 с.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.

Дробышев Ю. И. К вопросу об изображении птицы на головном уборе Кюль-тегина и на плите из Ихе-Асхете // Азия и Африка: Наследие и современность : материалы

XXIX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. СПб. : НП-Принт, 2017. Т. 1. С. 181–182.

Дробышев Ю. И. Семантика изображений птицы на древнетюркских каменных изваяниях // Мир Центральной Азии — 4. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 93–97.

Дробышев Ю. И. Ошибочные и неподтвержденные сообщения о находках древнетюркских изваяний с изображением птицы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы IX Международной научной конференции (Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. II. С. 43–45.

Дубровский Д. В. Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник-2001. М. : Наука, 2002. С. 198–211.

Елеукенова Г. Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. Алматы : Гылым, 1999. 219 с.

Ермоленко Л. Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Никалс, 1999. С. 86–91.

Ермоленко Л. Н. Еще раз о голове статуи Кюль-Тегина // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1998. С. 96–97.

Ермоленко Л. Н. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. II. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 23–239.

Ермоленко Л. Н. Об изваяниях с птицей // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность (Первые Валидовские чтения) : Международная научная конференция. 22–24 сентября 1992 г. Уфа : Изд-во БГУ, 1992. С. 94–96.

Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1959. Вып. V. С. 160–204.

Зуев Ю. А. К этнической истории усуней // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1960. Т. 8. С. 5–25.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку : Элм, 1986. 427 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 346–349.

Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердиев Р. А., Исхакова Е. А. «Нет блага в богатстве...». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М. : Фонд Марджани, 2016. 595 с.

Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг. : Типогр. Академии наук, 1917. Т. 24. С. 133–144.

Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. М. : Восточная литература, 2004. 286 с.

Кетмень-Тюбе: археология, история. Фрунзе : Илим, 1977. 228 с.

Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 124–134.

Кляшторный С. Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб. : Изд-во Филологического ф-та СПбГУ, 2001. С. 213–215.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков : Изд-во Харьковского госуниверситета, 1956. 347 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.

Константинов Н. А., Соёнов В. И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Бато : Изд-во МонГУ, 2012. Т. 2, вып. 3. С. 374–381.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 341 с.

Кошеленко Г. А. Родина парфян. М. : Советский художник, 1977. 176 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 232 с.

Кубарев В. Д., Забелин В. И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 87–103.

Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27–39.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Кычанов Е. И. Карлук Боянь Цзундао — юаньский конфуцианец // Тюркологический сборник 2003–2004. М. : Восточная литература, 2005. С. 145–151.

Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб. : Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2008. 414 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.

Липец Р. С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М. : Наука, 1982. С. 212–236.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М. : Наука, 1973. 440 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Мартынов А. И., Чигаева В. Ю. Композиционное рассмотрение сюжетов с птицами в наскальном искусстве Северной Азии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 315–318.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. : Наука, 1971. 191 с.

Маршак Б. И., Распопова В. И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 416–426.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы : Дайк-пресс, 2005. 1281 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-турк (Свод тюркских слов). М. : Восточная литература, 2010. Т. 1. 460 с.

Мейтарчиан М. Б. Погребальные обряды зороастризма. М. ; СПб. : ИВ РАН : Летний сад, 2001. 248 с.

Мешкерис В. А. Корoplastика Согда. Душанбе : Дониш, 1977. 126 с.

Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожжённой глины, хранящихся в Республиканском Музее истории и культуры и искусства УзССР в городе Самарканде. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 140 с.

Модоров Н. С. Каменные изваяния и наскальные рисунки Горного Алтая // Археология и краеведение Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул : Новоалтайская типография, 1972. С. 47–48.

Монголын археологийн өв. V боть. Монголын хүн чулуу. Улаанбаатар : [Б. и.], 2016 (на монгол. яз.)

Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. 303 с.

Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М. : Наука, 1984. 309 с.

Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 141 с.

Новгородова Э. А. Образ птицы как один из символов историко-культурного единства алтайских народов Центральной Азии // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия ПИАК, Ташкент, 1986). М. : [Б. и.], 1986. Т. I. С. 55–56.

Ожередов Ю. И. Древнетюркская монументальная скульптура из Семиречья в собрании Томского государственного университета // Актуальные проблемы археологии Евразии : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 457–470.

Ожередов Ю. И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. С. 258–262.

Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 29–85.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М. : Наука, 1974. 200 с.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). Ташкент : Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1972. С. 206–234.

Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Приложение III. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае члена экспедиции Н. М. Ядринцева // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. : Типография Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. 113 с.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М. : Наука, 1971. 128 с.

Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. IV. С. 138–163.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 1 / пер. Л. А. Хетагурова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 220 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 2 / пер. О. И. Смирновой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 316 с.

Савинов Д. Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово : Никалс, 2000. Т. 2. С. 197–206.

Самашев З. С. Отчет о работах Западноказахстанской археологической экспедиции ИА МОН РК на территории Атырауской области РК в 1999 г. Алматы, 2000. С. 4–24.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 768 с.

Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М. : Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. 112 с.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. 312 с.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. : МАЭ РАН, 1994. Вып. 5–6. С. 64–72.

- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб. : Евразия, 2013. 382 с.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М. : Наука, 1970. 287 с.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М. : Наука, 1969. 336 с.
- Соёнов В. И., Константинов Н. А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н. э. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. 310 с.
- Соколова З. П. Культ животных в религиях. М. : Наука, 1972. 214 с.
- Сокровища древнего Тараза : фотоальбом. Алматы : Мектеп, 2008. 183 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М. : Наука, 2006. 907 с.
- Түдэв Л. Чулуужсан хун. «Дал» сонины газраас хэвлүүлэв. Улаанбаатар, 201 (на монгол. яз.).
- Табалдиев К. Ш. Древнетюркские рунические надписи Кочкорской долины // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана. Бишкек : Илим, 2005. С. 21–25.
- Тенишев Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л. : Наука, 1976. С. 164–172.
- Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана. М. : Восточная литература, 2013. 326 с.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку : Элм, 1987. 128 с.
- Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии: Историко-географический очерк Сибирских и Туркестанских равнин. О каменных и костяных орудиях и о так называемом каменном веке. О гончарных и стеклянных изделиях // Известия Императорского Томского ун-та. Кн. 9. Томск: типо-литография П. И. Макушина, 1896. Ч. 2, вып. 1. 272 с.
- Флоринский В. М. Примечания к описанию археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск : типо-литография Михайлова и Макушина, 1888. 275 с.
- Чариков А. А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // Советская археология. 1989. № 3. С. 184–192.
- Чигаева В. Ю. Птицы в искусстве эпохи бронзы народов Сибири (основные сюжеты в духовной и материальной культуре, параллели) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 109–11.
- Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. М. : Наука, 1971. Вып. X. С. 147–156.
- Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Ташкент : SAN'AT, 2008. 485 с.
- Шарипов Р. Г. Мироззрение древнетюркской кочевой элиты и культ каменных изваяний // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 324–330.
- Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 462–483.
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М. ; Л. : Наука, 1966. 140 с.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М. : Наука, 1981. 614 с.

Эрдэнэбат У. Монгол шувуулахуй (Түүх, этноархеологи, соёлын антропологийн судалгаа). Улаанбаатар: Сэлэнгэпресс, 2014. 328 с. (на монгол. яз.).

Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

Ямаева Е. Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 57–61.

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period // *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. VI. Is. 2. P. 9–20.

Baumann B. By the Power of Eternal Heaven: The Meaning of Tenggeri to the Government of the Pre-Buddhist Mongols Source // *Extrême-Orient Extrême-Occident*. 2013. № 35. P. 233–284.

Belli O. Stone Statues and Balbals in Turkic World // *TÜBA-AR*. 2003. Vol. VI. P. 85–116.

Bogenbaev N., Shaldarbekova A., Zhalmырza A. Symbolic Image of Kut in the Ancient Turkic' Worldview // *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11. P. 615–619.

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks // *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1965. Vol. 36. Fasc. 3–4. P. 284–291.

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks // *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1966. Vol. 38. P. 13–43.

Chen Ling. A Study of Turkic Royal Crowns: With a Discussion of Turkic Xian-Zoroastrian Beliefs // *Eurasian Studies*. English Edition. 2017. № 5. P. 139–198.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. 990 p.

Expedition scientifique fronquise en Russia, en Siberie et dans be Turkestan, par Ch. E. de Uijfalvy de Mezo-Kovesd. Paris, 1879. Vol. II. 208 p.

Hayashi T. Several Problems about the Turkic Stone Statues // *Türk dili araştırmaları yillığı* (Yearbook of Turkic Studies). Belleten. 2000. Ankara: Turkish language institution, 2001. P. 221–240.

Jisl L. The Orkhon Türks and Problems of the Archaeology of the Second Eastern Türk Kaghanate (published post mortem in cooperation of Věra Jislová and Jiří Šíma) // *Annals of the Náprstek Museum* 18. Praha: National Museum, Náprstek Museum of Asian, African and American Cultures, 1997. P. 1–112.

Kageyama E. The Winged Crown and the Triple-crescent Crown in the Sogdian Funerary Monuments from China: Their Relation to the Hephthalite Occupation of Central Asia // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2007. Vol. 2. P. 11–22.

Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 35. № 1/2. P. 67–80.

L'empire de Gengis-khan dans la miniature Mogole. Photographies de B. et W. For-man, texte de J. Marek et H. Knižková. Praha: Artia, 1963. 48 p.

Lerner J. A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China // *Sino-Platonic Papers*. № 168 (December, 2005). 56 p.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Buch I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 p.

Pugachenkova G. A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1994. Vol. 8. P. 227–243.

Schafer E. H. Falconry in T'ang Times // T'oung Pao. Second Series. 1958. Vol. 46. Livr. 3/5. P. 293–338.

Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Turks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2009. Vol. 4. P. 119–133.

Talat Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 p.

Tryjarski E. Zwyczaje pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1991. 415 p.

Aydın E., Alimov R., Yıldırım F. Yenisey — Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s.

Çeşmeli İ. Kök türklerde ikonografik açıdan kuş figürleri // Art-Sanat Dergisi. 2015. Vol. 4. P. 67–80.

Osawa T. Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlar Üzerine Yeni Araştırmalar // Türk Dilleri Araştırmaları 10. 2000. P. 191–204.

User H. Ş. Yenisey Yazıtlarının Okunma ve Anlamlandırılması Üzerine Yeni Öneriler-II // Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu, 26–29 Mayıs 2010. Bildiriler Kitabı. 2. Cilt. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Basımevi, 2011. P. 767–774.

REFERENCES

Akishev A. K. Ideologiya sakov Semirech'ya (po materialam kurgana Issyk) [Ideology of the Saks of Semirechye (based on the materials of the Issyk kurgan)]. KSIA. [Brief reports of the Institute of Archaeology]. M. : Nauka, 1978. V. 154. Is. P. 39–48 (in Russian).

Akishev A. K. *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka, 1984. 176 s. (in Russian).

Akishev A. K., Kushaev G. A. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny reki Ili* [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley]. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz. SSR, 1963. 320 s. (in Russian).

Al'baum L. I. *Zhivopis' Afrasiaba* [Painting of Afrasiab]. Tashkent: Fan, 1975. 160 s. (in Russian).

Aristov N. A. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan' — Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [Usuns and the Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography]. Bishkek: Ilim, 2001. 582 s. (in Russian).

Atahodzhaev A. M. *Tyurko-sogdijskie otnosheniya v politicheskikh, social'no-ekonomicheskikh i etnokul'turnykh processah v rannem srednevekov'e*: Avtoreferat diss. ... d. i. n. [Turkic-Sogdian relations in political, socio-economic and ethno-cultural processes in the Early Middle Ages]. Tashkent, 2011. 59 s. (in Russian).

Babayarov G. B., Kubatin A. V. K voprosu o novom prochtenii i interpretacii nekotorykh slov i fraz v enisejskikh pamyatnikah E-144, E-48, E-37, Yu-10 [On the question of a new reading and interpretation of some words and phrases in the Yenisei monuments E-144, E-48, E-37, Yu-10]. *Epigrafika Vostoka*. [Epigraphy of the East]. M. : IV RAN, 2016. Issue XXXII. P. 13–25.

Babayarov G. B., Kubatin A. V. Novye predlozheniya otnositel'no chteniya slov i fraz v nekotoryh drevnetyurkskih Enisejskih pamyatnikah [New suggestions regarding the reading of words and phrases in some ancient Turkic Yenisei monuments]. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2016. Vol. 22. P. 13–21 (in Russian).

Babur-name. *Zapiski Babura* [Babur-nameh. Babur's Notes]. Tashkent: Gl. redakciya enciklopedij In-ta Vostokovedeniya AN Uzbekistana, 1993. 464 s. (in Russian).

Bajpakov K. M., Kapekova G. A., Voyakin D. A., Mar'yashev A. N. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoj oblasti* [Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl region]. Taraz: Arheologicheskaya ekspertiza, 2011. 620 s. (in Russian).

Bajpakov K. M., Voyakin D. A. *Vydayushchiesya arheologicheskie pamyatniki Kazakhstana* [Outstanding archaeological sites of Kazakhstan]. Almaty: “Asyl Söz”, 2014. 504 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o komandirovke v Srednyuyu Aziyu [Report on a business trip to Central Asia]. *Sochineniya*. [Essays]. M.: Nauka, 1966. Vol. IV P. 111–115 (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy cel'yu. 1893–1894 gg. [Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose. 1893–1894.]. *Sochineniya* [Essays.]. M.: Nauka, 1966. Vol. IV. P. 21–94 (in Russian).

Bazylhan N. Hishchnye pticy v drevnetyurkskoj etnosimvolike (Po etnoarheologicheskim i istochnikovedcheskim materialam) [Birds of prey in ancient Turkic ethnosymbolics (According to ethnoarchaeological and source materials)]. *Kul'tury i narody Severnoj i Central'noj Azii v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya: sbornik Muzeya arheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo. Vyp. 3* [Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary study: collection of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V. M. Florinsky]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2013. Issue 3. S. 163–172 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Arheologicheskij ocherk Severnoj Kirgizii* [An archaeological sketch of Northern Kyrgyzstan]. Frunze: Komitet nauk pri SNK Kirgizskoj SSR, 1941. 138 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Central'nogo Tyan' — Shanya i Pamiro-Alaya* [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alai]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 348 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-kul'turnoe proshloe severnoj Kirgizii po materialam Bol'shogo Chujskogo kanala* [The historical and cultural past of Northern Kyrgyzstan based on the materials of the Great Chui Canal]. Frunze, 1943. 68 s. (in Russian).

Bertel's E. E. *Istoriya persidsko-tadzhikskoj literatury* [History of Persian-Tajik literature]. *Izbrannyye trudy*. [Selected works]. M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1960. Vol. 1. 556 s. (in Russian).

Bicheev B. A. Kul't pravatelya v central'noaziatskoj regione [The cult of the ruler in the Central Asian region]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Central'noj Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 12–14 (in Russian).

Blagova G. F. “Babur-name”: *Yazyk, pragmatika teksta, stil'*. *K istorii chagatajskogo literaturnogo yazyka* [“Babur-name”: Language, pragmatics of the text, style. On the history of the Chagatai literary language]. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 403 s. (in Russian).

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. [The Big Academic Mongolian-Russian Dictionary] M.: Academia, 2001. Vol. 2. 485 s. (in Russian).

Brusenko L. G. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vekov* [Glazed ceramics of the Chach of IX–XII centuries]. Tashkent: Fan, 1986. 89 s. (in Russia).

Charikov A. A. Novye nahodki srednevekovykh izvayaniy v Kazahstane [New finds of medieval statues in Kazakhstan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1989. no. 3. P. 184–192 (in Russian).

Chigaeva V. Yu. Pticy v iskusstve epohi bronzy narodov Sibiri (osnovnye syuzhety v duhovnoj i material'noj kul'ture, paralleli) [Birds in the art of the Bronze Age of the peoples of Siberia (main subjects in spiritual and material culture, parallels)]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Central'noj Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 109–111 (in Russian).

Chuguevskij L. I. Novye materialy k istorii sogdijskoj kolonii v rajone Dun'huana [New materials for the history of the Sogdian colony in the Dunhuang area]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. M.: Nauka, 1971. Is. X. P. 147–156 (in Russian).

Dosymbaeva A. Kul'turnyj kompleks tyurkskih kochevnikov Zhetysu. II v. do n. e. — V v. n. e. [The cultural complex of the Turkic nomads of Zhetysu. II century BC–V century AD]. Almaty: “Tyurkskoe nasledie”, 2007. 216 s. (in Russian).

Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary] L.: Nauka, 1969. 676 s. (in Russian).

Drobyshev Yu. I. K voprosu ob izobrazhenii pticy na golovnom ubore Kyul' — tegina i na plite iz Ihe-Askhete [On the question of the image of a bird on a Kul-tegin headdress and on a plate from Ikhe-Askhet]. *Aziya i Afrika: Nasledie i sovremennost'. XXIX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21–23 iyunya 2017 g.: Materialy kongressa* [Asia and Africa: Heritage and modernity. XXIX International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries, June 21–23, 2017: Materials of the Congress]. SPb.: Izd-vo Studiya “NP-Print”, 2017. Vol. 1. P. 181–182 (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Oshibochnye i nepodtverzhdannye soobshcheniya o nahodkah drevnetyurkskih izvayaniy s izobrazheniem pticy [Erroneous and unconfirmed reports about the finds of ancient Turkic sculptures depicting a bird]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.)* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the IX International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)] Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. Vol. II. P. 43–45 (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Semantika izobrazhenij pticy na drevnetyurkskih kamennykh izvayaniyakh [Semantics of bird images on ancient Turkic stone sculptures]. *Mir Central'noj Azii — 4: Sb. nauch. statej* [The World of Central Asia — 4]. Irkutsk: Ottisk, 2017. P. 93–97 (in Russian).

Dubrovskij D. V. Zhertvennyj kon' v pogrebal'nom obryade kochevnikov ulusa Dzhuchi [Sacrificial horse in the funeral rite of nomads of the ulus of Jochi]. *Tyurkologicheskij sbornik-2001* [Turkological collection-2001]. M.: Nauka, 2002. P. 198–211 (in Russian).

Eleukenova G. Sh. *Ocherk istorii srednevekovoj skul'ptury Kazahstana* [An essay on the history of medieval sculpture in Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 1999. 219 s. (in Russian).

Ermolenko L. N. Drevnetyurkskoe izvayanie s pticej iz Vostochnogo Kazahstana [Ancient Turkic sculpture with a bird from East Kazakhstan]. *Arheologiya, etnografiya i muzejnoe delo* [Archeology, ethnography and museum business]. Kemerovo: Nikals, 1999. P. 86–91 (in Russian).

Ermolenko L. N. Eshche raz o golove statui Kyul' — Tegina [Once again about the head of the statue of Kul-Tegin]. *Mezhdunarodnaya konferenciya po pervobytnomu iskusstvu: Tezisy*

dokladov [International Conference on Primitive Art: Abstracts of reports]. Kemerovo: Izd-vo KemGU, 1998. P. 96–97 (in Russian).

Ermolenko L. N. Mogli li raskrashivat'sya drevnetyurkskie izvayaniya? [Could ancient Turkic statues be painted?]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: M-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Petrovicha Gryaznova. Kn. II* [Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Mikhail Petrovich Gryaznov. Book II]. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. P. 236–239 (in Russian).

Ermolenko L. N. Ob izvayaniyah s pticej [About sculptures with a bird]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po probleme: "Istoriya i kul'tura narodov Evrazii: drevnost", srednevekov'e i sovremennost' ("Pervye Validovskie chteniya")*. [International Scientific conference on the problem: "History and culture of the peoples of Eurasia: antiquity, Middle Ages and modernity" ("The First Validov's Readings")]. Ufa: Izd-vo BGU, 1992. P. 94–96 (in Russian).

Ermolenko L. N. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazhstanskikh stepej (tipologiya, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzreniya)* [Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 132 s. (in Russian).

Ershov S. A. Nekotorye itogi arheologicheskogo izucheniya nekropolya s ossuarnymi zahoroneniyami v rajone goroda Bajram-Ali (raskopki 1954–1956 gg.) [Some results of the archaeological study of the necropolis with ossuary burials near the city of Bayram-Ali (excavations 1954–1956)]. *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii AN TSSR*. [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the TSR]. 1959. Is. V. P. 160–204 (in Russian).

Fazlallah Rashid ad-Din. *Oguz-name*. Baku: Elm, 1987. 128 s. (in Russian).

Florinskij V. M. Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ih doistoricheskoy zhizni. Opyt slavyanskoj arheologii: Istoriko-geograficheskij ocherk Sibirskih i Turkestanskikh ravnin. O kamennyh i kostyanyh orudiyah i o tak nazyvaemom kamennom veke. O goncharnyh i steklyannyh izdeliyah [Primitive Slavs on the monuments of their prehistoric life. The experience of Slavic archaeology: Historical and geographical sketch of the Siberian and Turkestan plains. About stone and bone tools and the so-called Stone Age. About pottery and glass products]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo un-ta. Kn. 9* [Proceedings of the Imperial Tomsk University. Book 9]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1896. Part 2. Is. 1 272 s. (in Russian).

Florinskij V. M. Primechaniya k opisaniyu arheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta [Notes to the description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. *Arheologicheskij muzej Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mihajlova i Makushina, 1888. 275 s. (in Russian).

Gafferberg E. G. Perezhitki religioznyh predstavlenij u beludzhej [Remnants of religious beliefs among the Beludj]. *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Srednej Azii* [Pre-Muslim beliefs and rituals in Central Asia]. M.: Nauka, 1975. P. 224–247 (in Russian).

Gerodian. Istoriya imperatorskoj vlasti posle Marka. Kn. 4 [The history of imperial power after Mark. Book 4]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1972. no. 3. P. 241–261 (in Russian).

Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany [Travel to Eastern countries]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. M.: Mysl', 1997. P. 86–189 (in Russian).

Ibn Hordadbekh. *Kniga putej i stran* [The Book of Ways and countries]. Baku: Elm, 1986. 427 s. (in Russian).

Il'yasova S. R., Il'yasov Dzh. YA., Imamberdiev R. A., Iskhakova E. A. "Net blaga v bogatstve...". *Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa IX–XII vekov* ["There is no good in wealth...". Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the IX–XII centuries]. M.: Fond Mardzhani, 2016. 595 s. (in Russian).

Inostrancev K. A. K istorii do-musul'manskoj kul'tury Srednej Azii [On the history of pre-Muslim culture of Central Asia]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Petrograd: Tipogr. Akademii nauk, 1917. Vol. 24. P. 133–144 (in Russian).

Ivanov V. V., Toporov V. N. Pticy [Birds]. *Mify narodov mira*. [Myths of the peoples of the world]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1992. Vol. 2. P. 346–349 (in Russian).

Kalaly-gyr 2: Kul'tovyy centr v Drevnem Horezme IV–II vv. do n. e. [Kalaly-gyr 2: A cult center in Ancient Khorezm of the IV–II centuries BC] M.: Vostochnaya literatura, 2004. 286 s. (in Russian).

Ketmen' — Tyube: arheologiya, istoriya [Ketmen-Tube: archeology, history]. Frunze: Ilim, 1977. 228 s. (in Russian).

Kiselev S. V. Neizdannye nadpisi enisejskich kyrgyzov [Unpublished inscriptions of the Yenisei Kyrgyz]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1939. no. 3. P. 124–134 (in Russian).

Klyashtornyj S. G. *Istoriya Central'noj Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and monuments of Runic writing]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2003. 560 s. (in Russian).

Klyashtornyj S. G. Vsadniki Kochkorskoj doliny [Horsemen of the Kochkor valley]. *Evrasiya skvoz' veka* [Eurasia through the ages]. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo f-ta SPbGU, 2001. P. 213–215 (in Russian).

Klyashtornyj S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnej Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 s. (in Russian).

Kononov A. N. *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, hana hivinskogo* [Genealogy of Turkmens. The work of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 284 s. (in Russian).

Konstantinov N. A., Soyonov V. I. Sokolinaya ohota v Gornom Altae [Falconry in the Altai Mountains]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri*. [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Bator: Izd-vo MonGU, 2012. Vol. 2. Is. 3. P. 374–381 (in Russian).

Kormushin I. V. *Tyurkskie enisejskie epitafii: grammatika, tekstologiya* [Turkic Yenisei epitaphs: grammar, textology]. M.: Nauka, 2008. 341 s. (in Russian).

Koshelenko G. A. *Rodina parfyany* [Homeland of the Parthians]. M.: "Sovetskij hudozhnik", 1977. 176 s. (in Russian).

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g.* [The Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. 619 s. (in Mongolian, Russian).

Kovalevskij A. P. *Kniga Ahmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The book of Ahmed ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921–922. Articles]. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo gosuniversiteta, 1956. 347 s. (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 232 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Kubarev G. V. *Kamennye izvayaniya drevnih tyurok YUzhnoj Sibiri: katalog kolekcii Muzeya istorii i kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka i Istoriko-arhitekturnogo muzeya pod otkrytym nebom IAET SO RAN* [Stone sculptures of the Ancient Turks of Southern Siberia: catalog of the collection of the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East and the Open-air Historical and Architectural Museum of IAET SB RAS]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. 79 s. (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov)* [Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Zabelin V. I. *Avifauna Central'noj Azii po drevnim risunkam i arheologo-etnograficheskim istochnikam* [Avifauna of Central Asia according to ancient drawings and archaeological and ethnographic sources]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2006. no. 2 (26). P. 87–103 (in Russian).

Kychanov E. I. *Karluk Boyan' Czundao — yuan'skij konfucianec* [Karluk Boyan Tsundao — Yuan Confucian]. *Tyurkologicheskij sbornik-2003–2004* [Turkological collection-2003–2004]. M.: Vostochnaya literatura, 2005. P. 145–151 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *O naznachenii drevnetyurkskih kamennykh izvayaniy, izobrazhayushchih lyudej* [On the purpose of ancient Turkic stone statues depicting people]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archaeology]. 1964. no. 2. P. 27–39 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka* [The history of Tuva in the Middle Ages]. M.: Izd-vo MGU, 1969. 212 s. (in Russian).

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka)* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century)]. *Istoriko-etnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka* [Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 1983. 176 s. (in Russian).

Lipets R. S. *Otazhenie pogrebal'nogo obryada v tyurko-mongol'skom epose* [Reflection of the funeral rite in the Turkic-Mongolian epic]. *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rites and ritual folklore]. M.: Nauka, 1982. P. 212–236 (in Russian).

Livshic V. A. *Sogdijskaya epigrafika Srednej Azii i Semirech'ya* [Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirechye]. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo f-ta SPbGU, 2008. 414 s. (in Russian).

Lubsan Danzan. *Altan tobchi* [Altan tobchi]. M.: Nauka, 1973. 440 s. (in Russian).

Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk* [Divan Lugat at-Turk]. Almaty: Dajk-press, 2005. 1281 s. (in Russian).

Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-turk (Svod tyurkskih slov)* [A set of Turkic words]. M.: Vostochnaya literatura, 2010. Vol. 1. 460 s. (in Russian).

Malov S. E. *Enisejskaya pis'mennost' tyurkov* [*Yenisei writing of the Turks*]. Izd-vo AN SSSR, 1952. 116 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti* [*Monuments of ancient Turkic writing*]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 451 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [*Monuments of ancient Turkic writing of Mongolia and Kyrgyzstan*]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 112 s. (in Russian).

Martynov A. I., Chigaeva V. Yu. Kompozicionnoe rassmotrenie syuzhetov s pticami v naskal'nom iskusstve Severnoj Azii [Compositional consideration of plots with birds in the rock art of Northern Asia]. *Sovremennyye problemy arheologii Rossii* [Modern problems of archeology of Russia]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vol. 2. P. 315–318 (in Russian).

Marshak B. I. *Sogdijskoe srebro. Oчерki po vostochnoj torevtike* [Sogd silver. Essays on Eastern Toreutics]. M.: Nauka, 1971. 191 s. (in Russian).

Marshak B. I., Raspopova V. I. Kochevniki i Sogd [Nomads and Sogd]. *Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij* [Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 1989. P. 416–426 (in Russian).

Mejtarchiyan M. B. *Pogrebal'nye obryady zoroastrizma* [*Funeral rites of Zoroastrianism*]. M.; SPb.: IV RAN, Letnij sad, 2001. 248 s. (in Russian).

Meshkeris V. A. *Koroplastika Sogda* [Koroplasty of Sogd]. Dushanbe: "Donish", 1977. 126 s. (in Russian).

Meshkeris V. A. *Terrakoty Samarkandskogo muzeya. Katalog drevnih statuetok i drugih melkih skul'pturnyh izdelij iz obozhzhyonnoj gliny, hranyashchihsya v Respublikanskom Muzeje istorii i kul'tury i iskusstva UzSSR v gorode Samarkande* [Terracotta of the Samarkand Museum. Catalog of ancient figurines and other small sculptures made of baked clay, stored in the Republican Museum of History and Culture and Art of the Uzbek SSR in the city of Samarkand]. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. 140 s. (in Russian).

Modorov N. S. Kamennye izvayaniya i naskal'nye risunki Gornogo Altaya [Stone sculptures and rock carvings of the Altai Mountains]. *Arheologiya i kraevedenie Altaya (tezisy dokladov k konferencii)* [Archeology and local history of Altai (abstracts of reports for the conference)]. Barnaul: Novoaltajskaya tipografiya, 1972. P. 47–48 (in Russian).

Muhammed Yusuf munshi. *Mukim-hanskaya istoriya* [Mukim-khan's history] / Tr. by A. A. Semenov. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1956. 303 s. (in Russian).

Neklyudov S. Yu. *Geroicheskij epos mongol'skih narodov* [The heroic epic of the Mongolian peoples]. M.: Nauka, 1984. 309 s. (in Russian).

Nesterov S. P. *Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Central'noj Azii v epohu srednevekov'ya* [The Horse in the cults of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 141 s. (in Russian).

Novgorodova E. A. *Obraz pticy kak odin iz simvolov istoriko-kul'turnogo edinstva altajskih narodov Central'noj Azii* [The image of a bird as one of the symbols of the historical and cultural unity of the Altai peoples of Central Asia]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altajskoj yazykovoj obshchnosti (XXIX sessiya PIAK, Tashkent, 1986)*. [Historical and cultural contacts of the peoples of the Altai linguistic community (XXIX session of PIAC, Tashkent, 1986)]. M., 1986. Vol. 1. P. 55–56 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Drevnetyurkskaya monumental'naya skulptura iz Semirech'ya v sobranii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Ancient Turkic monumental sculpture from Semirechye in the collection of Tomsk State University]. *Aktual'nye problemy arheologii Evrazii: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 25-letiyu Instituta arheologii im. A. H. Margulana* [Actual problems of archeology of Eurasia: A collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 25th anniversary of the A. H. Margulan Institute of Archaeology]. Almaty: In-t arheologii im. A. H. Margulana, 2016. P. 457–470 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Drevnetyurkskie izvayaniya v Zavhane (k svodu arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoj Mongolii) [Ancient Turkic sculptures in Zavkhan (to the set of archaeological monuments of Western Mongolia)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the International Scientific Conference]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2010. P. 258–262 (in Russian).

Plano Karpini. Istoriya mongalov [The history of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern countries]. M.: Mysl', 1997. P. 29–85 (in Russian).

Pletneva S. A. *Poloveckie kamennye izvayaniya* [Polovtsian stone sculptures]. M.: Nauka, 1974. 200 s. (in Russian).

Pugachenkova G. A., Rempel' L. I. Samarkandskie ochazhki [Samarkand hearths]. *Iz istorii iskusstva velikogo goroda (k 2500-letiyu Samarkanda)* [From the history of art of the great city (to the 2500 anniversary of Samarkand)]. Tashkent: Izd-vo literatury i iskusstva im. Gafura Gulyama, 1972. P. 206–234 (in Russian).

Radlov V. V. Predvaritel'nyj otchet o rezul'tatah snaryazhennoj s Vysochajshego soizvoleniya Imperatorskoyu Akademiiyu Nauk ekspedicii dlya arheologicheskogo issledovaniya bassejna r. Orhona. Prilozhenie III. Predvaritel'nyj otchet ob issledovaniyah po r. Tole, Orhonu i v YUzhnom Hangae chlena ekspedicii N. M. Yadrinceva [Preliminary report on the results of the expedition equipped with the Highest permission of the Imperial Academy of Sciences for the archaeological study of the Orkhon River basin. Annex III. Preliminary report on research on the Tolya River, Orkhon and in the Southern Khangai by expedition member N. M. Yadrintsev]. *Sbornik trudov Orhonskoj ekspedicii*. [Proceedings of the Orkhon expedition]. SPb.: Tipografiya Imp. Akad. nauk, 1892. Is. 1. 113 s. (in Russian).

Rapoport Yu. A. *Iz istorii religii drevnego Horezma (ossuarii)* [From the history of religion of ancient Khorezm (ossuaries)]. M.: Nauka, 1971. 128 s. (in Russian).

Raspopova V. I. Goncharye izdeliya sogdijcev C ujskoj doliny. Po materialam raskopok na Ak-Beshime v 1953–1954 gg. [Pottery of the Sogdians of the Chui Valley. Based on the materials of excavations at Ak-Beshim in 1953–1954]. *Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii*. [Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition.]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. Vol. 4. P. 138–163 (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisej. T. I. Kn. 1* [Collection of chronicles. Book 1 Tr. by L. A. Hetagurov]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Vol. 1. 220 s. (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisej. T. I. Kn. 2* [Collection of chronicles. Book 2 /Tr. by O. I. Smirnova]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Vol. 1 316 s. (in Russian).

Samashev Z. S. Otchet o rabotah Zapadnokazahstanskoj arheologicheskoy ekspedicii IA MON RK na territorii Atyrauskoj oblasti RK v 1999 g. Almaty, 2000 [Report on the work of the West Kazakhstan archaeological expedition of IA MES RK on the territory of Atyrau region of RK in 1999 Almaty, 2000]. *Arhiv IA MON RK*. [Archive of IA MES RK]. P. 4–24 (in Russian).

Savinov D. G. Izobrazitel'nye pamyatniki i ritual (po materialam epohi bronzy Yuzhnoj Sibiri) [Pictorial monuments and ritual (based on the materials of the Bronze Age of Southern Siberia)]. *Mezhdunarodnaya konferenciya po pervobytnomu iskusstvu*. [International Conference on Primitive Art.. Kemerovo: Nikals, 2000. Vol. 2. P. 197–206 (in Russian).

Semenov A. A. *Etnograficheskie ocherki Zarafshanskih gor, Karategina i Darvaza* [Ethnographic essays of the Zarafshan mountains, Karategin, and Darvaz]. M. : T-vo skoropechatni Levenson A. A., 1903. 112 s. (in Russian).

Sevortyan E. V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. M. : Nauka, 1974. 768 s. (in Russian).

Simakov G. N. *Sokolinaya ohota i kul't hishchnyh ptic v Srednej Azii (ritual'nyj i prakticheskij aspekty)* [Falconry and the cult of birds of prey in Central Asia (ritual and practical aspects)]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. 312 s. (in Russian).

Simakov G. N. *Sokolinaya ohota i voennoe delo u kochevnikov Srednej Azii i Kazakhstana* [Falconry and military affairs among the nomads of Central Asia and Kazakhstan]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. SPb.: MAE RAN, 1994. Is. 5–6. P. 64–72 (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Harizma i vlast' v epohu Chingis-hana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. SPb.: Evraziya, 2013. 382 s. (in Russian).

Smirnova O. I. *Ocherki iz istorii Sogda* [Essays on the history of Sogd]. M. : Nauka, 1970. 287 s. (in Russian).

Snesarev G. P. *Relikty domusul'manskih verovanij i obryadov u uzbekov Horezma* [Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm]. M. : Nauka, 1969. 336 s. (in Russian).

Soyonov V. I., Konstantinov N. A. *Ohotnich'ya deyatel'nost' naseleniya Altaya v I tys. n. e.* [Hunting activity of the Altai population in the I millennium A. D.]. Gorno-Altajsk: GAGU, 2014. 310 s. (in Russian).

Sokolova Z. P. *Kul't zhitovnyh v religiyah* [The cult of animals in religions]. M. : Nauka, 1972. 214 s. (in Russian).

Sokrovishcha drevnego Taraza [Treasures of ancient Taraz]. Almaty: Mektep, 2008. 183 s. (in English, Kazakh, Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskij yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to language data]. M. : Nauka, 2006. 907 s. (in Russian).

Tabaldiev K. Sh. *Drevnetyurkskie runicheskie nadpisi Kochkorskoj doliny* [Ancient Turkic runic inscriptions of the Kochkor valley]. *Nasledie material'noj i duhovnoj kul'tury Kyrgyzstana* [Heritage of material and spiritual culture of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilim, 2005. P. 21–25 (in Russian).

Tenishev E. R. O naddialektnom haraktere yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov [On the supra-dialect character of the language of the Turkic runic monuments]. *Turcologica: K semidesyatiletiyu akademika A. N. Kononova* [Turcologica: To the seventieth anniversary of Academician A. N. Kononov]. L.: Nauka, 1976. P. 164–172 (in Russian).

Sharaf ad-Din Ali Jazdi. *Zafar-name*. Tr. by A. Ahmedov [Zafar-name Tr. by A. Ahmedov]. Tashkent: “SAN”AT”, 2008. 485 s. (in Russian).

Sharipov R. G. Mirovozzrenie drevnetyurkskoj kochevoj elity i kul't kamennykh izvayaniy [The worldview of the ancient Turkic nomadic elite and the cult of stone statues]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2014. Vol. 19. no 1. P. 324–330 (in Russian).

Shastina N. P. Obraz Chingiskhana v srednevekovoj literature mongolov [The image of Genghis Khan in medieval Mongol literature]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. M.: Nauka, 1977. P. 462–483 (in Russian).

Sher Ya. A. *Kamennye izvayaniya Semirech'ya* [Stone sculptures of Semirechye]. M.; L.: Nauka, 1966. 140 s. (in Russian).

Shefer E. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan* [Golden peaches of Samarkand. A book about foreign curiosities in the Tang Empire]. M.: Nauka, 1981. 614 s. (in Russian).

Ujgurskie delovye dokumenty X–XIV vv. iz Vostochnogo Turkestana [Uyghur business documents of the X–XIV centuries from East Turkestan] M.: Vostochnaya literatura, 2013. 326 s. (in Old Uyghur, Russian)

Yamaeva E. E. Naskal'nye risunki epohi srednevekov'ya: ujugury v Gornom Altae (po materialam pamyatnikov doliny Karakol) [Rock paintings of the Middle Ages: Uighurs in the Altai Mountains (based on the materials of the monuments of the Karakol Valley)]. *Nauchnyy vestnik Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University]. 2009. no. 4. P. 57–61 (in Russian).

Yurchenko A. G. *Elita Mongol'skoj imperii: vremya prazdnikov, vremya kaznej* [The elite of the Mongol Empire: the time of holidays, the time of executions]. SPb.: Evraziya, 2012. 432 s. (in Russian).

Vasil'ev D. D. Vosstanovlennyye fragmenty tyurkskoj runicheskoy nadpisi stely mogil'nika Ujtag (Respublika Hakasiya RF) [Restored fragments of the Turkic runic inscription of the Uyttag burial stele (Republic of Khakassia of the Russian Federation)]. *Epigrafika Vostoka*. [Epigraphy of the East]. M.: IV RAN, 2016. Is. XXXII. P. 40–56 (in Russian).

Vasil'ev D. D., Nasilov D. M. K prochleniyu Abakanskogo pamyatnika [To the reading of the Abakan monument]. *Srednevekovyj Vostok: istoriya, kul'tura, istochnikovedenie* [Medieval East: history, culture, source studies]. M.: Nauka, 1980. S. 60–66 (in Russian).

Vinnik D. F. Istoriya izucheniya kamennykh izvayaniy Kyrgyzstana [History of the study of stone statues of Kyrgyzstan]. *Iz istorii i arheologii drevnego Tyan'* — *Shanya* [From the history and archeology of the ancient Tien Shan]. Bishkek: Ilim, 1995. P. 160–175 (in Russian).

Vinnik D. F. K istoriko-topograficheskomu izucheniyu urochishcha Koj-Sary (po materialam rabot Issyk-Kul'skogo arheologicheskogo otryada, 1960) [To the historical and topographic study of the Koi-Sary tract (based on the materials of the Issyk-Kul archaeological detachment,

1960)]. *Izvestiya Kirg. SSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of Academy of Sciences of Kirgiz SSR. Social Sciences series]. 1963. Is. 1. Vol. 5. P. 25–43 (in Russian).

Vojtov V. E. *Drevnetyurkskij panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [The Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult and memorial monuments of Mongolia of the VI–VIII centuries]. M. : Izd-vo Gosudarstvennogo muzeya Vostoka, 1996. 152 s. (in Russian).

Vorob'eva S. N., Nefedov N. Yu. Zolotye izdeliya iz Erkurgana [Gold products from Yerkurgan]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan]. 1988. no. 7. P. 40–42 (in Russian).

Zuev Yu. A. K etnicheskoj istorii usunej [To the ethnic history of the Usuns]. *Trudy in-ta istorii, arheologii i etnografii AN Kaz. SSR.* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz. SSR, 1960. Vol. 8. P. 5–25 (in Russian).

Zuev Yu. A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: essays on history and ideology]. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 s. (in Russian)

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period. *Journal of Eurasian Studies*. 2014. Vol. VI. Issue 2. P. 9–20 (in English).

Baumann B. By the Power of Eternal Heaven: The Meaning of Tenggeri to the Government of the Pre-Buddhist Mongols Source. *Extrême-Orient Extrême-Occident*. 2013. № 35. P. 233–284 (in English).

Belli O. Stone Statues and Balbals in Turkic World. *TÜBA-AR*. 2003. Vol. VI. P. 85–116 (in English).

Bogenbaev N., Shaldarbekova A., Zhalmырza A. Symbolic Image of Kut in the Ancient Turkic' Worldview. *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11. P. 615–619 (in English).

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the Concept of “Fortune” among the Turks. *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1965. Vol. 36. Fasc. 3–4. P. 284–291; 1966. Vol. 38. P. 13–43 (in English).

Chen Ling. A Study of Turkic Royal Crowns: With a Discussion of Turkic Xian-Zoroastrian Beliefs. *Eurasian Studies. English Edition*. 2017. № 5. P. 139–198 (in English).

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 990 p. (in English).

Hayashi T. Several Problems about the Turkic Stone Statues. *Türk dili araştırmaları yillığı (Yearbook of Turkic Studies). Belleten*. 2000. Ankara: Turkish language institution, 2001. P. 221–240 (in English).

Jisl L. The Orkhon Türks and Problems of the Archaeology of the Second Eastern Türk Kaghanate (published post mortem in cooperation of Věra Jislová and Jiří Šíma). *Annals of the Náprstek Museum* 18. Praha: National Museum, Náprstek Museum of Asian, African and American Cultures, 1997. P. 1–112 (in English).

Kageyama E. The Winged Crown and the Triple-crescent Crown in the Sogdian Funerary Monuments from China: Their Relation to the Hephthalite Occupation of Central Asia. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2007. Vol. 2. P. 11–22 (in English).

Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians. *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 35. no. 1/2. P. 67–80 (in English).

Lerner J. A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China. *Sino-Platonic Papers*. no. 168 (December, 2005). 56 p. (in English).

Pugachenkova G. A. The Form and Style of Sogdian Ossuaries. *Bulletin of the Asia Institute. New Series*. 1994. Vol. 8. P. 227–243 (in English).

Schafer E. H. Falconry in T'ang Times. *T'oung Pao. Second Series*. 1958. Vol. 46. Livr. 3/5. P. 293–338 (in English).

Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Turks. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2009. Vol. 4. P. 119–133 (in English).

Talat Tekin. *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 p. (in English).

Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, par Ch. E. de Ujfalvy de Mezo-Kovesd. Vol. II. Paris, 1879. 208 p. (in French).

L'empire de Gengis-khan dans la miniature Mogole. Photographies de B. et W. For-man, texte de J. Marek et H. Knižková. Praha: Artia, 1963. 48 p. (in French).

Liu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Buch I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 p. (in German).

Tryjarski E. *Zwyczaj pogrzebowe ludów tureckich na tle ich wierzeń*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1991. 415 p. (in Polish).

Aydın E., Alimov R., Yıldırım F. *Yenisey — Kırgızistan Yazıtları ve İlk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s. (in Turkic).

Bajbosynov K. *Zhambyl onirindegi tas musinder (Kamennye izvayaniya Zhambylskoj oblasti)*. Fotoal'bom [Stone sculptures of Zhambyl region] Almaty: Oner, 1996. 176 s. (in Kazakh).

Çeşmeli İ. Kök türklerde ikonografik açıdan kuş figürleri. *Art-Sanat Dergisi*. 2015. Vol. 4. P. 67–80 (in Turkic).

Mongolyn arheologijn өв. V bot'. Mongolyn hyn chuluu. [Mongolyn arheologijn өв. V bot'. Mongolian hunk] Ulaanbaatar, 2016 (in Mongolian).

Osawa T. Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlar Üzerine Yeni Araştırmalar. *Türk Dillleri Araştırmaları* 10. 2000. P. 191–204 (in Turkic).

Tydev L. *Chuluuzhsan hyn. “Dal” soniny gazraas hevlyxlev* [Chuluuzhsan hyn. “Dal” soniny gazraas hevlyxlev]. Ulaanbaatar, 2014 (in Mongolian).

Erdenebat U. *Mongol shuvuulahuj (Түүх, etnoarheologi, soyolyn antropologijn sudalgaa)* [Mongol shuvuulahuj (History, ethnoarcheology, soyolyn antropologijn sudalgaa)]. Ulaanbaatar: Selengepress, 2014. 328 s. (in Mongolian).

User H. Ş. Yenisey Yazıtlarının Okunma ve Anlamlandırılması Üzerine Yeni Öneriler-II. *Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu, 26–29 Mayıs 2010. Bildiriler Kitabı. 2. Cilt*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Basımevi, 2011. S. 767–774 (in Turkic).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023

Принята к публикации: 20.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 572

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–03

А. Ю. Худавердян, Т. А. Алексанян, Д. Г. Мириджанян*Институт археологии и этнографии НАН, Ереван (Республика Армения)*

НЕОБЫЧНОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ ИНДИВИДОВ ИЗ ПРОВИНЦИИ СЮНИК (АНГЕХАКОТ, АРМЕНИЯ)

Исследованы антропологические материалы 9 индивидуумов раннесредневековой культуры из Армении. Исследование костных останков проводилось комплексно в контексте интегративной антропологии, что является объединением двух ее разделов — физической антропологии и палеопатологии. Для распознавания и описания патологических состояний костей применялись макроскопический, рентгеновский и гистологический методы исследования. Индивиды, перезахороненные у церкви Сурб Вардана, являются носителями традиций преднамеренной и непреднамеренной деформации головы. Скелеты обладают характеристиками южноевропеоидного типа. Osteологический анализ позволяет констатировать у индивидов высокий рост и крепкое телосложение. Исследование костно-мышечного рельефа позволяет зафиксировать индикаторы механического стресса, связанные с верховой ездой. Травматические повреждения, обнаруженные на скелетах, не повлекшие за собой смерти, могли возникнуть как при ведении военных операций, так и при «бытовых» действиях.

Ключевые слова: Армения, раннее Средневековье, останки воинов, краниология, краниоскопия, одонтология, остеология, палеопатология.

Цитирование статьи:

Худавердян А. Ю., Алексанян Т. А., Мириджанян Д. Г. Необычное средневековое перезахоронение индивидов из провинции Сюник (Ангехакот, Армения) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 71–91. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–03.

A. Yu. Khudaverdyan, T. A. Aleksanyan, D. G. Mirijanyan

Institute of Archaeology and Ethnography NAS, Yerevan (Republic of Armenia)

UNUSUAL MEDIEVAL BURIAL OF INDIVIDUALS FROM SYUNIK PROVINCE (ANGEKHAKOT, ARMENIA)

Anthropological materials from 9 individuals of the early Medieval culture from Armenia were studied. The study of bone remains was carried out comprehensively in the context of integrative anthropology, which is the union of its two sections, physical anthropology and paleopathology. Macroscopic, X-ray and histological research methods were used to recognize and describe pathological conditions of the bones. The individuals reburied at the Surb Vardan are bearers of the traditions of artificial cranial deformation and unintentional deformation of the head. The skeletons have characteristics of the South European type. Osteological analysis allows us to state that individuals are tall and have a strong physique. The study of musculoskeletal relief reveals indicators of mechanical stress associated with riding. Traumatic injuries found in the skeletons that did not cause death could have occurred both during military operations and during «domestic» activities.

Keywords: Armenia, Early Middle Ages, the remains of warriors, craniology, craniotomy, odontology, osteology, paleopathology

For citation:

Khudaverdyan A. Yu., Aleksanyan T. A., Mirijanyan D. G. Unusual medieval burial of individuals from Syunik province (Angekha Kot, Armenia). Nations and religions of Eurasia. T. 28, № 2, P. 71–91. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–03.

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армения, Ереван (Армения). **Адрес для контактов:** akhudaverdyan@mail.ru.

Алексян Тигран Алексанович, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА, Ереван (Армения). **Адрес для контактов:** tigranalexanyan@yandex.ru.

Мириджанян Диана Грачевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА, Ереван (Армения). **Адрес для контактов:** dianamirijanyan@rambler.ru

Khudaverdyan Anahit Yurevna, Candidate of historical Sciences, senior researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography NAS of RA, Yerevan (Armenia). **Contact address:** akhudaverdyan@mail.ru.

Aleksanyan Tigran Aleksanovich, researcher of the Institute of Archeology and Ethnography NAS of RA, Yerevan (Armenia). **Contact address:** tigranalexanyan@yandex.ru.

Mirijanyan Diana Grachevna, Candidate of of historical Sciences, Researcher of the Institute of Archeology and Ethnography NAS of RA, Yerevan (Armenia). **Contact address:** dianamirijanyan@rambler.ru.

Введение

Провинция Сюник находится на юге страны ($39^{\circ}15'00''$ с. ш. $46^{\circ}15'00''$ в. д.), граничит с Азербайджаном на востоке и западе, на юге с Ираном и на севере с провинцией Вайоцзор Армении. Село Ангехакот расположено на левом берегу реки Воротан у водохранилища, в 14 км к западу от города Сисиана. На территории Ангехакота имеются дольмены, датируемые эпохами неолита и бронзы, могильники ахеменидского периода. В 0,5 км к западу от села Ангехакот находится церковь Сурб Вардана (также известная как Св. Вардан Зоравар, Св. Вардананц). Вырубленная в скале, наполовину разрушенная церковь Сурб Вардан, на территории которой, согласно преданию, было захоронено привезенное сюда Васакком Сюни (князь Сюника) тело Вардана Мамиконяна и установлен 8-метровый памятник великому армянскому полководцу. Об Ангехакоте есть сведения у Страбона, Павстоса Бюзанда, Мовсеса Хоренаци и у более поздних историков (Г. Алишана, С. Орбеяна, М. Чамчянца, Е. Лалаяна и др.).

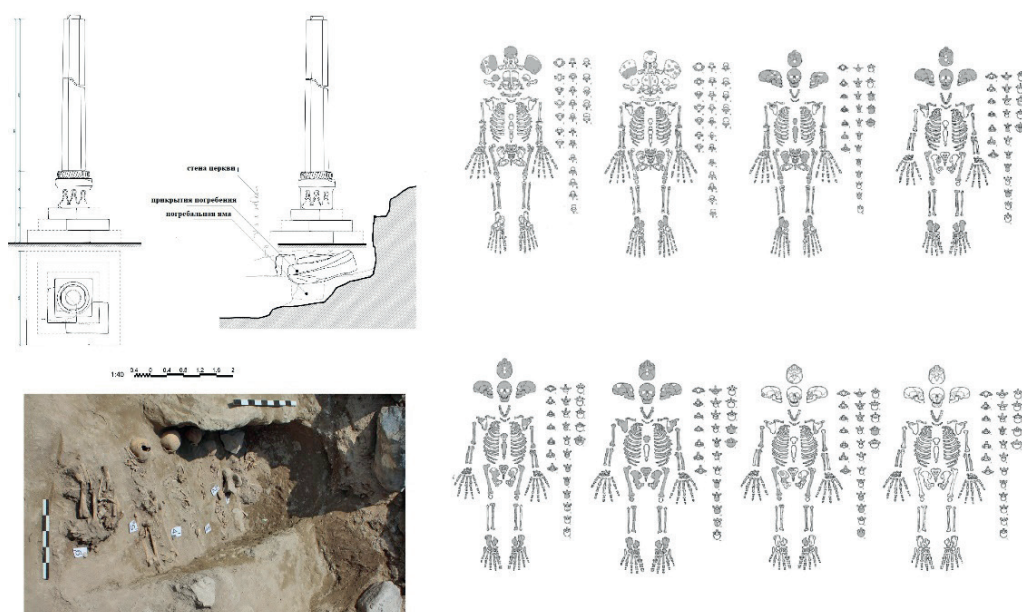

Рис. 1. Монумент у церкви Сурб Вардан, перезахороненные останки 9 индивидов, сохранность антропологического материала

Fig. 1. Monument at the Church of Surb Vardan, reburied remains of 9 individuals, preservation of anthropological material

Материалы и методы

Раскопки в Ангехакоте у церкви Сурб Вардан проводились в 2018 г. экспедицией Института археологии и этнографии НАН РА под руководством археолога Т. А. Александяна. В ходе археологических раскопок под каменным монументом были обнаружены перезахоронения 9 человеческих останков (рис. 1). В захоронении преобладают мужчины, был изучен всего один скелет ребенка в возрасте около двух лет, трое де-

тей — в возрасте от 5 до 9 лет, а также скелет индивида 20–24 лет. Рассмотрение суммарных характеристик распределения мужских скелетов по возрастным когортам выявляет два пика смертности: первый — в возрасте 40–45 лет, второй приходится на возраст старше 50 лет.

Использован современный антропологический арсенал методик определения возраста и половой принадлежности [Алексеев, Дебец, 1964; AlQahtani et al., 2010: 483–488; Brook, Suchey, 1990: 229–235; Buikstra, Ubelaker, 1994; Lovejoy et al., 1985: 17–25; Meindl, Lovejoy, 1985: 59–64]. Череп и кости посткраниального скелета изучены по стандартным измерительным и описательным программам [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968а, 1968б; Мовсесян и др., 1975; Buikstra, Ubelaker, 1994; Hillson, 1996; Goodman et al., 1984; Weiss, 2015]. Оценка величин признаков, стандартных значений квадратического отклонения проводилась по таблицам краниологических констант [Алексеев, Дебец, 1964: 114–127]. Рентгенологические и гистопатологические исследования осуществили в медицинском центре «Армения».

Результаты и обсуждение

Краниология. Мужские черепа характеризуются как брахикранные, с малым продольным, очень большим поперечным и средним высотным диаметрами (табл. 1). Лоб широкий, лицевая часть ортогнатная, лицо широкое при малой его высоте, резко профилированное. Грушевидное отверстие большой высоты, средней ширины, по указателю фиксируется мезориния. Переносье высокое, угол выступания носовых костей большой. Глазницы очень широкие и низкие. Дакриальная и симотическая высота очень большие. Дакриальная ширина — малая, симотическая — средняя. Длина нижней челюсти малая, наименьшая ширина ветви средняя. Симфиз низкий, тело средневысокое с большой толщиной. Достоверный уровень изменчивости эмпирических дисперсий фиксируется только 14 признаков и указателей (8, 5, 10, 11, 12, 32 (от g), 61, 52:51a, DS: DC, SS, SS: SC, 72, <zm, 70, 69 (2)).

Таблица 1

Индивидуальные и средние размеры и указатели черепов из Ангехакота

№ по Мартину и др.	Признак	n	x	s	Инд. 3	Инд. 4	Инд. 5
1	Продольный диаметр	3	173	7,9	164	179	176
8	Поперечный диаметр	3	154,2	7,1	148	162	152,5
8:1	Черепной указатель	3	89,2	2,1	90,3	90,6	86,7
17	Высотный диаметр от ба	2	134,5	-	132	137	-
17:1	Высотно-продольный указатель	2	78,6	-	80,5	76,6	-
17:8	Высотно-поперечный указатель	2	86,9	-	89,2	84,6	-
20	Высотный диаметр от ро	2	121	-	121	121	-
20:1	Высотно-продольный указатель	2	70,7	-	73,8	67,6	-
20:8	Высотно-поперечный указатель	2	78,3	-	81,8	74,7	-
5	Длина основания черепа	3	104	6,5	97	105	110
9	Наименьшая ширина лба	3	100,4	4,5	96	105	100

Продолжение таблицы 1

№ по Марти-ну и др.	Признак	n	x	s	Инд. 3	Инд. 4	Инд. 5
9:8	Лобно-поперечный указатель	3	65,1	0,4	64,9	64,9	65,6
10	Наибольшая ширина лба	3	128,4	7,7	122	137	126
11	Ширина основания черепа	3	134,5	7,9	127,2	143	133,2
12	Ширина затылка	3	118,4	8,5	112	128	115?
29	Лобная хорда	2	108	-	102,5	113,5	-
30	Теменная хорда	2	96	-	90	102	-
31	Затылочная хорда	2	106,9	-	108,8	105	-
26	Лобная дуга	2	117	-	109	125	-
27	Теменная дуга	2	96	-	96	116	-
28	Затылочная дуга	2	106,9	-	131	126	-
7	Длина затылочного отверстия	3	35,9	2,5	33	36,5	38
16	Ширина затылочного отверстия	3	33,8	1,9	31,8	33,8	35,6
32	Угол профиля лба от n	3	79	3,4	81	81	75
-	Угол профиля лба от g	3	77,4	7,3	80	83	69
40	Длина основания лица	3	99,4	4,9	96	105	97
40:5	Указатель выступания лица	3	95,8	6,5	98,97	100	88,2
45	Скуловой диаметр	3	139	4,0	134,5	142,5	140
48	Верхняя высота лица	3	67,9	0,7	68	67	68,5
48:45	Верхний лицевой указатель	3	48,9	1,7	50,6	47,1	48,93
43	Верхняя ширина лица	3	108,3	4,4	104	112,8	108
60	Длина альвеолярной дуги	3	54,4	2,0	56?	55?	52
61	Ширина альвеолярной дуги	3	63,4	6,9	66?	68,7	55,5
62	Длина неба	3	47,5	0,8	46,5	48	48?
63	Ширина неба	2	34,6	-	-	33,2	36
55	Высота носа	3	54,5	3,9	51,8	52,5	59
54	Ширина носа	3	26,4	1,8	25,2	28,5	25,5
54:55	Носовой указатель	3	48,8	5,5	48,7	54,3	43,3
51	Ширина орбиты от mf	3	44,9	0,6	45	44,2	45,5
51a	Ширина орбиты от d	3	41,8	0,6	42,2	41	42
52	Высота орбиты	3	32,7	3,5	33	29	36
52:51	Орбитный указатель (mf)	3	72,7	6,7	73,4	65,7	79,2
52:51a	Орбитный указатель (d)	3	78,3	7,4	78,2	70,8	85,8
MC	Максиллофронтальная ширина	3	16,7	2,8	15	19,9	15
MS	Максиллофронтальная высота	3	9,9	0,7	9	10,5	10
MS: MC	Максиллофронтальный указатель	3	59,9	6,9	60	52,8	66,7
DC	Дакриальная ширина	3	22,94	3,0	22,8	26	20?

Окончание таблицы 1

№ по Марти-ну и др.	Признак	n	x	s	Инд. 3	Инд. 4	Инд. 5
DS	Дакриальная высота	3	15,1	1,4	14	14,5	16,8
DS: DC	Дакриальный указатель	3	67,1	14,9	61,5	55,8	84
SC	Симотическая ширина	3	8,8	1,5	7	9,2	10
SS	Симотическая высота	3	6,2	2,1	3,8	8	6,8
SS: SC	Симотический указатель	3	69,8	16,4	54,3	86,96	68
72	Общий лицевой угол	3	89,7	5,1	84	94	91,
73	Средний лицевой угол	3	89,7	5,5	84	95	90
74	Угол альвеолярной части	2	87	-	88	86	-
75 (1)	Угол выступания носа	3	31,2	2,7	28,5	31	34
77	Назомаллярный угол	3	133,7	4,5	138	134	129
zm	Зиго-максиллярный угол	3	121	10,5	110	131	122
68 (1)	Длина н. ч. от мыщелков	3	101,2	3,6	101	107,5	95
68	Длина н. ч. от углов	3	85,2	4,7	80,5	89,9	85
70	Высота ветви	3	61,8	1,6	59,9	63	62,5
71a	Наименьшая ширина ветви	3	33,6	2,3	32,2	36,2	32,2
69	Высота симфиза	2	29,8	-	26,5	-	33
69 (1)	Высота тела	3	27,5	3,9	25,5	32?	25?
69 (2)	Толщина тела	3	13,9	3,5	14,5	17	10
47	Полная высота лица	3	112	4,5	107	113	116?

Краниоскопия. Перечислим аномалии (дискретно-варьирующие маркеры), которые не связаны (или слабо связаны) с болезнями и имеют генетическую предопределенность. Анализ генетических признаков позволяет указать определённые родственные связи между индивидами. На шести черепках наблюдаются *foramina zygomaticofacialia*, на четырех — *os wormii suturae squamosum*, *foramina mastoidea* (на шве), *sutura incisive*, *canalis condyloideus*, *foramina supraorbitalia*, на троих — *foramina frontalia*, *os Incae completes*, *sutura mendoza*, *stenocrotaphia* (X-обп.), *tuberculum praecondylare*, *os wormii suturae lambdoidea*, *os zygomaticum bipartitum tripartitum*, на двоих — *foramina mentalia*, *foramina mandibularia*, *processus temporalis ossis frontalis*, *os postsquamosum*, *foramina parietalia*, *foramina mastoidea* (вне шва).

Мендозный шов (*sutura mendoza*) у троих индивидов не сплошной (от ast до ast). Данный маркер В. В. Бунак причислял к чертам арменоидного типа [Бунак, 1927: 50]. Кость Инков (*os Incae completes*) также встречается у троих индивидов. Следует заметить, что Инковская кость практически отсутствует у древнего населения Армении [Мовсесян и др., 1990: 280; Khudaverdyan, 2012: 137].

Одонтология. Мезио-дистальные (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальные (VL_{cor}) параметры первых и вторых моляров оказываться в категории средних и малых значений, третьих моляров — малых (табл. 2). Высота коронки (H_{cor}) моляров оказались в кате-

гории малых значений. У двоих индивидов фиксируются диастема, краудинг, коленчатая складка метаконида, вариант «2» второй борозды метаконида, редукция гипоконуса вторых верхних моляров (M2 Σ 3), четырехбугорковые формы вторых нижних моляров, у троих — редукция верхнего латерального резца (R^J²) (балл 1), бугорок Карабелли и форма 3 первой борозды эконуса на первом верхнем моляре (1eo), пятибугорковые формы на первом нижнем моляре. По одному случаю встречаются лопатообразные формы лингвальной поверхности верхних резцов, внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре (TAM_I), шеститибугорковая и четырехбугорковая формы на первом нижнем моляре.

Таблица 2

Индивидуальные размеры зубов из памятника Ангехакота

	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 4		Индивид 5		Индивид 6 2	
	Верхняя челюсть									
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}									
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	-	7,5	-	-	-	-	-	-	-	-
I2	6,5	-	6,5	-	6,5	6,5	-	-	-	-
C	-	-	-	-	8,5	8,5	-	-	9	-
P1	-	-	-	-	-	9,5	-	-	-	-
P2	-	-	-	-	8,8?	-	-	-	9,2	-
M1	11,5	11,2	-	10,2	11?	12	-	-	-	12,2
M2	-	-	-	-	11,8	11,8	-	-	-	-
M3	-	-	9,8	-	8,8	-	-	-	-	-
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}									
I1	-	8,5	-	-	-	-	-	-	-	-
I2	6,2	-	5,8	5,2?	4,3	4,5	-	-	-	-
C	-	-	-	-	6,8	6,5	-	-	8,2	-
P1	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-
P2	-	-	-	-	6	-	-	-	6,5	-
M1	12,5	12,5	-	10,5	11	9,5	-	-	-	9
M2	-	-	-	-	9	9	-	-	-	-
M3	-	-	8,5	-	8	-	-	-	-	-
	Высота коронки H _{cor}									
M1	6,5	6,8?	-	4,9	6	5,8	-	-	-	6,2
M2	-	-	-	-	6	6.2	-	-	-	-
M3	-	-	5,5	-	5,5	-	-	-	-	-
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}									
M1	8	-	-	6,8	7,5	7,8	-	-	-	7,2
M2	-	-	-	-	7	7,5	-	-	-	-
M3	-	-	5	-	6,5	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы 2

	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 4		Индивид 5		Индивид 6 2	
	Площадь коронки MD × VL									
M1	143,8	140	-	107,1	121	114	-	-	-	109,8
M2	-	-	-	-	106,2	106,2	-	-	-	-
M3	-	-	83,3	-	70,4	-	-	-	-	-
	Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100									
M1	92	89,6	-	97,2	100	126,4	-	-	-	135,6
M2	-	-	-	-	131,2	131,2	-	-	-	-
M3	-	-	115,3	-	110	-	-	-	-	-
	Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2									
M1	11,9	11,9	-	10,4	11	10,75	-	-	-	10,6
M2	-	-	-	-	10,4	10,4	-	-	-	-
M3	-	-	9,15	-	8,4	-	-	-	-	-
	Нижняя челюсть									
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}									
I1	5,8	6,2	6?	-	-	7,5	-	-	-	-
I2	5	6	6,1	-	6,5	7	-	-	-	-
C	-	-	7	-	7,5	7,8	-	-	-	-
P1	-	-	7,8	-	6,8	7,8	7,9	-	7,8	-
P2	-	-	7,7	-	8,5	-	8,5?	7,5	-	-
M1	10,2	10	10,5	10,6	10	10	-	10,5	-	-
M2	-	-	9,9	-	10,2	9,8	10,3	-	-	-
M3	-	-	9,2	-	-	-	-	9,8	7	-
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}									
I1	5,2	5,5	3,8?	-	-	4,5	-	-	-	-
I2	5,5	5,5	4,9	-	5,5	5	-	-	-	-
C	-	-	6,5	-	6,2	7,5	-	-	-	-
P1	-	-	6,2	-	7,5	7,2	7,8	-	6,5	-
P2	-	-	7,2	-	6,5	-	7,2?	7,5	-	-
M1	11,5	11,5	11,7	11,5	10,8	10,5	-	-	-	-
M2	-	-	11	-	11,5	10,5	11	-	-	-
M3	-	-	11,5	-	-	-	-	9,2	6	-
	Высота коронки H _{cor}									
M1	8,5	8,5	4,7	-	4	-	-	4	-	-
M2	-	-	6	-	4,5	7	5,5	-	-	-
M3	-	-	5,2	-	-	5,5	-	4,7	5	-
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}									
M1	8,5	8,5	7,8	-	9	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы 2

	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 4		Индивид 5		Индивид 6 2	
M2	-	-	7	-	9,5	9	8,5	-	-	-
M3	-	-	7,2	-	-	9,2	-	7,6	3,8	-
	Площадка коронки MD × VL									
M1	112,8	115	122,9	121,9	108	105	-	-	-	-
M2	-	-	108,9	-	117,3	102,9	113,3	-	-	-
M3	-	-	105,8	-	-	-	-	90,2	42	-
	Индекс коронки $I_{\text{кор}} (VL / MD) \times 100$									
M1	88,7	86,96	89,8	92,2	92,6	95,24	-	-	-	-
M2	-	-	90	-	88,7	93,34	93,7	-	-	-
M3	-	-	80	-	-	-	-	106,6	116,7	-
	Модуль коронки $m_{\text{кор}} MD + VL / 2$									
M1	10,9	10,8	11,1	11,1	10,4	10,25	-	-	-	-
M2	-	-	10,5	-	10,5	10,15	10,7	-	-	-
M3	-	-	10,4	-	-	-	-	7,3	6,5	-

Остеология. Мужские скелеты характеризуются длинными плечевыми костями (табл. 3). Эпифизы плечевых костей хорошо развиты, средняя ширина эпифиза довольно велика, что укладывается в ранг больших размеров. Индекс прочности входит в ранг больших размеров. Длина лучевых и локтевых костей укладывается в ранг больших размеров. Наименьшая окружность диафиза локтевых костей большая. Длина бедренных костей (по двум размерам) входит в категорию больших размеров, окружность середины диафиза — очень больших. Проксимальная часть диафиза характеризуется зуримерией (расширена). Массивность бедренных костей — очень большая. Большеберцовые кости — длинные, наименьшая окружность — большая. Большеберцовые кости отличаются повышенной массивностью. Рост индивидов попадают в категорию больших размеров.

Таблица 3

Остеометрическая характеристика индивидов из памятника Ангехакот

Показатель	Индивид 3		Индивид 4		Индивид 5	
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.
Плечевая кость (Humerus)						
1. Наибольшая длина	-	-	356	349	341	346
2. Общая длина	-	-	349	344	335	341
3. Ширина верхнего эпифиза	-	-	53	51	55	55
4. Ширина нижнего эпифиза	-	-	67,3	-	65,5	69,5
5. Наибольший Ø середины диафиза	-	-	26	-	24?	26
6. Наименьший Ø середины диафиза	-	-	22	-	-	24

Продолжение таблицы 3

7. Наименьшая окружность диафиза	-	-	73	-	70	72
7а. Окружность середины диафиза	-	-	79	-	-	78
7:1 Индекс массивности	-	-	20,6	-	20,6	20,9
6:5 Указатель поперечного сечения	-	-	84,7	-	-	92,4
Лучевая кость (Radius)						
1. Наибольшая длина	-	-	257	-	254	-
2. Физиологическая длина	-	-	243	-	241	-
4. Поперечный Ø диафиза	-	-	17	-	15	16
5. Сагиттальный Ø диафиза	-	-	13	-	11,5	11?
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	50	-	50	46
3:2 Указатель массивности	-	-	20,6	-	20,8	-
5:4 Указатель поперечного сечения	-	-	76,5	-	76,7	68,8
Локтевая кость (Ulna)						
1. Наибольшая длина	-	-	275?	285	272,5	269
2. Физиологическая длина	-	-	240	248	236	234,5
11. Сагиттальный Ø диафиза	-	-	13	14	13,6	-
12. Поперечный Ø диафиза	-	-	18	20,5	21	-
13. Верхний поперечный Ø диафиза	-	-	25	27,8	20	24
14. Верхний сагиттальный Ø диафиза	-	-	22,6	22,2	26,5	29,6
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	38	43	41	-
3:2 Указатель массивности	-	-	15,9	17,4	17,4	-
11:12 Указатель поперечного сечения	-	-	72,3	68,3	64,8	-
13:14 Указатель платолении	-	-	110,7	125,3	75,5	81,1
Бедренная кость (Femur)						
1. Наибольшая длина	-	-	473	470	489	486
2. Длина в естественном положении	-	-	460	456	474	471
21. Мыщелковая ширина	73,5	73,8	85,5	84,8?	87	-
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	-	26	32,2	36	35	38
7. Поперечный Ø середины диафиза	-	28,8	30	30,2	29,9	29,9?
9. Верхний поперечный Ø	-	-	35	36	32	32
10. Верхний сагиттальный Ø	-	-	29	-	32	30
8. Окружность середины диафиза	-	85	100	100,9	103	103
8:2 Указатель массивности	-	-	21,8	22,2	21,8	21,9
6:7 Указатель пилястрии	-	-	107,4	119,3	117,1	127,1
10:9 Указатель платимерии	-	-	82,9	-	100	93,8
Большая берцовая кость (Tibia)						
1. Полная длина	-	339	395	393	-	405
2. Мыщелково-таранная длина	-	302,8	375,5	375,2	358,3	358,8

Продолжение таблицы 3

1а. Наибольшая длина	-	34,4	40,2	39,9?	-	408
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	72	68,5?	-	83,3	86	84?
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	42	49	47	-	48
8. Сагиттальный Ø середины диафиза	29	27	30?	32,5	31,5	31
8а. Сагиттальный Ø на уровне пит. отв.	33,5	32,5	-	35,2	36	35,5?
9. Поперечный Ø середины диафиза	17,8	18	23,2	23	24,5	25,8
9а. Поперечный Ø на уровне пит. отв.	21,8	22	-	27	26	26?
10. Окружность середины диафиза	73	72	87	87	88	90
10б. Наименьшая окружность диафиза	67?	69	80	82	80,5	81
9:8 Указатель сечения	61,4	66,7	77,4	70,8	77,8	83,3
10б:1 Указатель прочности	-	20,4	20,3	20,9	-	20
9а:8а Указатель платикнемии	65,1	67,7	-	76,8	72,3	73,3
10:1 Указатель массивности	-	21,3	22,1	22,2	-	22,3
Малая берцовая кость (Fibula)						
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	384	-
Показатели пропорции и длины тела						
R1: H1 Луче-плечевой указатель	-	-	72,2	-	74,5	-
T1: F2 Берцово-бедренный указатель	-	-	85,9	86,2	-	85,99
H1+R1/F1+T1 Интермембральный указатель	-	-	70,7	-	-	-
H1+R1/ F2+T1 Интермембральный указатель	-	-	71,7	-	-	-
H1: F2 Плече-бедренный указатель	-	-	77,4	76,6	71,95	73,5
R1: T1 Луче-берцовый указатель	-	-	65,1	-	-	-
Длина тела	174,4		170,2		173,2	

Значительные функциональные нагрузки выявлены на верхних и нижних конечностях (табл. 4). Фиксируется повышенное развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости на плечевых костях. Достаточно хорошо развиты лучевые шероховатости на лучевых костях. Развитие дистального латерального гребня, к которому крепится квадратный пронатор, достаточно хорошее. Латеральный край нижнего конца лучевой кости, к которому прикрепляется эта мышца, также развит очень хорошо. У троих индивидов развитие шиловидного отростка локтевой кости достаточно хорошее, а ближе к головке наличествует средней мощности бороздка. Вероятно, мощный шиловидный отросток — результат силы связочного аппарата луче-запястного сустава.

Таблица 4

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей

Признак	Индивид 3			Индивид 4			Индивид 5			Индивид 6/1		
	пр.	лев.	сум.	пр.	лев.	сум.	пр.	лев.	сум.	пр.	лев.	сум.
Плечевая кость (Humerus)												
Crista tuberculiminoris, crista tuberculimajoris	-	-	-	2	2	2	3,5	3	3,3	-	-	-
Tuberositasdeltoidea	-	-	-	2,5	2	2,3	3	3	3	2,5	-	-
Tuberculummajus, tuberculumminus	-	2,5	-	2	-	2	3	3	3	2?	-	-
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	-	2	-	2	2?	2	2,5	2,5	2,5	2	-	-
Средний балл	-	-	-	2,2	2	2,1	3	2,9	2,94	-	-	-
Лучевая кость (Radius)												
Tuberositasradii	-	-	-	2,5	2	2,3	2,5	2	2,3	-	-	-
Margounterossea	-	-	-	2,5	2,5	2,5	2	2	2	-	-	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	2	2	2	2,5	2,5	2,5	3,5	-	3,5	-	-	-
Processusstyloideus	2,5	2	2,5	3	2,5	2,8	-	2	2	-	-	-
Средний балл	-	-	-	2,7	2,4	2,5	2,7	2	2,5	-	-	-
Локтевая кость (Ulna)												
Margointerossea, margoposterior	2	2	2	2,5	3	2,8	2,5	2,5	2,5	-	2	-
Cristamusculusupinatoris	2	-	-	2	2	2	2,5	2,5	2,5	-	2	-
Tuberositasulnae	2,5	2	2,3	2	2	2	-	3	3	-	2	-
Средний балл	-	-	-	2,2	2,4	2,3	2,5	3	2,8	-	2	-
Бедренная кость (Femur)												
Trochantermajor	2	2	2	2	2	2	2,5	2,5?	2,5	1,5	-	-
Trochanterminor	-	-	-	2	-	2	3	3,5	3,3	2	2	-
Tuberositasglutea	2	-	-	3	-	3	3,5	3,5?	3,5	2	-	-
Linea aspera	-	2	-	3	2	2,5	3,5	3,5	3,5	1,5	-	-
Epicondili	2	2	2	2	2	2	3	3?	3	1,5?	-	-
Средний балл	-	-	-	2,4	2	2,3	3,1	3,2	3,2	-	-	-
Большая берцовая кость (Tibia)												
Tuberositastibiae	2	2	2	2	2	2	3,5	2	2,8	-	-	-
Margoanterior, margointerossea	2	2	2	2	2	2	3	3	3	2	-	-
Linea m. solei, m. soleus	3	3	3	2,5	2,5	2,5	3	3	3	2	-	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	3	-	-	3	3	3	-	3,5	3,5	-	-	-
Средний балл	-	-	-	2,4	2,4	2,4	3,17	2,9	3,1	-	-	-
Малая берцовая кость (Fibula)												
Развитие краев	3	3	3	-	3	-	3	3	3	-	-	-

У троих индивидов на связках лонного сочленения выявлены признаки функциональных нагрузок. В области крепления верхней и дугообразной связок лобка имеются маркеры энтезопатии. Участки лизиса костной ткани в форме округлых отверстий (до 3 мм) выявлены на суставных поверхностях лобковых костей. Очень сильно развита ягодичная шероховатость на костях бедра. Сильно также развита межвертельная линия (у двух индивидов), которая имеет вид гребня и выдаётся над уровнем тела кости. Это область соединения подвздошно-бедренной связки, которая сдерживает разгибание тазобедренного сустава и содействует в поддержании туловища в вертикальном положении. На задней поверхности больших берцовых костей, соответствующих линии камбаловидной мышцы, сильно развит рельеф. На пяточном бугре (апофиз) у троих индивидов фиксируются множественные экзостозы. Наличие экзостозов свидетельствует о повышенных механических нагрузках.

Ритуализированное использование частей человеческого тела. Деформация головы является одним из уникальных феноменов, существовавших у древнейших народов Кавказа и Ближнего Востока. Деформации головы — намеренные или непреднамеренные (случайные) видоизменения формы черепа в процессе его роста и развития при помощи различного рода устройств, являются серьезным историческим источником. У индивидов из Ангехакота отмечено несколько типов деформации: 1) деформация колыбельного типа (затылочная деформация /cradle deformation/, рис. 2б) — можно отнести к проявлениям непреднамеренных искусственных деформирующих воздействий; 2) преднамеренная кольцевая лобно-затылочная деформация (рис. 2а).

Рис. 2. Искусственная деформация головы: а — лобно-затылочная, б — затылочная (cradle deformation)

Fig. 2. Artificial cranial deformation: a — fronto-occipital, b — occipital (cradle deformation)

С деформацией черепа колыбельного типа антропологи сталкиваются достаточно часто [Казарницкий, 2012:144–162; Khudaverdyan, 2016: 524–527]. Если положить ребенка в жесткую колыбель на долгое время, то задняя часть черепной коробки может приобрести характерное уплощение (рис. 2б). При такой деформации наибольшее давление достается именно на верхнюю часть затылочной чешуи. Непреднамеренная деформация колыбельного типа наблюдается у двух индивидов (№ 4 и № 5: 50–59 лет).

На территории Армении традиция преднамеренной модификации головы зафиксирована с эпохи энеолита [Muradyan et al., 2014]. Лобно-затылочная деформация черепа

обнаружена в эпоху поздней бронзы [Худавердян и др., 2023]. К периоду позднего железного века причисляется кольцевая теменно-затылочная модификация [Khudaverdyan, 2016]. Эта традиция на территории Армении затухает и зарождается в начале нашей эры [Khudaverdyan, 2011]. Описанная традиция существовала и в эпоху Средневековья [Khudaverdyan, 2012]. В Ангехакоте на черепе мужчины 40–49 лет (№ 3) наблюдается преднамеренная лобно-затылочная деформация головы (рис. 2а).

Палеопатология. Диагностика травматических повреждений костей и суставов считается одной из самых важных задач в палеопатологии [Ortner, 2003]. Данные по травматизму позволяют получить информацию об условиях жизни в древних обществах, о взаимодействиях человека с окружающей средой [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998]. Травмы с признаками заживления костной ткани встречаются у трех индивидов (№ 3, 4, 5). Обнаружены у индивида № 3 (мужчина 40–45 лет) следы трех травматических повреждений. Первое повреждение получено от удара нижней части носовой кости слева. Наблюдаются травмы правого 8 ребра и левого 12. Не исключено, что травма могла быть нанесена индивиду, лежащему на животе лицом вниз. У индивида № 4 (50–55 лет) обнаружен заживший перелом носовых костей. Травма получена от удара с правой стороны. Тупая травма была зафиксирована на правой теменной кости (14×9,8 мм). Удар был нанесен справа и повредил правую теменную кость.

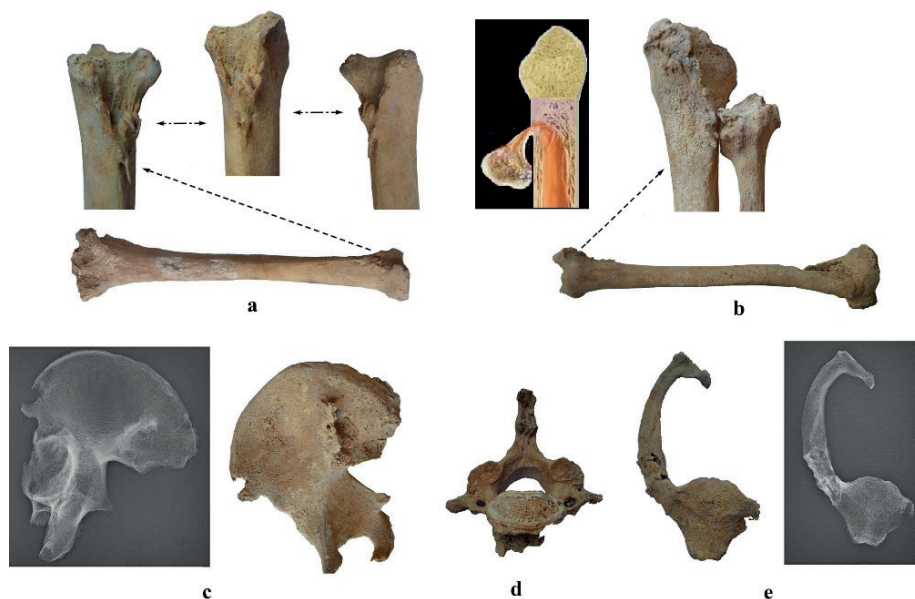

Рис. 3. Посттравматические повреждения на костях посткраниального скелета: а, б — костно-хрящевые экзостозы большеберцовых костей; в — мощный костно-хрящевой экзостоз подвздошной кости; г — травма остистого отростка; д — сращение первого ребра рюкотки грудины; е — сращение первого ребра грудины

Fig. 3. Post-traumatic injuries on the bones of the postcranial skeleton: a, b — osteochondral exostosis of the tibia; c — powerful osteochondral exostosis of the ilium, d — injury to the spinous process; e — fusion of the first rib of the sternum

Патологический процесс деформировал большеберцовые кости в нижней трети и привел к образованию обширных костно-хрящевых экзостозов (остеохондрома) (рис. 3а — индивид № 4, 3б — индивид № 5). Остеохондрома — доброкачественный порок нарушения развития кости, обычно в области эпифизарной пластинки роста. В основном локализуется первоначально в метафизах длинных костей конечностей, однако по мере роста скелета смещается в сторону диафиза. Остеохондрома бывает врожденной, но обычно заболевание возникает в подростковом возрасте. Причины возникновения новообразований не известны, предполагается, что возникновение связано с сочетанием воспалительных процессов и травм.

На ягодичной поверхности подвздошной кости у индивида № 5 фиксируется мощный костно-хрящевой экзостоз (рис. 3в). Это явление очень редкое, так как сама кость крупная и крепкая, требуется воздействие большой силы. У данного индивида наблюдается также реберный хондрит (№ 5, рис. 3д) и травма острого отростка седьмого шейного позвонка (рис. 3г). Реберный хондрит обнаружен в хрящевых тканях верхнего ребра в рукоятке грудины. На рентгеновском снимке виден процесс изменения в хрящевых тканях, целый сегмент, пораженный воспалением. Причины появления реберного хондрита несколько: травмы, переломы и другие повреждения грудной клетки, физические перегрузки; осложнения после перенесенных инфекционных заболеваний. Причины травмы острого отростка седьмого шейного позвонка — прямой удар тяжелым предметом по шее.

У индивида № 5 также имеются следы проказы (*Mycobacterium lepreae*, или бацилла Гансена) (рис. 4). Перечислим основные патологии, регистрируемые на скелете, так как более подробно об этом была опубликована нами в специальной работе [Khudaverdyan et al., 2021]. Патологические изменения в костно-суставной системе при проказе локализуются главным образом в периферических отделах скелета верхних и нижних конечностей (рис. 4 в, г). Наблюдались множественные изолированные друг от друга очаги разрушения на лапках (рис. 4е), эпифизарных и метафизарных концов фаланг, пястных и плюсневых костях, а также анкилоз между средней и дистальной левой фалангой (рис. 4 д). Деструктивные очаги фиксируются на верхней челюсти (в подносовой области) (рис. 4 а, б). Наблюдается расщелина в центральной части неба (длина 7,5 мм), возникающая вследствие незаращения двух половин неба или двух отростков верхней челюсти. Диагноз был поставлен не только на основании патологий костно-суставной системы, но и гистопатологического исследования пораженных участков скелета. Гистопатологический анализ выявил диффузное гранулематозное воспаление (рис. 4 ё).

Нами были зафиксированы признаки периостита и дегенеративные изменения на позвонках у четырех взрослых индивидов из Ангехакота. Так, *периостит* — воздействие костной ткани на широкий перечень патогенных причин: анемические синдромы, инфекции, воспаления травматического происхождения и т. д. [Ortner, 2003]. Не очень сильная степень выраженности периостита на больших берцовых костях склоняет нас к тому, чтобы расценивать эти проявления как физиологическую реакцию, находящуюся на грани между нормой и патологией. Костные разрастания по краям кольцевого апофиза, хрящевые узлы Шморля вместе с показателями развития мышечного

рельефа на костях посткраниального скелета позволяют утверждать, что обследуемые индивиды регулярно подвергались сильным физическим нагрузкам.

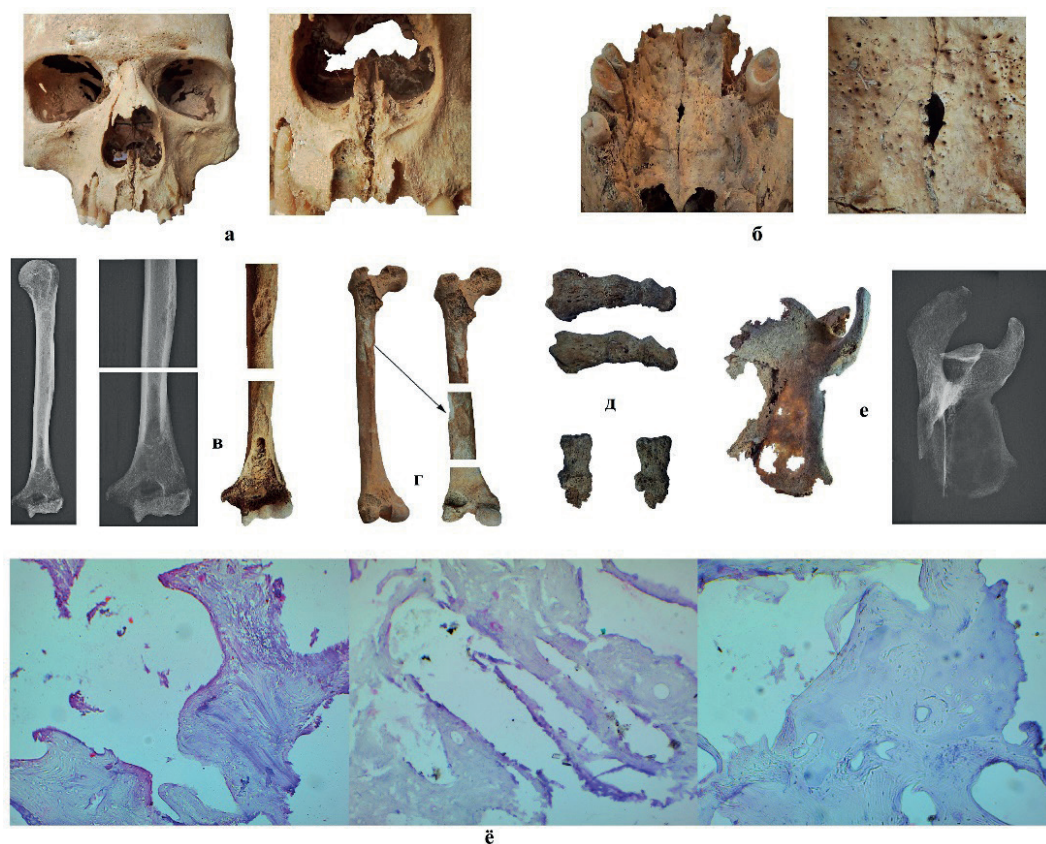

Рис. 4. Проказа у индивида № 5, гистопатология лепроматозного поражения
(образцы взяты из пораженных участков)

Fig. 4. Leprosy in individual № 5, histopathology of a lepromatous lesion
(samples taken from lesions)

В качестве одного из прямых маркеров пищевого стресса следует считать наличие кариозных полостей на зубах (индивиды № 3, 4, 5). Как известно, причины кариеса: медико-географическая ситуация местности, питание, питьевой режим, снабженность организма минеральными веществами, микроэлементами, витаминами и т. д. На исследуемом материале кариозные поражения зубов сопровождаются осложнениями в виде периапикальных (верхушечных) отверстий на верхних и нижних челюстях. У двух индивидов (№ 3, 5) выявлен пародонтоз. Следующим показателем пищевого стресса является зубной камень. Признак наблюдается у двух индивидов (№ 3, 4). Наслоение зубного камня связано с рН слюны и умножается при значительном повышении употребления белков в результате роста во всех тканевых жидкостях скопления мочевины

[Lieverse, 1999; Jin, Yip, 2002], кроме того, от абразивных особенностей пищи, которые модифицируют в очень широком охвате в соответствии от методов её приготовления.

Cribra orbitalia — изменения костной ткани внутренней поверхности орбит встречается на двух детских черепках (№ 1–1, № 2). Развитие признака незначительное. *Cribra orbitalia* чаще ассоциируется с железодефицитной анемией. Дефицит железа в организме, вероятно, результат паразитарных инвазий и неспецифических инфекций [Larsen, 1997]. Маркер эпизодического стресса — эмалевая гипоплазия — наблюдается у исследованных субъектов. Причиной заболевания может быть воспалительный процесс от корня молочного зуба на зачаток постоянного. Наличие признака — результат резкой стрессовой реакции, которую индивид пережил, как правило, в интервале от 6 мес. до 7 лет [Goodman et al., 1984].

Заключение

Данное наблюдение уникально для населения эпохи Средневековья. По нашему мнению, под монументом перезахоронили останки 4 индивидов мужского пола. Вероятно, они были погребены в отдельных могилах и в разных местах, однако было принято решение перезахоронить останки вместе. К сожалению, прямых письменных свидетельств об этом нет. Взрослые индивиды имели исключительно тренированную мускулатуру, их характеризует «военная выправка». Сравнительно гипертрофированы мышцы различных слоев костей предплечья, предоставляющие возможность движения кисти и пальцев, разгибать и сгибать запястья, мышцы, принимавшие участия в сгибании предплечья в локтевом суставе. Сформирование костно-мускульного рельефа связано со стрельбой из лука. В раннем Средневековье набор оружия дистанционного боя включал лук со стрелами и дротики. Также фиксируются в верхней части крыла подвздошных костей направленные вовнутрь костные разрастания округлой формы. Аналогичные разрастания выявлены в полости большого таза, на верхней границе поверхности крестцово-подвздошного сочленения и в районе верхнего края вертлужной впадины. Хорошо выражена ягодичная шероховатость и *linea aspera* на бедренных костях. Указанные признаки у индивидов ассоциируются с верховой ездой. Следует отметить, что у указанных субъектов отсутствуют маркеры физиологического стресса (*cribra orbitalia*, гипоплазия эмали), что свидетельствует о благоприятных условиях жизнедеятельности и, вероятно, о занимаемом ими высоком социальном положении. Все травматические повреждения имеют прижизненный характер и получены от орудий с тупой вершушкой (обух топора, дубинка, метательные камни). Известно, что выявить все повреждения на костях скелета нереально, в частности, травмы мягких тканей, которые не поддаются фиксации.

По всей видимости, остальные скелеты не имеют отношения к останкам воинов. Представляется, что детские скелеты, компактно собранные в определенных участках погребения, обеспечили возможность перезахоронения останков четырех индивидов мужского пола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.

Бунак В. В. *Crania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии // Труды Антропологического НИИ при МГУ. М., 1927. Вып. 2. 264 с.

Зубов А. А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М. : Наука, 1968. С. 5–122.

Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1968. 199 с.

Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб., 2012. 264 с.

Мовсесян А. А. К палеоантропологии бронзового века Армении // Биологический журнал Армении. 1990. № 4 (43). С. 277–282.

Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. №. 51. С. 127–150.

Худавердян А. Ю., Енгибарян А. А., Матевосян Р. Ш., Варданян Ш. А., Хачатрян А. А., Петросян Л. А. Население эпохи поздней бронзы и раннего железного века из областей Ширак и Гехаркуник (Армения) по данным палеопатологии // Медицинская наука Армении / НАН РА. 2022. Т. LXII. № 3. С. 136–149.

AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption // American journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.

Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge, 1998. 478 p.

Brook S., Suchey J. M. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods // Human Evolution. 1990. Vol. 5. P. 227–238.

Buikstra J. E., Ubelaker D. H., ed. Standards of data collection from human skeletal remains. “Arkansas Archaeological Survey Research Series” 44, Fayetteville, 1994. 272 p.

Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. New York, 1984. P. 13–49.

Hillson S. Dental anthropology. Cambridge, 1996. 373 p.

Jin Ye, Yip H. Supragingival Calculus: Formation and Control // Critical Review Oral Biological Medicine, 2002. Vol. 13. № 5. P. 426–441.

Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // The Mankind Quarterly. 2016. Vol. 56. № 4. P. 513–534.

Khudaverdyan A. Yu. Cranial deformation and torticollis of an Early Feudal burial from Byurakn, Armenia // Acta Biologica Szegediensis. 2012. Vol. 56 (2). P. 133–139.

Khudaverdyan A. Yu. Nonmetric cranial variation in human skeletal remains from Armenian Highland: microevolutionary relations and intergroup analysis // European Journal of Anatomy. 2012. № 16 (2). P. 134–149.

Khudaverdyan A. Yu. Trepanation and artificial cranial deformations in ancient Armenia // Anthropological Review. 2011. Vol. 74. № 1. P. 39–55.

Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Aleksanyan T. A., Miridzhanyan D. G., Hovhanesyan A. A., Vardanyan V. R. The probable evidence of leprosy in a male individual unearthed in medieval Armenia (Angekha Kot) // *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 2021. № 15 (1). P. 24–37.

Larsen C. S. *Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 461 p.

Lieverse A. R. Diet and the Aetiology of Dental Calculus // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1999. Vol. 9. P. 219–232.

Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. P. 15–28.

Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. № 68. C. 57–66.

Muradyan F., Zardaryan D., Gasparian B., Aghikyan L. Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia // *Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia*. Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies, 2014. P. 339–364.

Ortner D. J. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. 2nd edition. London, 2003. 500p.

Weiss E. *Paleopathology in Perspective. Bone Health and Disease through Time*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield. 2015. 251 p.

REFERENCES

Alekseev V. P. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Anthropological research methodology]. M. : Nauka, 1966, 251 p. (in Russian).

Alekseev V. P., Debets G. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranioimetry: Methods of anthropological researches]. M. : Nauka, 1964, 128 p. (in Russian).

Bunak V. V. *Crania Armenica. Issledovaniye po antropologii Peredney Azii* [Crania Armenica. Research on Anthropology of Western Asia]. *Trudy Antropologicheskogo NII pri MGU* [Proceedings of the Anthropological Research Institute at Moscow State University]. M., 1927. Vol. 2. 264 p. (in Russian).

Kazarnitsky A. A. *Naseleniye azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk)* [The population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age (an anthropological essay)]. SPb., 2012. 264 p. (in Russian).

Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan A. A., Matevosyan R. Sh., Vardanyan Sh. A., Khachatryan A. A., Petrosyan L. A. Naseleniye epokhi pozdney bronzy i rannego zheleznogo veka iz oblastey Shirak i Gekharkunik (Armeniya) po dannym paleopatologii [Population of the Late Bronze Age and Early Iron Age from the regions of Shirak and Gegharkunik (Armenia) according to paleopathology]. *Medicinskaya nauka Armenii NAN RA* [Medical Science of Armenia NAS RA]. 2022, no 3. Vol. LXII. P. 136–149 (in Russian).

Movsesyan A. A. K paleoantropologii bronzovogo veka Armenii [On the Paleoanthropology of the Bronze Age of Armenia]. *Biologicheskii zhurnal Armenii* [Biological Journal of Armenia] 1990. 4 (43). P. 277–282.

Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Richkov Yu. G. Programma i metodika issledovaniya anomal'nogo cherepa [A program and methodology of study of skull abnormalities]. *Voprosy antropologii* [Anthropological issues]. 1975, no. 51. P. 127–150 (in Russian).

Zubov A. A. Nekotoryye dannyye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i yego ras [Some data of odontology to the problem of the evolution of man and his races]. In *Problemy evolyutsii cheloveka i yego ras* [Problems of the evolution of man and his races]. M. : Nauka. 1968. P. 5–122 (in Russian).

Zubov A. A. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology: Methodology of anthropological research]. M. : Nauka, 1968. 199 p. (in Russian).

AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption. *American journal of Physical Anthropology*. 2010, no 42 (3). P. 481–490 (in English).

Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, 1998. 478 p. (in English).

Brook S., Suchey J. M. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods. *Human Evolution*. 1990, no 5. P. 227–238 (in English).

Buikstra J. E., Ubelaker D. H., ed. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeological Survey Research Series 44, Fayetteville*, 1994. 272 p. (in English).

Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth. Paleopathology at the origins of agriculture. New York, 1984. P. 13–49 (in English).

Hillson S. *Dental anthropology*. Cambridge, 1996. 373 p. (in English).

Jin Ye, Yip H. Supraringival Calculus: Formation and Control. *Critical Review Oral Biological Medicine*. 2002, no. 13 (5). P. 426–441 (in English).

Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *The Mankind Quarterly*, 2016, no 56 (4). P. 513–534 (in English).

Khudaverdyan A. Yu. Cranial deformation and torticollis of an Early Feudal burial from Byurakn, Armenia. *Acta Biologica Szegediensis*, 2012, no. 56 (2). P. 133–139 (in English).

Khudaverdyan A. Yu. Nonmetric cranial variation in human skeletal remains from Armenian Highland: microevolutionary relations and intergroup analysis. *European Journal of Anatomy*. 2012, no 16 (2). P. 134–149 (in English).

Khudaverdyan A. Yu. Trepanation and artificial cranial deformations in ancient Armenia. *Anthropological Review*, 2011, no. 74 (1). P. 39–55 (in English).

Khudaverdyan A. Yu., Yengibaryan, A. A., Aleksanyan, T. A., Miridzhanyan, D. G., Hovhanesyan, A. A., Vardanyan, V. R. The probable evidence of leprosy in a male individual unearthed in medieval Armenia (Angekha Kot). *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 2021, no. 15 (1). P. 24–37 (in English).

Larsen C. S. *Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 461 p. (in English).

Lieverse A. R. Diet and the Aetiology of Dental Calculus. *International Journal of Osteoarchaeology*. 1999, vol. 9. P. 219–232 (in English).

Lovejoy C. O., Meindl R. S., Pryzbeck T. R., Mensforth R. P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death. *American Journal of Physical Anthropology*. 1985, vol. 68. P. 15–28 (in English).

Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*. 1985, vol. 68. P. 57–66 (in English).

Muradyan F., Zardaryan D., Gasparyan B., Aghikyan L. *Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia. Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia*. Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies, 2014. P. 339–364 (in English).

Ortner D. J. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition*. London, 2003. 500 p. (in English).

Weiss E. *Paleopathology in Perspective. Bone Health and Disease through Time*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2015. 251 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2023

Принята к публикации: 25.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (47) 07

DOI: 10.14258/nneur(2023)2–04

С. С. Белоусов

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста (Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЛАСТЯМИ МИГРАЦИЙ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КАЛМЫЦКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА В 1920-е гг.

Статья посвящена исследованию государственной миграционной политики в Автономной области калмыцкого трудового народа в отношении калмыцкого населения в 1920-е гг. Выбор временных рамок обусловлен значительными отличиями в государственной миграционной политики предшествующего и последующего периодов. В 1920-е гг. с помощью организации миграций были в основном решены задачи внутренней советской политики в Калмыкии — объединение калмыцкого народа в рамках единого национального административно-территориального образования и перевод калмыков на оседлый образ жизни. Статья написана преимущественно на основе документов органов государственной и партийной власти, выявленных в Национальном архиве Республики Калмыкии.

В процессе работы использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. Автор рассмотрел влияние голода на миграции населения, использование миграций для решения государственных и национальных проблем калмыцкого населения, географию миграционных потоков извне и внутри области, результаты миграционной политики.

В Калмыкии она в основном была направлена на организацию переселений калмыков в область из других губерний и областей, поселение калмыков-кочевников в новые стационарные населенные пункты с целью решения вопроса седентаризации.

Советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались прежде всего идеями социалистической инкорпорации и модернизации региона.

Государство реализовало цели и задачи миграционной политики в короткие временные сроки, что стало возможно в результате большой финансовой поддержки и энергичным действиям центральных и местных властей.

Ключевые слова: советская миграционная политика, Калмыцкая автономная область, калмыки, переселения, седентеризация.

Цитирование статьи:

Белоусов С. С. Организация и регулирование властями миграций калмыцкого населения в Автономной области калмыцкого трудового народа в 1920-е гг. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 92–103. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–04.

S. S. Belousov

Kalmyk scientific center of the Russian academy of sciences, Elista (Russia)

ORGANIZATION AND REGULATION BY THE AUTHORITIES OF MIGRATION OF THE KALMYK POPULATION IN THE AUTONOMOUS REGION OF THE KALMYK WORKING PEOPLE IN THE 1920 s.

The article is devoted to the study of the state migration policy in the autonomous region of the Kalmyk working people in relation to the Kalmyk population in the 1920s. The choice of time frame is due to significant differences in the state migration of the previous and subsequent periods. In the 1920s, with the help of the organization of migrations, the tasks of internal Soviet policy in Kalmykia were mainly solved, the unification of the Kalmyk people within the framework of a single national administrative-territorial entity and the transfer of the Kalmyks to a sedentary lifestyle.

The article is based mainly on the documents of state and party authorities identified in the National Archive of the Republic of Kalmykia. In the course of the work, historical-genetic and comparative-historical research methods were used. The author examined the impact of hunger on population migration, the use of migration to solve the problems of the state and national Kalmyk population, and the geography of migration flows outside and inside the area that results from the migration policy in Kalmykia.

It was primarily aimed at organizing the resettlement of Kalmyks in the region from other provinces and regions and the settlement of Kalmyks nomads in new stationary settlements in order to solve the issue of sedentarization. The soviet authorities, in implementing the sedentarization policy in Kalmykia, were guided primarily by the ideas of socialist incorporation and modernization of the region.

The state has implemented the goals and objectives of the migration policy in a short time, which became possible due to the great financial support from central and local authorities.

Keywords: Soviet migration policy, Kalmyk autonomous oblast, Kalmyks, resettlement, sedenterization

For citation:

Belousov S. S. Organization and regulation by the authorities of migration of the kalmyk population in the Autonomous region of the kalmyk working people in the 1920 s. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 28, № 2. Р. 92–103. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–04.

Белоусов Сергей Степанович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН, Элиста (Россия). **Адрес для контактов:** sbelousovelista@mail.ru.

Belousov Sergey Stepanovich, doctor of historical sciences, senior researcher, department of history, Kalmyk scientific center of the Russian academy of sciences, Elista (Russia).

Contact address: sbelousovelista@mail.ru.

Введение

Миграции калмыцкого населения в Автономную область калмыцкого трудового народа в третьем десятилетии XX столетия имели важное значение для судьбы калмыцкого народа и национального административно-территориального образования. Они позволили восполнить большие потери, понесенные калмыцким народом в годы Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., увеличить население области и продемонстрировали сущность национальной политики советской власти в рассматриваемый период в одном из национальных административно-территориальных образований. Изучение опыта организации и регулирования властями миграций калмыцкого народа советским государством дает новые материалы исследователям внутренней советской политики в восстановительный период, может быть полезно для современных органов государственной власти, сталкивающихся с проблемами миграций.

Между тем названная тема в исторической науке специально почти не исследовалась. Отдельные сведения о миграциях калмыцкого населения встречаются в трудах, посвященных 10-летию Автономной области калмыцкого трудового народа [Калмыцкая область..., 1927], и первого секретаря компартии области И. Г. Глухова [1926], в статьях послевоенных историков Т. И. Беликова [1968], К. Ц. Саврушевой [1971], в монографии И. В. Борисенко и С. И. Убушиевой [2000] и др. Целью данной статьи является исследование целей и задач миграционной политики в отношении калмыцкого населения области, её содержания и последствий, показать влияние основных факторов на переселенческую политику.

Влияние голода на миграции калмыцкого населения

5 июля 1920 г. на Первом общекалмыцком съезде Советов было провозглашено образование в составе РСФСР нового административно-территориального субъекта —

Автономной области калмыцкого трудового народа. Этот акт не противоречил советской национальной политике, одним из важнейших постулатов которой было национальное самоопределение народов.

Руководство области заявило о начале проведения политики объединения калмыцкого народа в рамках единой автономии, а поскольку значительная его часть проживала в других регионах, то предстояло организовать переселение калмыков, пожелавших вернуться на свою историческую Родину.

Провозглашение политики объединения калмыцкого населения совпало по времени с разразившимся на юге России голодом. В Калмыцкой автономной области он обострился и без того тяжелую обстановку. В 1921 г. в ней голодало большинство населения, многие из жителей умерли или вынуждены были покинуть свой дом и перебраться на жительство в другие места. Из центральных улусов (Икицохуровского, Харахусовского, Эркетеневского) калмыцкое население мигрировало на западные и восточные окраины области: в первом случае мигранты намеревались заняться земледелием, во втором — рыболовством на Каспии и Волге. В 1921–1922 гг. в них прибыло около пяти тысяч человек [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

Голод имел трагические последствия для Харахусовского улуса, который прекратил свое существование. 2500 его жителей перебрались в Калмыцкий Базар, из них 1300 чел. погибли. В Багацохуровский улус переселились 1500 харахусовцев, 700 из них погибли.

Чтобы сохранить жизни калмыков, Калмыцкий областной исполнительный комитет Совета (облисполком), помимо различного рода помощи, вынужден был пойти на организацию переселений наиболее нуждающихся калмыков внутри области из голодных в менее охваченные голодом улусы, например, в Большедербетовский. На эти работы власти выделили более 250 млн руб.

Большинство калмыков, спасаясь от голодной смерти, стремились покинуть территорию области. В 1921 и 1922 гг. беженцы-калмыки направлялись в основном на Северный Кавказ, где их насчитывалось 9–10 тысяч человек [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

По ориентировочным данным областного комитета помощи голодающим, в 1921 г. насчитывалось 12 тысяч беженцев, в 1920–1921 гг., около 1500 чел. перебрались из Эркетеневского улуса в Ставропольскую и Терскую губернии [НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 255. Л. 13].

В 1921–1922 гг. имели место случаи обратных переселений. Так, возвратились в Эркетеневский улус до 70 семей (до 285 душ) из Терской губернии. В официальных документах приводится приблизительная цифра беженцев, так как точную численность власти установить не смогли.

Положение беженцев было очень тяжелым: 75% из них проживали в ямах, еле прикрытых степными травами, приблизительно 25% ютились в предоставленных им во временное пользование недостроенных помещениях.

Областная комиссия по «обоседлению» калмыков неоднократно возбуждала вопрос перед центральными властями об оказании срочной помощи. В результате в 1922 г. была ассигнована помощь голодающим беженцам-калмыкам вначале 10 млн руб. государственными знаками, потом ещё 1100 млн руб. Выделенные деньги пришли с задержкой [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299 об.].

В голодные годы имели место стихийные миграции калмыков в Калмыцкую автономную область из мест их компактного проживания в других регионах. Одни стремились обосноваться в национальной административно-территориальной автономии, многих толкала на переселение угроза лишиться жизни от голода. Калмыки прибывали в область, не дожидаясь начала планового переселения.

5 апреля 1921 г. Калмыцкий областной земельный отдел (облземотдел) писал в Центральный исполнительный комитет, что переселения извне и местное передвижение населения являются вынужденными явлениями, связанными, главным образом, с продовольственными затруднениями, а Калмыцкая степь заселяется «исключительно местным элементом...», стремящимся подыскать для стационарного проживания удобные для обработки свободные земли. Данный процесс, по мнению облземотдела, соответствовал интересам самих переселенцев и «являлся вполне целесообразным, как в отношении удовлетворительного решения продовольственного вопроса переселяющихся, так и отношении культуры хозяйств коренного земледельческого населения степи, и также производится в строго определенных участках калмыцкой территории, не представляя никакого риска для переселенцев, везущих своими средствами всё своё имущество, и не требует значительной государственной поддержки» [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167. Л. 215].

Руководство облземотдела отмечало, что переселение приняло массовый и стихийный характер и граничило со стихийным явлением, поэтому прекратить данное явление или уменьшить до определенных размеров в рассматриваемое время не представлялось возможным и было к тому же нецелесообразно. Калмыцкий земотдел не располагал средствами для организации переселения и обустройства прибывших калмыков и вынужден был заниматься их регистрацией и учётом мест, пригодных к поселению. Он просил ЦИК Автономной области калмыцкого народа возбудить перед народным комиссариатом по земледелию РСФСР ходатайство о разрешении переселений местного (калмыцкого) населения и выделении хотя бы в ограниченных размерах средств на этот процесс из государственного бюджета [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167. Л. 215 об.].

Массовые перемещения калмыцкого населения и его стремление перейти к оседлому образу жизни требовали принятия срочных мер. 10 декабря 1921 г. облземотдел признал необходимым начать землеустроительно-колонизационные работы в западных улусах: Малодербетовском, Большедербетовском и Манычском с целью устроить вынужденных калмыков-переселенцев из центральных и восточных районов области [ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 326. Л. 368].

В 1922 г., несмотря на принятые меры, голод в стране не прекратился. В Автономной области калмыцкого народа продолжала сохраняться тяжелая обстановка. По приблизительным данным областного статистического бюро, в Калмыкии насчитывалось 12500 беженцев, 50 тысяч бездомных, 30 тысяч беспризорных детей [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 254. Л. 483].

В июле 1923 г. население восточных улусов сильно пострадало от обрушившегося на них ураганного ветра. Стихийное бедствие особенно тяжелые последствия вызвало у калмыков-беженцев. В Яндыко-Мочажном улусе скопилось много спасавшихся от голода беженцев из Икицохуровского и Харахусовского улусов, которые суще-

ствовали за счет пайков и пособий, предоставляемых им Комиссией по преодолению последствий голода. Все они проживали в кибитках, пока ураган их не разрушил. Улусный и аймачный комитеты взаимопомощи не имели достаточных средств, чтобы помочь беженцам, поэтому улусный исполнительный комитет ВКП(б) попросил Комиссию по преодолению последствий голода оказать им срочную помощь, так как ввиду наступающей осени людям грозила гибель от холода [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 73].

В августе того же года беженцы Эркетеневского улуса, прибывшие из Терской губернии и проживавшие под открытым небом, просили областную Комиссию по преодолению последствий голода выделить им средства на постройку саманных землянок, так как в противном случае они оставались без жилья в холодный сезон [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 76–76 об.].

Во время голода, помимо помощи населению, рассматривались также другие варианты решения проблемы. В частности, в январе 1923 г. монгольское правительство предложило уполномоченному обкомпомгола Автономной области калмыцкого трудового народа Д. Бадущеву переселить всех голодающих калмыков в Монголию, предоставить им монгольское гражданство и определенное количество скота в собственность, наделить землей в аймаках. Одновременно Х. Б. Кануков подготовил проект переселения туда же группы донских калмыков во главе с Д. Б. Хахлыновым. Руководство Монголии передало в Министерство иностранных дел РСФСР официальное письмо по этому вопросу, но получило отрицательный ответ [Бадмаева, 2006: 107].

Переселения калмыков в область

В 1920-е гг. в миграционной политике советского руководства в стране обозначились новые подходы к переселенческой политике. Государство признало их неизбежность и необходимость и от отрицания в принципе переселений в период Гражданской войны оно перешло к их организации. На II Всероссийском землеустроительном съезде (январь 1921 г.) характер переселения при социализме был определен как противоположный таковому при капитализме. Это означало, что на смену «полной свободе хозяйственных передвижек», свойственных капиталистическому строю, в социалистическом государстве должно было прийти переселение, подчиненное единому плану. Неорганизованные переселения (так называемые самотечные) были признаны «неприемлемыми, как исходящие из антигосударственной трактовки вопроса» [Моисеенко, 2015: 96]. Переселение, отвечающее конечной цели аграрного строительства при социализме, должно было соответствовать двум условиям: 1) наличию излишков рабочей силы в одной местности; 2) наличию подготовленных для заселения свободных земель в другой. До конкретного определения таких условий массовые перемещения на свободные земли прежнего, т. е. довоенного, заселения признавались, как правило, недопустимыми [Ямзин, Вошинин, 1926: 76].

В 1924 г. Народный комиссариат земледелия РСФСР для выявления колонизационной емкости земельного фонда снарядил в Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Астраханскую губернии и в Калмыцкую автономную область специальную колонизационно-мелиоративную экспедицию. Тяжелые природные условия для проживания человека, наличие большой массы кочевников и кочевой образ их жизни побуждали Поволжскую колонизационно-мелиоративную экспедицию отказаться от планов

включить Калмыцкую автономную область в число территорий для организации переселений из других губерний страны. В то же время этот запрет не распространялся на лиц калмыцкой национальности, пожелавших переехать на жительство в Калмыцкую область.

В соответствии с проводимой политикой объединения народа областные власти принимали меры к организованному переселению своих единоплеменников в Калмыцкую автономную область. В августе 1921 г. II общекалмыцкий съезд Советов обсудил вопрос о переселении оренбургских, терских и донских калмыков, пожелавших устроиться на жительство в Калмыкии.

В 1921–1922 гг. основной поток калмыков-переселенцев в область шёл из Донской и Терской областей, из Челябинской губернии. В рассматриваемые годы из Донской области переселилось до 3500 душ, из Челябинской губернии — до 600 оренбургских калмыков, из Терской области — 1500 душ кумских калмыков [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

За пределами области самыми многочисленными являлись калмыки-казаки из Донской области. Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац) РСФСР принял специальное постановление о присоединении донских калмыков к автономной области путём планомерного переселения [Бадмаева 2006: 83], а в мае 1922 г. была учреждена комиссия по присоединению донских калмыков к Калмыцкой автономии. 13 июня 1922 г. вышло постановление Наркомнаца по организации переселений калмыков Сальского округа Донской области в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области. Улус находился в более благоприятных, по сравнению с другими улусами области, природных условиях, потому являлся наиболее пригодным для создания стационарных поселений. Прибывавшие калмыки вели оседлый образ жизни, а их размещение в улусе было вполне естественно с точки зрения властей. К осени 1924 г. в Большедербетовском улусе было обустроено 1960 кумских и терских калмыков, 160 оренбургских и 130 уральских калмыков, 200 астраханских и более 8 тысяч донских калмыков [История Калмыкии... Т. 2. 2009: 327].

Помимо создаваемых населенных пунктов, в Большедербетовском улусе существовали поселения русских, немецких и эстонских крестьян, ощущался приток поселенцев из граничащих с ним населенных пунктов Ставропольской губернии и Донской области. Это обстоятельство усложняло процесс землеустройства и переселений. Вследствие этого имел место отток калмыков-переселенцев в места своего прежнего проживания. Так, если в 1924 г. «донские» переселенцы в Большедербетовском улусе составляли 6414 чел., то в 1925 г. — 4979 чел. Сокращение наблюдалось и в последующие годы [Борисенко, Убушиева, 2000: 41]. В целом же к 1926 г. процесс переселения в область самой многочисленной группы переселенцев — донских калмыков — почти завершился.

В указанный улус переселялись также терские, кубанские, уральские калмыки, беженцы из восточных улусов области. Так, после образования в 1920 г. Калмыцкой автономной области в Большедербетовский улус мигрировала часть кумских калмыков из Терской области, образовав Кумских аймак. В 1921 г. в этот же улус получили разрешение на переезд 150 семей оренбургских калмыков, в связи с чем Калмыцкий облисполком просил Народный комиссариат земледелия и Народный комиссариат путей

сообщения выделить для их проезда 25 вагонов. Переселение калмыков в Автономную область калмыцкого народа проходило в тяжелейших условиях послевоенной разрухи, голода, переселенцы зачастую не имели средств для переезда и устройства на новом месте, не получали достаточной медицинской, продовольственной и иной помощи. Понятно, что в такой ситуации на плечи областных и центральных властей легла тяжелая нагрузка [Бадмаева, 2006: 83].

Во второй половине 1920-х гг. имели место переселения, вызванные установлением административных границ между Калмыцкой автономной областью и соседними субъектами. Так, во время определения административной границы между Калмыцкой автономной областью и Астраханской губернией в состав последней отошел остров Табун-Арал, располагавшейся к северу от станицы Сероглазинской, между руслом Волги и её протокой Енотаевкой. Угодьями острова пользовались три полуоседлых калмыцких хотона, но когда правительство приняло решение построить там конный завод, то калмыцкая сторона уступила остров Астраханской губернии, а его калмыцкое население в количестве 777 хозяйств весной 1928 г. переселили в Хошеутовский улус Калмыцкой автономной области на земли острова Шамбай [Борисенко, Убушиева, 2000: 49].

Миграции и седентаризация калмыцкого народа

С переселениями был непосредственно связан переход калмыков на оседлый образ жизни. Начало процесса массового оседания калмыков в 1920-е гг. было связано с последствиями Гражданской войны и голода 1921 г., вызвавших деградацию калмыцкого скотоводства и обнищание населения, в то время как реализация имперской правительственной программы в середине XIX в. по заселению дорог и перевода калмыков на оседлость осуществлялась в условиях стабильного развития калмыцкого общества.

Многие разорившиеся кочевники-скотоводы, чтобы выжить, вынуждены были переселяться в приморскую и приволжскую части Калмыкии, на Ергенинскую возвышенность и менять специализацию своих хозяйств, осваивая занятия, связанные с ведением оседлого образа жизни, прежде всего рыболовство и земледелие. Это процесс носил массовый и стихийный характер и вызвал тревогу у местных властей. Кочевники основывали поселения в понравившихся им местах, зачастую не имея полного представления об их природных свойствах, иногда такие самовольные водворения приводили к земельным конфликтам с соседним населением. Усилению тенденции к оседлости способствовало также установление нового порядка землепользования в 1924 г., закрепившее за каждым хозяином определенную территорию [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53. Л. 11].

В 1923 г. ЦИК Калмообласти обратил внимание правительства на начавшийся процесс стихийного перехода калмыков к осёдлому образу жизни и предложил это движение взять под государственный контроль. Руководство области запросило для этого кредиты, однако в Госплане посчитали целесообразным вначале провести специальное обследование территории области «с целью установить, как размер оседания калмыков, так и целесообразность перехода к земледелию при наличии хозяйственных и экономических условий» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53. Л. 33].

Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция собрала ценные материалы о природных ресурсах и социально-экономической обстановке в Калмыкии, легшие в основу планирования её развития. Экспедиция подтвердила выводы руковод-

ства области о массовом характере процесса перехода к оседлости калмыков и о его неуправляемости со стороны государства. Проблему оседания калмыцкого народа и перестройки в связи с этим его хозяйственного и бытового уклада жизни она напрямую увязывала с его дальнейшим существованием [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53, Л. 33 об.-34].

В поддержку процесса седентаризации областные власти приводили цифры, свидетельствующие об успехах в этой области. Так, если в 1909 г. в Калмыкии кочевыми и полукочевыми были в области 19811 хозяйств (88,3% от их численности), то в 1924 г. таких было уже 15410 хозяйств (66,4% от их общей численности) [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923. Л. 4].

Областное руководство просило центральные власти оказать материальную поддержку и само предпринимало действия по оказанию посильной помощи переселенцам. К примеру, областные власти осенью 1923 г. выделили им 200 тысяч пудов ржи, весной 1924 г. — 18 тысяч пудов ржи, а также денежных средств в размере 37 500 руб., в среднем на семью — от 10 до 40 руб. Одной тысяче бедствующих каждой семье было выделено по 60 руб. Президиум Госплана 1 ноября 1924 г. предоставил Калмыкии кредит в размере 375 тысяч руб., из которых 350 тысяч руб. направлялись на поддержание переселенческих хозяйств. В том же году помощь фуражом была оказана 800 хозяйствам из 1800 нуждавшихся, при этом нормы выдачи кормов были уменьшены на 25–30% [История Калмыкии..., 2009: 327].

Основываясь на материалах экспедиции, руководство области полагало немедленно приступить к организации поселения калмыков в новых стационарных населенных пунктах, в числе первоочередных мер было намечено провести сплошное землеустройство территории и оказать хозяйственную помощь калмыкам, переходящим к осёдлому образу жизни.

Для решения задачи был разработан Генеральный план обоседления кочевого населения Калмыцкой автономной области в целях перехода к скотоводческо-земледельческому хозяйству. По нему предстояло «обоседлить» 16390 кочевых хозяйств (82493 чел.), которым необходимо было оказать помощь ссудой на строительство простейшей конструкции землянок и семенников и снабдить их сельскохозяйственным инвентарем [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 16].

Всего планировалось создать 74 поселка с максимальным количеством в каждом по 220 дворов [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 17 об.]. Процесс выбора мест под поселения возлагался на улусную комиссию в составе членов улусных исполнительных комитетов, улусного земельного устроителя и мелиоратора. В своей работе она обязана была учитывать плотность населения смежных районов, их земельную обеспеченность и взаимоотношения, природные условия, необходимые для существования поселений.

В новых поселениях государством создавалась вся необходимая социально-производственная инфраструктура: 9 больниц в улусных центрах, 9 школ, 28 врачебных амбулаторий, 74 школы, 74 административных здания для сельсоветов [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 18]. Намечалось также устройство искусственных водохранилищ: в каждом поселке — по 3–4 колодца, по 1–2 колодца и одному пруду в пределах земельного надела каждого населенного пункта [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 19]. Для реализации проекта перевода калмыков на оседлость в смету была заложена сумма в 11232790 руб. 73 коп.

Срок выполнения проекта определялся в пять лет, в первую очередь планировалось перевести на оседлый образ жизни в течение трех лет 9390 калмыцких хозяйств в Большедербетовском, Малодербетовском, Маныческом и Багацохуровском улусах, затем в течение двух лет — 7000 хозяйств в Яндыко-Мочажном, Хошеутовском, Калмбазаринском, Эркетеневском и Икицохуровском улусах [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 21].

Миграция калмыков должна была носить планомерный характер. Работа по переводу на оседлость была начата с Большедербетовского улуса. Осёдло-переселенческой комиссии данного улуса пришлось работать в авральном режиме: принимать ходоков и уполномоченных от этнических групп калмыков, вести учет переселенцев, бронировать земельные участки для них в размере 12 дес. на едока и т. д. После этого работа по обустройству калмыков-переселенцев была продолжена в Малодербетовском, Маныческом, Приволжском, Приморском улусах и западной части Икицохуровского улуса, т. е. в той части Калмыцкой области, где они непосредственно могли заняться земледелием [История Калмыкии..., 2009: 327].

В 1925 г. в области был образован 21 населенный пункт, в них поселилось 736 хозяйств, из которых половина сумели построить себе дома в том же году [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 258]. Всего к концу 1925 г. к оседлому образу жизни перешло 17365 хозяйств, что составило 55,8% всех хозяйств. После 1925 г. новых поселений не создавалось, а оседание калмыцкого населения шло в основном в старых населенных пунктах.

Заключение

Изучение источников по миграционной политике властей в отношении калмыцкого населения Автономной области калмыцкого народа показывает, что в 1920-е гг. в Калмыкии она в основном была направлена на организацию переселений калмыков в область из других губерний и областей и поселение калмыков-кочевников в новые стационарные населенные пункты с целью решения вопроса седентаризации.

В Калмыцкой области миграционная активность государства была тесно связана с национальной политикой, направленной на возрождение в рамках социалистической системы нерусских народов и подтягивания их до социально-политического и экономического уровня русского народа.

Миграции калмыков в Автономной области калмыцкого народа организовывались с целью объединения калмыков в рамках единой административно-территориальной автономии, по мнению властей, обеспечившее наиболее оптимальные условия для развития народа, и в значительной мере были обусловлены политикой советской власти по переводу калмыков на оседлый образ жизни.

Советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались прежде всего идеями социалистической инкорпорации и модернизации региона. Советское руководство, как и имперское, считало кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса, но в отличие от него, провело процедуру перевода калмыков на оседлость более решительно, в сжатые сроки и в полном объёме. Перевод калмыков на оседлый образ жизни по замыслу правительства должен был создать благоприятные условия для изменения их социально-экономической структуры и управления, тем самым способствуя постепенному введению кочевого народа в формирующееся советское социально-культурное пространство.

Специфические природно-климатические условия Калмыцкой автономной области предопределили принцип расселения прибывших мигрантов-калмыков — наиболее заселенными оказались те районы, где было развито земледелие. Благодаря мигрантам увеличилось число калмыцкого населения, улучшились демографические показатели народа. Миграционные процессы способствовали переходу калмыков на оседлый образ жизни.

Быстрый успех перевода калмыков на оседлость во многом объясняется большой финансовой и материальной помощью со стороны государства, чего не было в имперский период.

Успех политики привлечения калмыков из других регионов и седентаризации советского руководства в Калмыкии привел к кардинальным переменам в социальной структуре калмыцкого общества, укладе жизни народа, повлиял на его культуру и другие сферы жизнедеятельности, что, безусловно, способствовало интеграции калмыцкого этноса в российское и советское социокультурное пространство.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134–6).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста : Джангар, 2006. 182 с.

Беликов Т. И. Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. Вып. 6. Элиста, 1968. С. 94–130.

Борисенко И. В., Убушиева С. И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 — начало 90-х гг. XX в. Элиста : Джангар, 2000. 168 с.

Глухов И. К. От патриархальщины к социализму. Астрахань : Тип. Калмиздата, 1926. 276 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5677. Оп. 2. Д. 326

Калмыцкая область за X лет революции. Астрахань : Тип. Калмиздата, 1927. 125 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста : Герел, 2009. Т. II. 848 с.

Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграций в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. С. 87–141.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 169.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 254.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923.

НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 255.

НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167.

НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169

НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53.

Саврушева К. Ц. Развитие Калмыкии в 1921–1930 гг. Элиста : Калмиздат, 1971. 86 с.
Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 328 с.

REFERENCES

- Badmaeva E. N. *Kalmykiya v nachale 1920-x godov: golod i preodolenie ego posledstvij* [Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequence]. Elista: AOr "NPP "Dzhangar", 2006. 182 p. (in Russian).
- Belikov T. I. *Kalmyczkaya oblast' v vosstanovitel'nyj period (1921–1925 gg.)* [Kalmyk region in the recovery period (1921–1925)]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes]. Elista, 1968. Vyp. 6. P. 94–130 (in Russian).
- Borisenko I. V., Ubushieva S. I. *Ocherki istoricheskoy geografii Kalmykii. 1917 — nachalo 90-x gg. XX v.* [Essays on the historical geography of Kalmykia. 1917 — the beginning of the 90s of the XX century]. Elista: APP "Dzhangar", 2000. 168 p. (in Russian).
- Gluxov I. K. *Ot patriarxal'shhiny k socializmu* [From patriarchalism to socialism]. Astraxan: Tip. Kalmizdata, 1926. 276 p. (in Russian).
- Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 5677. Op. 2. D. 326 (in Russian).
- Istoriya Kalmykii s drevnejshix vremen do nashix dnei* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 848 p. (in Russian).
- Kalmyczkaya oblast' za X let revolyucii* [Kalmyk region for X years of revolution] Astraxan: Tip. Kalmizdata, 1927. 125 p. (in Russian).
- Moiseenko V. M. *Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migracij v Rossii)* [Peasant migrations in the 1920s (from the history of migrations in Russia)]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview]. 2015. Vol. 2. P. 87–141 (in Russian).
- Nacional'nyj arxiv Respubliki Kalmy'kiya (NA RK)* [National Archives Republic of Kalmykia]. F. R-3. Op. 2. D. 168. (in Russian).
- NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 169. (in Russian).
- NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 254. (in Russian).
- NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 387. (in Russian).
- NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 1923. (in Russian).
- NA RK. F. R-22. Op. 1. D. 255. (in Russian).
- NA RK. F. R-102. Op. 1. D. 167. (in Russian).
- NA RK. F. R-112. Op. 1. D. 53. (in Russian).
- Savrusheva K. Cz. *Razvitie Kalmy'kii v 1921–1930 gg.* [Development of Kalmykia in 1921–1930]. Elista: Kalmizdat, 1971. 86 p. (in Russian).
- Yamzin I. L., Voshhinin V. P. *Uchenie o kolonizacii i pereseleniyax* [The doctrine of colonization and resettlement] M., L.: Gos. izd-vo., 1926. 328 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.02.2023

Принята к публикации: 30.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 902. 23/28

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–05

И. Ю. Понкратова

Северо-Восточный государственный университет, Магадан (Россия)

О. П. Федирко

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия)

С. В. Батаршев

Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, Владивосток (Россия)

Г. К. Данилов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия)

И. В. Казимиров

Магаданский областной краеведческий музей, Магадан (Россия)

Н. А. Дорофеева

Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, Владивосток (Россия)

РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ АТРИБУТИКА РУССКОГО СЕВЕРА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГИЖИГИНЦЕВ (XIX — НАЧАЛО XX В.)

Статья вводит в научный оборот данные анализа артефактов, полученных в результате изучения в 2020 г. Гижигинской археологической экспедицией первого города на территории Магаданской области — Гижигинска: двух киотных крестов, фигурки Святой Богородицы, фрагментов окладов икон, а также иконы Владимирской Божьей Матери из фондов Магаданского областного краеведческого музея.

Определение состава сплава металлов предметов из археологической коллекции посредством неразрушающего рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) выявило использование многокомпонентных и бинарных латуней, а также серебра при их изготовлении. Установлено применение гальванического способа нанесения золота на артефакты.

Выполненные кустарным способом кресты могли использоваться как при совершении обрядовых таинств, так составлять вместе с фигуркой Святой Богородицы композицию «Голгофа с предстоящими». Предметы наглядно демонстрируют атрибуты, свя-

занные с отправлением религиозных культов на далекой окраине России, и подтверждают распространение в Гижигинске в XIX — начале XX в. не только синодального, но и старообрядческого православия.

Вероятно, в результате дефицита предметов культа происходило копирование/приобретение религиозной атрибутики других конфессиональных направлений к нуждам старообрядцев. Предположительно на территории торгового города сложилось мирное сосуществование представителей разных вероисповеданий.

В условиях атеистической пропаганды в 1920–1930-е гг. предметы религиозного назначения сохранялись местным населением и передавались из поколения в поколение.

Ключевые слова: Север Дальнего Востока России, Гижигинск, Гижигинская православная церковь, старообрядчество, крест, икона Владимирской Божьей матери, Святая Богородица, коруна, миссионерская деятельность, рентгенофлюоресцентный анализ.

Цитирование статьи:

Понкратова И. Ю., Федирко О. П., Батаршев С. В., Данилов Г. К., Казимиров И. В., Дорофеева Н. А. Религиозная символическая атрибутика Русского Севера в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX — начало XX в.) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 104–123. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–05.

I. Y. Ponkratova

North-Eastern State University, Magadan (Russia)

O. P. Fedirko

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok (Russia)

S. V. Batarshhev

Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise, Vladivostok (Russia)

G. K. Danilov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia)

I. V. Kazimirov

Magadan Regional Museum of Local Lore, Magadan (Russia)

N. A. Dorofeeva

Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise, Vladivostok (Russia)

RELIGIOUS SYMBOLIC ATTRIBUTES OF THE RUSSIAN NORTH IN THE SYSTEM OF CULTURAL VALUES OF THE GIZHIGIN PEOPLE (XIX — EARLY XX CENTURIES)

The article introduces into scientific circulation the data of the analysis of artifacts obtained as a result of the study by the Gizhiginsky archaeological expedition in 2020 of the first city on the territory of the Magadan region — Gizhiginsk. These are two shrine crosses, a statue of the Blessed Virgin, fragments of icon salaries, as well as an icon of the “Vladimirskaia Bogomater” from the funds of the Magadan Regional Museum of Local Lore.

The use of multicomponent and binary brass and silver in the manufacture was determined by studying the composition of the metal alloy of objects from the archaeological collection using nondestructive X-ray fluorescence (XFA) analysis. The use of a galvanic method of applying gold to artifacts has been established.

The crosses are made in an artisanal way. They could be used both in the performance of ritual sacraments and together with the figure of the Blessed Virgin figure to be part of the composition «Calvary with the upcoming». The objects clearly demonstrate the attributes associated with the practice of religious cults on the far outskirts of Russia and confirm the spread of not only Synodal, but also Old Believer Orthodoxy in the territory of Gizhiginsk in the XIX — early XX centuries.

Probably, as a result of the shortage of objects of worship, copying/adapting of religious attributes of other confessional trends to the needs of old believers took place. The peaceful co-existence of representatives of different faiths is assumed on the local territory of the trading city.

In the conditions of atheistic propaganda in the 1920s and 1930-s, objects of religious purpose were preserved by the local population and passed down from generation to generation.

Keywords: North of the Russian Far East, Gizhiginsk, Gizhiginsk Orthodox Church, Old Believers, cross, icon of Vladimir's Mother of God, Holy Theotokos, koruna, missionary activity, X-ray fluorescence analysis

For citation:

Ponkratova I. Yu., Fedirko O. P., Batarshev S. V., Danilov G. K., Kazimirov I. V., Dorofeeva N. A. Religious symbolic attributes of the Russian North in the system of cultural values of the Gizhigin people (XIX — early XX centuries). *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 2. P. 104–123. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–05.

Понкратова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Северо-Восточного государственного университета, Магадан (Россия). **Адрес для контактов:** ponkratova1@yandex.ru.

Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-поэтических исследований Института истории, археоло-

гии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия). **Адрес для контактов:** fedenka.67@mail.ru.

Батаршев Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела экспертных работ Научно-производственного центра историко-культурной экспертизы, Владивосток (Россия). **Адрес для контактов:** batar1980@mail.ru.

Данилов Глеб Константинович, младший научный сотрудник лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** gleb.danilov.spb@gmail.com.

Казимиров Игорь Владимирович, специалист второй категории экспозиционно-выставочного отдела Магаданского областного краеведческого музея, Магадан (Россия). **Адрес для контактов:** saikazanfuguki@gmail.com.

Дорофеева Наталья Алексеевна, старший научный сотрудник Научно-производственного центра историко-культурной экспертизы, Владивосток (Россия). **Адрес для контактов:** dnaal@list.ru.

Ponkratova Irina Yuryevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, leading researcher of the Scientific Department of the Northeastern State University, Magadan (Russia). **Contact address:** ponkratova1@yandex.ru.

Fedirko Oksana Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Socio-Poetic Research at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok (Russia). **Contact address:** fedenka.67@mail.ru.

Batarshv Sergey Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Expert Work Department of the Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise, Vladivostok (Russia). **Contact address:** batar1980@mail.ru.

Danilov Gleb Konstantinovich, Junior researcher of laboratory of museum technology at the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** gleb.danilov.spb@gmail.com.

Kazimirov Igor Vladimirovich, specialist of the II category of the exposition and exhibition Department of the Magadan Regional Museum of Local Lore, Magadan (Russia). **Contact address:** saikazanfuguki@gmail.com.

Dorofeeva Natalia Alekseevna, Senior Researcher at the Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise, Vladivostok (Russia). **Contact address:** dnaal@list.ru.

Введение

Население Севера Дальнего Востока России (далее — СДВР) сложилось в результате длительных процессов переселения, смешения и культурной адаптации восточнославянских народов с разной вероисповедальной ориентацией из различных регионов Российской империи. В процессе «исхода» на восток России из европейской части через Сибирь в первых потоках мигрантов шли сибирские старообрядцы, чьи предки прибыли за Урал еще в петровские времена. Стремясь уйти от многолетнего преследо-

вания со стороны официальной церкви и царского правительства, староверы в XVII в. обосновались в Якутии, а позднее двинулись к берегам Охотского моря.

В историографии освоения новых территорий на российских восточных рубежах особое внимание уделено роли Русской православной церкви (далее — РПЦ), служители которой активно обращали в христианство местное население [Сафронов, 1978, 1988; Тураев, 2012]. В возводимых первых крепостях обязательными строениями были помещения часовни и церкви для обслуживания духовных потребностей русского и местного населения (проведение обрядов таинства посвящения, крещения, венчания, отпевания и пр.) [Сафронов, 1978, 1988]. Здания снабжались церковной утварью (иконы, кресты, свечи, лампы и пр.), а крестившимся предоставляли не только льготы по уплате государственных податей, но и вручали комплект одежды, деньги, нательные кресты и иконы [Тураев, 2012: 86]. Предметы религиозной атрибутики использовались в походных церквях — «палатках с приличными образами, складным престолом и подвижным Антиминсом» [Барсуков, 1887: 109]. Их возили при себе священники-миссионеры, наглядно демонстрируя приобщаемому к вере населению образы святых угодников, христианские символы. Об этих предметах упоминается в исторических описаниях [Митрополит Нестор, 2003]; их можно увидеть на фотографиях и рисунках современников тех событий (например, [рис. 1.-1,2]).

Рис. 1. Религиозная атрибутика на фотографиях и рисунках начала XX в.: 1 — у русского священника, 1901. Гижига, Сибирь. Фото Н. Г. Бакстон [Американский музей естественной истории]; 2 — у Митрополита Нестора [Митрополит Нестор, 2003].

Fig. 1. Religious attributes in photographs and drawings of the early XX century: 1 — at the Russian priest, 1901. Gizhiga, Siberia. Photo by N. G. Buxton [American Museum of Natural History]; 2 — at Metropolitan Nestor's [Metropolitan Nestor, 2003].

Облачение из замши и меха северного оленя и митра из бивня мамонта, принадлежавшие миссионеру Камчатки — митрополиту Нестору, хранятся в Государственном историческом музее [Гордеева, Вышар, 2007].

В последние годы актуализировано исследование первого города на территории современной Магаданской области — Гижигинска [Батаршев, Понкратова, Дорофеева, Малков, Голохвастов, Лебедева, Нестерович, 2022; Назарова, 2012], в истории которого прослежены события, связанные с христианизацией на СДВР. На первых картах Гижигинска 1776 и 1798 гг. отмечено строение церкви Спаса Нерукотворного (например, рис. 2.-1). Здание церкви изображено на фотоснимках 1895–1898 гг. (например, рис. 2.-2).

Рис. 2. Изображение Гижигинской церкви: 1 — на карте 1798 г. [РГИА. Ф. 1399. ОП. 1. Д. 346. Л. 15]; 2 — на фотографии 1895–1898 гг. [Российский этнографический музей. № 5655–130]
 Fig. 2. The image of the Gizhiginsky Church: 1 — on the map of 1798 [RSHA. F. 1399. In. 1. F. 346. fol. 15]; 2 — on the photo of 1895–1898 [Russian Ethnographic Museum. № 5655–130]

Воспоминания о функционировании Гижигинской церкви оставили побывавшие там известные священнослужители, такие как Иннокентий Московский (Вениаминов) (1843 г.) [Барсуков, 1887], митрополит Нестор (1907 г.) [Митрополит Нестор, 2003]. Имея священников Гижигинской Спасской церкви, анализ происходивших в Гижигинске во второй половине XVIII — начала XX в. событий восстановлены на основе архивных и исторических данных и отражены в публикациях И. С. Вдовина [1995], Я. В. Назаровой [2012], Л. Н. Хаховской [2004], И. Безнурова [1995], А. В. Лазовича [2022] и др.

Несмотря на имеющиеся данные, вопросы, связанные с церковной утварью Гижигинской церкви, как и других церквей на СДВР, в научных публикациях практически не рассматривались. В связи с этим представляется актуальным описание, анализ и интерпретация религиозной атрибутики, которые позволяют уточнить особенности процесса христианизации населения в XIX — начале XX в. на территории СДВР.

Источники и методы исследования

Имеющая религиозное символическое значение коллекция артефактов была получена в 2020 г. в результате первых археологических исследований ОКН «Город Гижигинск» (Северо-Эвенский район, Магаданская область). Два киотных креста, фигурка Богоматери, венец (коруна) и фрагмент окладов икон (рис. 3.–6.) были найдены при раскопках остатков деревянного дома, расположенного в жилой зоне города. По сохранности деревянных конструкций и находкам монет время постройки дома можно определить второй половиной XIX — началом XX в., а время его существования — до середины XX в. [Батаршев, Понкратова, Дорофеева, Малков, Голохвастов, Лебедева, Нестерович, 2022].

Для определения состава сплава металлов обнаруженные изделия были проанализированы неразрушающим методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) в Лаборатории музейных технологий МАЭ РАН, без предварительной очистки от окислов. Химический состав определялся с помощью прибора *Olympus Vanta CpXRF* в режиме *GeohimExtra* с тремя измерениями для каждого образца. Среднее значение трех измерений для основных и второстепенных элементов представлено в таблице (табл. 1). Учитывая высокую чувствительность РФА анализа к химическому составу поверхности металла, любые окислы и загрязнения дают количественные изменения содержания компонентов в сплаве, а также выявление некоторых не свойственных примесей [Ениосова, Митоян, 2014: 144–145]. Показания снимались для одной точки поверхности исследуемого образца.

В фондах Магаданского областного краеведческого музея изучена икона «Владимирская Божья Матерь» из Гижигинской Спасской церкви (МОКМ КП № 29956). Согласно легенде, икона приобретена музеем в 1999 г. у Т. С. Ударцевой, которая получила ее в дар от Василия Бабцева — эвена из села Меренга Омсукчанского района в 1982–1987 гг. Икона перешла к нему по наследству от бабушки Варвары Бабцевой, жительницы села Гижига. К ней же икона попала в результате ликвидации Гижигинской Спасской церкви в 1920-х гг.

При описании предметов использованы публикации о символическом значении религиозной атрибутики [Антипина, 2006; Бурлаева, 2015; Егошина, 2006; Орлова, 2016]. При интерпретации материалов проанализированы документы Гижигинской Спасской церкви в Государственном архиве Магаданской области (ГАМО) [ГАМО. Ф. Д-73]; проведен опрос представителей старообрядческих общин Приморского края (Старообряд-

ческая община во имя Сретения Господня, город Большой Камень, май 2022 г.) и Амурской области (Старообрядческая община во имя Преображения Господня Русской Православной старообрядческой церкви, город Свободный, май 2022 г.), зафиксированный в личном архиве О. П. Федирко; сделан анализ публикаций о старообрядчестве на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. [Аргудяева, 2000; Кедров, 1996]. Кроме того, изучены предметы религиозного культа в православных храмах Магаданской области (Магадан, пос. Омсукчан, 2020–2022 гг.), привлечены исторические описания [Барсуков, 1887; Митрополит Нестор, 2003], публикации [Безнуртов, 1995; Хаховская, 2004].

Анализ материалов

Два креста (рис. 3.–1, 2) — идентичны размеру (11,3 × 6,6 × 4 см) и материалу.

Рис. 3. Город Гижигинск: 1, 2 — киотные кресты
Fig. 3. Gizhiginsk City: 1, 2 — shrine crosses

Отлиты из многокомпонентной латуни и имеют схожую рецептуру Cu-Zn-Sn-Pb (медь-цинк-олово-свинец) (табл.).

Химический состав сплавов цветных металлов на основе анализа pXRF (%)
предметов православного назначения из коллекции раскопа Гижигинска.
The chemical composition of non-ferrous metal alloys based on the analysis of pXRF
(%) of Orthodox items from the collection of the Gizhiginsk excavation.

№	Лаб. индекс	Наименование	Шифр	Cu	Zn	Pb	Sn	Ag	Au	As	Sb	Bi	W	K	S
1	МАЗ РФА 128	Православный киотный крест	Гиж-20/15	80,6	15,3	2,0	1,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0
2	МАЗ РФА 129	Православный киотный крест	Гиж-20/16	78,3	18,0	1,0	1,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0
3	МАЗ РФА 130	Фигурка Богородицы	Гиж-20/36	71,1	23,7	0,0	0,0	0,0	1,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,8
4	МАЗ РФА 131	Часть наборного оклада иконы (коруна)	Гиж-20/19	2,7	0,0	0,0	0,0	79,2	3,5	0,0	0,0	0,0	2,4	6,5	5,5
5	МАЗ РФА 132	Фрагмент оклада иконы с орнаментом	Гиж-20/19а	65,1	0,3	20,7	6,9	0,0	0,0	5,2	1,1	0,0	0,0	0,0	0,0

Высокое содержание цинка (Zn 15,3–18%) указывает на производство крестов из первичных плавок металла. Олово (Sn 1,2–1,8%) и свинец (Pb 1–2%) могли быть добавлены сознательно как легирующий элемент или же попасть в сплав из руды. Это является потенциальным индикатором источника сырья. Дополнительным, но важным, маркером, указывающим на определенную рудную провинцию, выступает примесь висмута в концентрации менее одного процента (Bi 0,7%). Висмут известен как характерный маркер для металлогенических зон серебрённого и свинцового оруденения.

Изделия такого типа называются «Распятия Христовы», они по размерам больше нательного креста и не имеют креплений для ношения [Егошина, 2006]. Кресты четырех-составные: состоят из вертикального столба, большой перекладки, поверх которой параллельно большой перекладке расположена малая, а внизу малая косая. В верхней части креста изображен Бог-отец в виде «Царя славы» (старообрядцы поповских согласий называли его еще «Господь сил» [Егошина, 2006]). Бог-отец помещен на облаке, обе руки широко разведены в благословляющем жесте. Рядом летающие вниз ангелы с убрусами (полотенцами через руку). Между ними окруженный сиянием Святого Духа голубь (рис. 4.-1).

На лицевой стороне креста, на его верхней перекладке, которая по смыслу изображает дощечку с надписью Пилата, нанесено титло ІНЦІ (рис. 4.-1). Эта надпись видна только на одном кресте, на втором кресте она, видимо, уничтожена ржавчиной. Титло означает Распятого Спасителя — Иисус Назорей (Назарянин) Царь Иудейский. Отвергая «Пилатово титло», поморцы³⁴ были уверены, что эта четырехбуквенная надпись появилась только при патриархе Никоне, который «нового бога выдумал», и толкуют ее так: «Інаго Царя Никон Исповеда» [Антипина, 2006: 103].

Рис. 4. Город Гижигинск, киотный крест (прорисовка В. В. Судакова):

1 — лицевая сторона, 2 — обратная сторона

Fig. 4. Gizhiginsk City, the shrine cross (drawing V. V. Sudakova): 1 — the front side, 2 — the reverse side

³⁴ Поморцы — представители брачного поморского согласия старообрядцев, не приемлющих священства (безпоповцы).

На второй перекладине крестов присутствуют светила: солнце и луна в виде круглых масок. Иногда их подписывают как «СЛНЦЕ» и «ЛУНА». На гижигинских крестах подписей нет. Также там имеются надписи СНЪ, БЖИН, IC, XC, что означает Сын Божий Иисус Христос. На второй перекладине крестов под широкой перекладиной внутреннего креста еле видна сокращенная надпись — «Кресту твоему поклоняемся и святое воскресенье твое славим» (рис. 4.-1).

В центре — на втором (внутреннем) кресте рельефная фигура Иисуса Христа. По бокам Распятого Христа изображены орудия казни (орудия страстей господних) — копье, трость, губка, смоченная уксусом (рис. 4.-1). Букв «К» (копие) и «Т» (трость) под рамами креста нет.

Ноги Иисуса опираются на изображение горы Голгофы. Они пригвождены к подножию, косой перекладине креста, левый конец которой слегка приподнят, а правый опущен (рис. 4.-1). Такой наклон «указывает на разбойников, распятых вместе со Спасителем. Считается, что по правую сторону от Христа был распят благоразумный разбойник, который, покаявшись, был прощен и оказался в раю. Неблагоразумный же разбойник отправился в преисподнюю, которой надлежит быть ниже нижнего» [Антипина, 2006]. По другому толкованию, приподнятый левый конец изображает участь оправданных на Страшном Суде людей, которые стояли «одесную» Престола Божия, другой, опущенный конец перекладины указывает на участь осужденных грешников [Антипина, 2006: 124].

На косом перекрестье — изображение города Иерусалима (рис. 4.-1). Возможно, что исторический Иерусалим, где совершилось распятия Сына Божия или символический Иерусалим Небесный, который открывается спасенному человечеству Крестной Смертью Спасителя. Ниже — изображение пещеры с черепом Адама. Считается, что смысл этого символического изображения состоит в том, что Распятый Христос побеждает смерть [Антипина, 2006: 96].

На оборотной стороне размещена в сокращенном варианте надпись на старославянском (рис. 4.-2), которая может быть переведена так: «Крест — хранитель всей Вселенной, Крест — красота церковная, Крест — царям держава, Крест — верным утверждение, Крест — ангелам слава, Крест — бесам язва». Надпись занимает почти всю поверхность креста, ниже нее размещены две полосы с криволинейным орнаментом. Неровное расположение текста указывает на кустарный характер производства крестов. На оборотной стороне крестов в нижней части видны многочисленные царапины и потертости.

Фигурка Святой Богородицы — плоскостная (11,3 × 3,3 см), выполнена из двух половинок, спаянных между собой с рельефным изображением на лицевой стороне (рис. 5).

Фигурка изображает Святую Богородицу со склоненной головой и скрещенными на груди руками. В нижней части фигурки сделан выступ для крепления. В деталях изделия использована бинарная латунь с содержанием меди 71,1% и цинка 23,7% (табл.). Выявленные примеси фосфора, серы, кальция, кремния характеризуют состав продуктов окислов и загрязнений предмета. Наличие позолоты, фиксируемой визуально, подтверждается полученными данными (Au 1,6%).

Рис. 5. Объект культурного наследия «Город Гижигинск»: фигурка Святой Богородицы
Fig. 5. Gizhiginsk City: Blessed Virgin

Еще одной находкой культового назначения является *корона, или каруна* (рис. 6) с расходящимися лучами, накладной венчик к окладу — часть наборного оклада для Богородичной иконы.

Такие коруны делали старообрядцы в XIX в. Серебряная коруна как отдельный элемент оклада иконы выполнена прокатом или чеканкой с нанесением позолоты гальваническим способом. В сплав на посеребренной основе добавлено незначительное количество меди (2,7%), а также вольфрам (W 2,4%). Обе примеси, скорее всего, попали в процессе вторичного оборота лома серебра и осознанного понижения пробы. Примеси фосфора, серы и калия в довольно значительных количествах (от 1 до 5,5–6,5%) в поверхностных слоях предмета указывают на применение гальванического способа нанесения золота. Указанные элементы входят в химический состав ряда электролитов, применяемых при гальваническом осаждении золота на серебро. Применение этой технологии служит датирующим критерием — предмет был создан не ранее 60–80-х гг. XIX в., когда такой способ получил широкое распространение в России.

Рис. 6. Город Гижигинск. Фрагменты окладов икон
 Fig. 6. Gizhiginsk City. Fragments of overhead decoration of icons

Фрагмент оклада иконы с цветочным орнаментом (рис. 6) выделяется отличным от предшествующих предметов составом сплава. Он выполнен из оловянно-мышьяково-свинцовистой бронзы с примесью сурьмы. Достаточно высокое содержание мышьяка и олова (5,2 и 6,9% соответственно) и менее значительное примеси сурьмы (1,1%) указывают на применение медной руды с содержащими мышьяк минералами. Проявление руд с этими особенностями характерно для многих месторождений в России и сопредельных государствах [Зайков, 2017: 10,15]. Такой набор примесей создает естественное легирование (добавление в состав материалов примесей для изменения (улучшения) физических и/или химических свойств основного материала), позволяющее получать плотные отливки в рельефных формах [Горохов, 2018: 47].

Икона «Владимирская Божья Матерь» (рис. 7) состоит из плоской основы в виде деревянной доски и оклада.

На основе имеется поясное изображение Богородицы. Сидящий на правой руке Спаситель прильнул к ее лику щекой. Левая нога Спасителя согнута, контур стопы нечеткий. Черты ликов Спасителя и Богородицы изображены также нечетко — просматриваются лишь черные контуры. Лики, руки и стопы изображений написаны в темно-коричневых тонах. Часть мафория (накидки) Богородицы написана в темно-вишневом цвете.

Тип иконы — подокладница, прописаны части, не закрытые окладом: лики, руки и стопы Богородицы и Спасителя. Иконографический тип — Елеуса. Икона написана в четыре слоя: основа — деревянная доска без паволоки (ткани); грунт — специальный слой, которым покрывают поверхность перед нанесением красочного слоя; красочный слой — последовательно нанесенные на грунт масляные краски; защитный слой состоит из масляного лака.

Рис. 7. Икона «Владимирская Божья Матерь» из Гижигинской Спасской церкви (фонды Магаданского областного краеведческого музея. № 29956)

Fig. 7. An Icon of the "Vladimirskaia Bogomater" from the Gizhiginskaya Church of the Savior (funds of the Magadan Regional Museum of Local Lore. № 29956)

Оклад с финишным покрытием золотистого цвета, сплошного типа, выполнен из цельного листа белой жести (латуни?) методом штамповки, сильно поврежден, прибит к основе неровно на железные гвозди. Он состоит из венца, рамы, ризы и фона. Венец накладной, предположительно чеканный, ажурный; интегрирован в оклад методом пайки, украшен изогнутыми зубцами. Фон по краям украшен растительным орнаментом — плетением и розетками. Верхняя часть фона украшена орнаментальной дугой. Риза оклада имеет гравировку в виде мафория Богородицы и хитона Спасителя. В левой части мафория Богородицы на челе присутствует орнамент в виде звезд. Оклад имеет шесть фигурных вырезов: для лика Богородицы и Спасителя, на месте изображения руки Спасителя, два — на месте изображения правой и левой руки Богородицы и два — на месте изображения стоп Спасителя. В нижней части выгравирована церковно-славянскими буквами надпись «ВЛАДИМИРСК» (сокращенно — «Владимирская»).

Обсуждение результатов

Артефакты из археологической и музейной коллекций подтверждают исторические и архивные данные о функционировании на территории Гижигинска православной церкви. Кресты, вероятно, были изготовлены в XIX в. в среде часовенных старообряд-

цев (ставших в XIX в. беспоповцами). Об этом свидетельствует кустарный способ создания крестов с использованием самодельных форм и расположение традиционного текста на обороте. Для литья изделий чаще использовали лом, но отдельные образцы могли служить моделями для формы и последующей отливки предметов [Сальникова, 2016: 44]. В XIX — начале XX в. медное литье, став явлением массового характера, проникло во многие регионы России и широко бытовало не только в старообрядческой, но и в православной среде [Савина, 1993].

Киотные кресты размещали среди домовых икон; до Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней церковной реформы они присутствовали практически в каждом доме православной семьи. Иногда киотные кресты врезались в иконную доску на место креста, написанного в традиционной манере. Похожий, но больший по размеру и отличающийся внешним оформлением старообрядческий крест хранится в ближайшем от места исследования — поселке Омсукчан, в Храме в честь великомученицы Варвары (рис. 8). Со слов прихожан, крест был принесен одним из верующих несколько лет назад и теперь является реликвией храма, используется в богослужениях.

Рис. 8. Киотный крест из Храма в честь великомученицы Варвары, п. Омсукчан (Магаданская область). Фото: август 2020 г.

Fig. 8. The shrine cross from the Church in honor of the Great Martyr Barbara, Omsukchan village (Magadan region). Photo: August 2020.

Не исключено, что описываемые кресты являлись центральной частью композиции «Голгофа с предстоящими», которая и сегодня во всех православных храмах располагается на поминальном столе. В пользу этой версии свидетельствует и найденная рядом с ними фигурка Святой Богородицы, которую устанавливают слева от креста (в композиции справа обычно находится фигура святой Марии Магдалины). Композиция «Крест «Голгофа»» — это изображение Распятия Христа, установленное на постаменте, изображающем гору Голгофу. Размеры такой композиции могут быть весьма значительными (например, в рост человека). Изготавливаются из дерева, металла и других материалов. Как по стилистике, так и по элементному составу сплава также можно говорить о довольно позднем времени производства фигурки святой, что не идет в разрез с археологическим контекстом.

Корона (каруна) с расходящимися лучами — часть наборного оклада для Богородичной иконы — так делали старообрядцы в XIX в.

Кому именно принадлежали обнаруженные при раскопках предметы — определить достоверно не представляется возможным. Кресты, как и остальные предметы религиозного назначения, могли быть связаны с деятельностью Гижигинской церкви, которая вела активную деятельность среди населения: здесь проходили венчания, отпевания, обращение в христианство и миссионерство среди местного населения [ГАМО. Ф. Д. 73]. Они могли служить как священнослужителям, так и уже обращенному в христианскую веру местному населению.

Основной признак — восьмиконечный крест внутри четырёхконечной формы — указывает на принадлежность анализируемых крестов к старообрядчеству. Не исключено, что предметы могли использоваться именно старообрядцами. Так, на территориально близком к Гижигинску полуострову Камчатка «несколько веков назад возникли старообрядческие общины, которые никому не мешали, жили уединенно, в труднодоступных местах, скитах, лесных избушках». По одной из легенд, чтобы сохранить церковные драгоценности Успенской церкви Нижне-Камчатска старообрядцы в 1920-е гг. увезли и спрятали реликвии в тайге [Кедров, 1996].

Как известно, церковная реформа во второй половине XVII в., вошедшая в историю России как раскол, привела к уходу приверженцев старой веры в отдаленные регионы, в том числе России на Север и Северо-Восток. За более чем трехсотлетнюю историю старообрядчество прошло ряд эволюционных кризисов, разделившись на движения и толки. Наиболее рьяные раскольники, стремясь сохранить веру в неприкосновенности, уходили все дальше и дальше на восток, соединяясь с миграционными потоками русских переселенцев. Часть из них осела в Сибири, остальные двинулись на Северо-Восток. В местах проживания они фактически ассимилировались с иным населением. С собой они несли книги, предметы культа, дорогие сердцу вещи, связанные с их конфессиональной принадлежностью. Часть из предметов культа приходила в негодность и нуждалась в обновлении. Доставка их из Сибири была нерегулярной, недостаточной по количеству и дорогой. В этой связи на Северо-Востоке России началось копирование сохранившихся предметов или приспособление религиозной атрибутики других конфессиональных направлений к нуждам старообрядцев. Это вполне доказуемо на примере обнаруженных в Гижигинске предметов культа.

Заключение

Вводимые впервые в научный оборот археологические и музейные артефакты позволяют наглядно продемонстрировать атрибуты, связанные с отправлением религиозных культов на далекой окраине России в XIX — начале XX в.

Мощный интегрирующий потенциал первопроходцев, накопленный ими в процессе взаимодействия с коренными народами, вероятно, позволил сформировать на СДВР локальную русскую общность с высоким уровнем культурной толерантности. История Гижигинска — торгового города со смешанным в этническом и конфессиональном отношении населением, особо показательна в этом плане. Исходя из анализируемых артефактов, здесь проживали представители различных вероисповеданий.

Старообрядчество, обладая высокой адаптационной способностью, не только укоренилось на Дальнем Востоке России, но и мирно сосуществовало с представителями синодального православия. Такое положение дел объяснялось тем, что православие выполняло свою культуросохраняющую функцию. Оно связывало дальневосточников с покинутой родиной, с близкими и родными. Религиозность, декларация православия рассматривались переселенцами как принадлежность к русской культуре и традициям родины. С другой стороны, близость вероучительной традиции позволяла представителям двух направлений православия в условиях дефицита церковного инвентаря использовать предметы религиозной атрибутики друг друга. Анализ материалов позволяет судить о мирном сосуществовании на локальной территории торгового города представителей разных вероисповеданий.

Несмотря на активную атеистическую пропаганду в 1920–1930-е гг. местное население спасало предметы религиозного назначения и передавало их из поколения в поколение.

Полученные результаты спектрального анализа также не дают прямых ответов на вопросы о местах производства артефактов, но вместе с искусствоведческой экспертизой могут положить начало изучению путей поступления предметов православного культа на Охотоморское побережье.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И), Правительства Магаданской области, Магаданского отделения ВОО «РГО», Попечительского Совета ВОО МОО «РГО» и лично И. Б. Донцова. Благодарим Е. Б. Крутых, Г. В. Полещук, С. С. Малкова, М. В. Голохвастова, В. Н. Понкратова, С. Т. Коня, В. В. Брагина, А. В. Береговых, Р. Ш. Тешабаева, А. Этыкана, художницу Веронику Судакову за помощь в проведении полевых и камеральных работ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Американский музей естественной истории. URL: https://anthro.amnh.org/jesup_photos?_gl=1*rjqkds*_ga*NTQzMdQ4MjQzLjE2NzQxNjY4MTc.*_ga_HS7PJLLHNN*M TY3NTMwNjI5MS4xLjAuMTY3NTMwNjI5MS4wLjAuMA

Антипина Д. О. Принципы типологизации русских православных крестов : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. 230 с.

Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. 365 с.

Барсуков И. П. Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 2. М. : Синод. тип., 1887. 494 с.

Батаршев С. В., Понкратова И. Ю., Дорофеева Н. А., Малков С. С., Голохвастов М. В., Лебедева Л. С., Нестерович А. В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1 (38). С. 23–34.

Безнуртов И. Служили, крестили, венчали, отпевали // Маяк Севера. 1995. № 48. С. 2–6.

Бурлаева Н. А. Религиозные символы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 1. С. 222–224.

Вдовин И. С. Гижига — город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1995. С. 78–82.

Государственный Архив Магаданской области. Ф. Д-73 «Гижигинская Спасская церковь».

Гордеева О. Г., Вышар Н. И. Памятники по истории миссионерства в собрании ГИМ (Государственный исторический музей) // Русская Америка. Материалы III Международной научной конференции «Русская Америка», Иркутск, 2007. URL: <https://www.pribaikal.ru/project-item/article/4270.html> (дата обращения: 01.02.2023).

Горохов С. В. История, проблемы, цели и перспективы анализа состава металла православных нательных крестов конца XVI–XIX веков в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 7. С. 44–55.

Зайков В. В. Геоархеология бронзы (обзор) // Геоархеология и археологическая минералогия-2017. Миасс : ИМин УрО РАН, 2017. С. 5–16.

Егошина Г. Г. «Крест — хранитель всей Вселенной...» // Словесница Искусств, 2006. № 1. С. 91–95.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. IV. С. 143–146.

Лазович А. В. (иерей Андрей) Роль Иннокентия Московского в христианизации населения Гижигинского уезда в XIX веке // Иннокентий (Вениаминов) — великий Дальневосточник. 2022. С. 61–70.

Кедров Н. Н. Нижнекамчатский острог на реке Радуге — колыбель российского купеческого частнопредпринимательского флота на Тихом океане // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 1996. Вып. 3. С. 38–46.

Митрополит Нестор. Моя Камчатка: записки православного миссионера. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор: кн. изд-во, 2003. 198 с.

Назарова Я. В. История Гижиги (XVII–XX в). Освоение Северо-Востока России. Дюс-сельдорф : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 128 с.

Орлова В. Э. Проблемы изучения символики и атрибутики новых религиозных движений // Царскосельские чтения, 2016. С. 144–148.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1399. ОП. 1, Д. 346. Л. 15.

Савина Л. Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX — начале XX вв. // Русское медное литье. М. : Сол Систем, 1993. Вып. 1. С. 48–55.

Сальникова И. В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7. С. 39–48.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М. : Наука, 1978. 258 с.

Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1988. 192 с.

Тураев В. А. Русская православная церковь и коренные малочисленные народы Дальнего Востока (XVII–XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 85–93.

Хаховская Л. Н. Охотские церкви в XIX — начале XX в. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 5–25.

REFERENCES

Antipina D. O. *Printsipy tipologizatsii russkikh pravoslavnykh krestov. Dis. kand. iskusstvovedeniia* [Principles of typologization of Russian Orthodox crosses. Ph.D. Thesis in art criticism]. Sankt-Peterburg, 2006. 230 p. (in Russian).

Argudiaeва Iu. V. *Starobriadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii* [Old Believers in the Russian Far East]. M. : Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akazhemii nauk, 2000. 365 p. (in Russian).

Barsukov I. P. *Tvoreniia Innokentii, mitropolita Moskovskogo* [The works of Innocent, Metropolitan of Moscow]. Kniga 2. M. : Sinodskaiia tipografiia. 1887. 494 p. (in Russian).

Batarshev S. V., Ponkratova I. Iu., Dorofeeva N. A., Malkov S. S., Golokhvastov M. V., Lebedeva L. S., Nesterovich A. V. *Istoricheskaia arkheologiiia Severa: gorod Gizhiginsk* [Historical archeology of the North: the city of Gizhiginsk]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2022, no. 1 (38), pp. 23–34 (in Russian).

Beznutrov I. Sluzhili, krestili, venchali, opevali [They served, baptized, crowned, and buried]. *Maiak Severa* [Lighthouse of the North]. 1995, no. 48, pp. 2–6 (in Russian).

Burlaeva N. A. Religioznye simvol'y [Religious symbols]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University]. 2015, no. 1, pp. 222–224 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Magadanskoi oblasti [State Archive of the Magadan region]. Fund D-73 "Gizhiginskaiia Spasskaia tserkov'" [Gizhiginsky Church of the Savior] (in Russian).

Gordeeva O. G., Vyshar N. I. Pamiatniki po istorii missionerstva v sobranii GIM (Gosudarstvennyi istoricheskii muzei) [Monuments on the history of missionary work in the collection of the GIM (State Historical Museum)]. *Russkaia Amerika. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Russkaia Amerika"* [Russian America. Materials of

the III International Scientific Conference “Russian America”]. Irkutsk, 2007. URL: <https://www.pribaikal.ru/project-item/article/4270.html> (accessed February 1, 2023) (in Russian).

Gorokhov S. V. Istorii, problemy, tseli i perspektivy analiza sostava metalla pravoslavnykh natel'nykh krestov kontsa XVI–XIX vekov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [History, problems, goals and prospects of the analysis of the metal composition of Orthodox crosses of the late XVI–XIX centuries in Siberia and the Far East]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2018, tom 17, no. 7. S. 44–55 (in Russian).

Eniosova N. V., Mitoian R. A. Rentgenospektral'nyi metod analiza arkheologicheskogo metalla: preimushchestva, ogranicheniia i lovushki v protsesse izmereniia i interpretatsii [X-ray spectral method of archaeological metal analysis: advantages, limitations and pitfalls in the measurement and interpretation process]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan': Otechestvo. 2014, vol. IV, pp. 143–146 (in Russian).

Kedrov N. N. Nizhnekamchatskii ostrog na reke Raduge — kolybel' rossiiskogo kupecheskogo chastnopredprinimatel'skogo flota na Tikhom okeane [Nizhnekamchatsky prison on the Raduga River is the cradle of the Russian merchant private enterprise fleet in the Pacific Ocean]. *Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy* [Historical local lore and archives]. Vologda, 1996, vyp 3, pp. 38–46 (in Russian).

Khakhovskaia L. N. Okhotskie tserkvi v XIX — nachale XX v. (Gizhiginskaia, Tauiskaia, Iamskaia i Ol'skaia) [Okhotsk churches in the XIX — early XX century (Gizhiginskaya, Tauiskaya, Yamskaya and Olskaya)]. *Materialy po istorii Severa Dal'nego Vostoka* [Materials on the history of the North of the Far East]. Magadan: Severo-vostochnyi kompleksnyi nauchno-issledovatel'skii institute, 2004, pp. 5–25 (in Russian).

Lazovich A. V. (ierei Andrei) Rol' Innokentii Moskovskogo v khristianizatsii naseleniia gizhiginskogo uезда v XIX veke [The role of Innocent of Moscow in the Christianization of the population of Gizhiga county in the XIX century]. *Innokentii (Veniaminov) — velikii dal'nevostochnik-2022: sbornik materialov Mezhhregional'nykh nauchnykh chtenii* [Innokenty (Veniaminov) — the Great Far East-2022: collection of materials of Interregional scientific readings]. 2022, pp. 61–70 (in Russian).

Mitropolit Nestor. *Moia Kamchatka: zapiski pravoslavnogo missionera* [My Kamchatka: notes of an Orthodox missionary]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskii pechatnyi dvor: knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 198 p. (in Russian).

Nazarova Ia. V. *Istorii Gizhigi (XVII–XX v). Osvoenie Severo-Vostoka Rossii* [The history of Gizhiga (XVII–XX centuries). Development of the North-East of Russia]. Diussel'dorf: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. 128 p. (in Russian).

Orlova V. E. Problemy izucheniia simvoliki i atributiki novykh religioznykh dvizhenii [Problems of studying the symbols and attributes of new religious movements]. *Tsarskosel'skie chteniia* [Tsarskoye Selo readings]. 2016, pp. 144–148. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 1399. Inventory 1. File 346, fol. 15 (in Russian).

Safronov F. G. *Tikhookeanskii okna Rossii: Iz istorii osvoeniia russkimi liud'mi poberezhii Okhotskogo i Beringova morei, Sakhalina i Kuril* [Pacific Windows of Russia: From the history

of the Russian people's exploration of the coasts of the Okhotsk and Bering Seas, Sakhalin and the Kuriles]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 192 p. (in Russian).

Sal'nikova I. V. Rezul'taty statisticheskogo analiza khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniia kolleksii mednolitoi plastiki [Results of statistical analysis of chemical and technological research of the collection of copper-cast plastics]. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologiia* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2016, vol. 15, no. 7, pp. 39–48 (in Russian).

Safronov F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye liudi, krest'iane, gorodskoe naselenie* [Russians in Northeast Asia in the XVII — mid-XIX centuries: management, service people, peasants, urban population]. Moskva: Nauka, 1978. 258 p. (in Russian).

Savina L. N. K istorii proizvodstva i bytovaniia mednogo khudozhestvennogo lit'ia v XIX-nachale XX vv. [On the history of production and existence of copper art casting in the XIX-early XX centuries]. *Russkoe mednoe lit'e* [Russian copper casting]. Moskva: Sol Sistem, 1993, vyp 1, pp. 48–55 (in Russian).

Turaev V. A. Russkaia pravoslavnaia tserkov' i korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka (XVII–XIX vv.) [The Russian Orthodox Church and the indigenous peoples of the Far East (XVII–XIX centuries)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of Science of the Russian Academy of Sciences]. 2012, no. 4, pp. 85–93 (in Russian).

Vdovin I. S. Gizhiga — gorod-krepost' na Severo-Vostoke Rossii [Gizhiga is a fortress city in the North — East of Russia]. *Pamiatniki, pamiatnye mesta istorii i kul'tury Severo-Vostoka Rossii* [Monuments, memorable places of history and culture of the North-East of Russia]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1995, pp. 78–82 (in Russian).

Zaikov V. V. Geoarkheologiia bronzy (obzor) [Geoarchaeology of Bronze (review)]. *Geoarkheologiia i arkheologicheskaiia mineralogiia-2017* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy-2017]. Miass: Institut mineralogii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. 2017. S. 5–16 (in Russian).

Egoshina G. G. “Krest — khranitel' vsei Vselennoi...” [“The guardian Cross of the entire universe...”]. *Slovesnitsa Iskusstv* [The Wordsmith of Arts]. 2006, no. 1, pp. 91–95 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.02.2023

Принята к публикации: 25.04.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 323.1.

DOI: 0.14258/nreur(2023)2–06

М. А. Рыблова

Южный научный центр РАН, Волгоградский государственный университет,
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград (Россия)

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПРОЦЕССАХ ПОИСКА ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье представлен анализ этнического направления в современном движении за возрождение казачества. Представители этого направления, получившие название «общественники», уже в течение почти сорока лет пытаются найти свое место в этнокультурном пространстве современной России, отмежевываясь от тех, кто вошел в так называемый казачий реестр, демонстрируя различные практики этнокультурного конструирования и формирования своей групповой идентичности.

Поиски «общественниками» своей групповой идентичности нашли отражение в способах их самоидентификации: для самоназвания они используют термины, фиксирующие их этническую принадлежность, причастность к некоей единой казачьей группе российских казаков, провозглашающей себя либо в качестве этноса, либо субэтноса в составе русского народа (*этнические, родовые, потомственные казаки, казарла* и пр.).

Определяя свою идентичность, «этнические казаки» конструируют образы и символы своего движения, имеющие именно этнические характеристики, опираясь при этом либо на реальную традиционную культуру российских казаков, либо на создаваемые ими мифы. Они занимаются, например, поисками Золотого века, находя его в дословном периоде казачьей истории. В соответствии с этим образом выстраиваются и символические границы группы, определяющие, например, казачью религиозность либо как чистое православие, либо с примесью язычества («веры праотцов»), традиционную культуру — как скорее нерусскую, с преобладанием тюркских и кавказских элементов, что позволяет подчеркнуть ее самобытность. В процессах мифотворчества широко используются языческие практики, отсылки к древним временам, утверждения о наличии особого казачьего языка и пр.

Однако в последнее время все более прочные позиции среди конструкторов современной казачьей этничности занимают те, кто позиционирует казачью культуру как часть общерусской и ориентирован на бережное возрождение и популяризацию реально существовавших, но утраченных традиций.

Ключевые слова: «возрождение казачества», неказачество, реестровые и этнические казаки, этнокультурное конструирование, мифотворчество, групповая самоидентификация.

Цитирование статьи:

Рыблова М. А. Российское казачество в процессах поиска групповой идентичности и этнокультурного конструирования // Народы и религии Еразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 124–141. DOI: 0.14258/nreur(2023)2–06.

M. A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd (Russia)

THE RUSSIAN COSSACKS IN THE PROCESSES OF SEARCHING FOR GROUP IDENTITY AND ETHNO-CULTURAL CONSTRUCTION

The article presents an analysis of the ethnic trend in the modern movement for the revival of the Cossacks. Representatives of this trend, called “social activists”, have been trying for almost forty years to find their place in the ethno-cultural space of modern Russia, dissociating themselves from those who entered the so-called Cossack register, demonstrating various practices of ethno-cultural construction and formation of their group identity.

The search by “social activists” for their group identity is reflected in terms of their self-identification: for self-designation, they use terms that fix their ethnicity, involvement in a single Cossack group of Russian Cossacks, proclaimed either as an ethnos or a subethnos as part of the Russian people (ethnic, tribal, hereditary Cossacks, and kazarla).

Defining their identity, “ethnic Cossacks” construct images and symbols of their movement that have precisely ethnic characteristics, relying either on the real traditional culture of the Russian Cossacks or on the mythologems they create. They are engaged, for example, in the search for gold, defining it in the pre-genealogical period of Cossack history. In accordance with this image, the symbolic boundaries of the group are also built, defining, for example, Cossack religiosity either as pure Orthodoxy or with an admixture of paganism (“the faith of the forefathers”), traditional culture as rather non-Russian, with a predominance of Turkic and Caucasian elements, which allows emphasizing its identity.

Pagan practices, references to ancient times, statements about the presence of a special Cossack language, etc. are widely used in the processes of myth-making. However, recently, more and more solid positions among the designers of modern Cossack ethnicity are occupied by those who position the Cossack culture as part of the all-Russian and are focused on the careful revival and popularization of really existing, but lost traditions.

Keywords: “revival of the Cossacks”, neo-Cossacks, registered and ethnic Cossacks, ethnocultural construction, myth-making, group self-identification

For citation:

Ryblova M. A. The Russian Cossacks in the processes of searching for group identity and ethno-cultural construction. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 2. P. 124–141. DOI: 0.14258/nreur(2023)2–06.

Рыблова Марина Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, ведущий научный сотрудник Волгоградского государственного университета, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** ryblova@mail.ru. **Ryblova Maria Aleksandrovna**, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher at Volgograd State University, Professor at the Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd (Russia). **Contact address:** ryblova@mail.ru.

Введение

История современного казачьего «возрожденческого» движения насчитывает около 40 лет и имеет обширную историографию. Не вдаваясь в ее подробности, отмечу, что главной особенностью многочисленных научных работ, посвященных проблемам этого движения, является их направленность преимущественно на те организационные формы, которые связаны с государственным реестром. Они включают в себя участников движения, вступивших в казачьи общества (*реестровые казаки, реестровики*), а те, в свою очередь, внесены в государственный реестр. Эти организации находятся под контролем государственных структур, их деятельность регулируется российским законодательством, что, конечно, не исключает их активности и в культурной сфере жизни страны. При этом в стороне от внимания исследователей нередко оказываются те представители казачьего движения, которые называются *общественниками*, а сами себя они именуют *этническими казаками*. И даже если исследователи уделяют внимание явно присутствующей в движении идеи казачьей этничности, они, как правило, не разделяют реестровиков и общественников, несмотря на то, что сами казаки осознают существующий раскол как одну из проблем движения [Пикалов].

Так, в недавно вышедшей монографии О. В. Рвачевой, являющейся масштабным исследованием «возрождения казачества» на Юге России, немало места уделено этническим аспектам движения, более того, исследовательница, пожалуй, впервые представила анализ столь широкого спектра этнических проблем, решаемых современными казаками. Ею рассмотрены процессы культурного конструирования с использованием элементов традиционной казачьей культуры, а этничность и коллективная память казаков представлены как важнейшие ресурсы «возрождения». Однако при этом исследовательница не разделяет реестровых казаков и «этнических», не выявляет различий между двумя этими направлениями движения, а сама этническая идея в среде казачества рассматривается ею больше в исторической ретроспективе либо в качестве простых манифестаций [Рвачева, 2021: 275–325].

В течение всех сорока минувших лет российские казаки озабочены поисками своего места в новом государственном и общественном пространстве страны, демонстрируя широкий спектр опробованных ранее и создаваемых вновь культурных и идеологических конструкторов. Собственно, основные вехи этого конструирования, представленного именно в «этническом» направлении современного «казацкого возрождения», проанализированы в настоящей статье. Отдельные моменты этого сложного и многопланового процесса уже рассматривались нами ранее в двух публикациях (материалах конференций) [Рыблова, 2018, 2020], однако в рамках этой статьи проанализировано более широкое поле этнического конструирования современных казаков, а также показан поиск ими групповой идентичности, маркирующий, в свою очередь, основные вехи и проблемы этнического направления в движении современных казаков.

Этническая составляющая присутствовала в казацком движении изначально, на что, между прочим, указывает и наименование его «возрожденческим». Современные наблюдатели неоднократно отмечали неуместность этого термина, справедливо полагая, что возродить прежние социальные формы существования казаков (казацкую военную службу, традиционное землепользование, сословные обязанности и привилегии и пр.) невозможно. Однако этот термин в условиях современного мира появился именно в среде этнических движений (ср.: «этническое возрождение», «возрождение этничности»), и этим обстоятельством не только снимается отмеченная выше претензия к движению (ведь этничность, в отличие от сословности, может возбуждаться и возрождаться в самых разных исторических условиях), но и манифестируется изначальная сущность «казацкого возрождения» как в первую очередь этнического. Другое дело, что казацкая этничность даже самими казаками понимается по-разному, а практики этнического возрождения нарабатываются ими в ходе многочисленных экспериментов, удачных проб и ошибок [Рыблова, Рвачева, 2009: 19–28]. Кроме того, в ходе развития «казацкого возрождения» значительная часть его участников была переориентирована (государственными структурами в первую очередь) из этнического русла в социальное.

Однако оказавшиеся на периферии движения «этнические казаки» продолжают творческий поиск своего места именно в этнокультурном пространстве современной России, и этот опыт заслуживает безусловного научного внимания и анализа. Не имея (в отличие от реестровиков) институализированных форм и будучи разбросанными по множеству самых различных сообществ, общественники активно выражают свои позиции через ресурсы интернета. Именно эти источники преимущественно использовались в этой статье для выяснения групповых форм их самоидентификации и практик этнокультурного конструирования.

Начнем с выявления и анализа терминов, используемых для названия и самоназвания всего современного российского казачества и его отдельных групп, так как зачастую они отражают их сущностные характеристики и выявляют ключевые различия.

Термины групповой идентичности современных казаков

Законы, подзаконные акты и региональные документы, связанные с современными казаками, именуют их по-разному: культурно-этническая группа, культурно-историческая группа, социально-этническая группа и пр. При этом термин «казаки» (самоназвание группы) официальными документами не используется, его заменяет неизмен-

ное — «казачество». Согласно Федеральному закону «О государственной службе российского казачества» 2005 г., оно определяется следующим образом: это граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ. Понятно, что при возможности вступления в казачье общество любого человека, этническая составляющая термина «казачество» устраняется почти полностью.

Представители научного сообщества для определения современных российских казачков также используют разные термины: этносоциальная группа, этническая группа (субэтнос), культурно-историческая группа, а также «неоказачество». Последний термин был введен в научный оборот С. М. Маркедоновым, который обосновывал его использование наличием существенных различий между казаками дореволюционными и нынешними (при практически полной утрате последними в современных реалиях прежних культурных и социальных характеристик), разбросанностью современного «казачьего социума» практически по всем социальным группам советского (а теперь и российского) общества, а также наличием лишь единственной основы для идентификации потомков казаков Российской империи — «мобилизованной памяти» [Маркедонов].

Исходя из представленных доводов, можно сделать вывод, что термин «неоказачество» применяется исследователем ко всем потомкам казаков, однако в действительности речь в его работах идет о казаках, включенных в реестр, потому названных им также *огосударственными казаками*. Не случайно здесь и упоминание в качестве единственного идентификационного признака группы — наличие резерва не «мобилизованной памяти», а не «мобилизованной этничности». Вслед за С. М. Маркедоновым называть современных казаков «неоказачеством» (без фиксации признака этничности) стали и другие исследователи, также, как правило, не выделяющие тех, кто не вошел в реестр, в отдельную группу.

Сами казаки — представители обоих направлений движения — термин «неоказачество» не используют. Более того, «этнические казаки» отвергают и термин «казачество» (широко применяемый в среде реестровиков, а также государственными органами власти в законодательной практике и научным сообществом), полагая, что он отражает не этническую, а сословную составляющую движения и предпочитая в качестве самоназвания группы термин «казаки»: «Сам термин «возрождение казачества» по отношению к казакам неправилен. Термин «казачество» использовался во времена существования различных сословий. Так слово «казачество» можно поставить рядом со словами «духовенство», «купечество», «крестьянство». Но в наше время век сословий утратил свое существование, и о казаках нужно говорить, как о народе. Почему не может существовать возрождение татарчества, чеченства или руссчества? Да потому что это абсурд. Можно возрождать (укреплять) татарский, чеченский, русский народ. Нужно возрождать, развивать и укреплять казачий народ...» [Качанов, 201: 10–11].

Таким образом, с помощью термина «казаки» актуализируется проблема казачьей этничности и этнического статуса группы: казаки — народ. По мнению адептов казачьей этничности, сословный период был лишь одним из этапов в сложной этнической истории казаков, и возрождение сословности (или отдельных ее характеристик) не явля-

ется обязательным условием для возбуждения казачьей этничности в нынешнее время. В связи с этим «этнические казаки» отвергают ношение военной формы и других воинских атрибутов, а также саму возможность стать казаком, просто вступив в казачье общество. По отношению к реестровым казакам они широко применяют термин «ряженые» (*ряженая сотня, потешное войско, карманное войско*), используемый, впрочем, и неказачьим населением страны по отношению ко всем участникам казачьего движения: «Реестру нужно размыть такое понятие, как казак»; «Если у казака (обычно генерала или что-то типа этого) вся грудь в медалях, и он уже не знает, куда их вешать — это 90% того, что он ряженный»; «... и вот эти все люди не казачьего происхождения и являются ряженными... пускай хоть они делают добрые и хорошие дела... но если называют они себя казаками — они ряженные. Так как по происхождению они принадлежат другому народу. Делайте добрые дела и называйте себя именем своего народа... а не чужого... и вам слова против никто не скажет...» [Выводим формулу...].

Стремясь подчеркнуть зависимый статус реестровиков, «этнические казаки» называют их также *приписными и поверстанными, официальными и государственными казаками*. Реестровики называют «этнических казаков» — *общественники, казакийцы*, в горячей полемике иногда — *раскольники*.

Для собственного самоопределения и идентификации «этнические казаки» используют термины: *родовые, потомственные, природные казаки*: «Понятно, что есть ряженные и есть потомственные, ну, как потомственные, только когда фотографии дедов и прадедов просматриваешь, вспоминаешь, что предки то казаками были...» [Володин].

С 2006 г. в среде «этнических казаков» стал распространяться термин (принятый далеко не всеми) — *казарла*. Его введение было обусловлено все тем же желанием отмежеваться от термина «казачество» и от стоящих за ним реестровиков: «Казарла — это казачий народ, общее самоназвание этнических казаков. От понятия «казачество» отличается тем, что передается по крови. Если «казачество» сегодня открыто для представителей любых культур, независимо от происхождения, то казарла — именно носители казачьей культуры и казачьего языка...» [Конференция «Черноморской казарлы»...].

«В отличие от «казачества», казарлой нельзя стать на время, или вступить в казарлу. Этническим казаком можно только родиться от родителей — этнических казаков» [Казарла — миф или реальность].

Словом «казарла» стали называться: общественная организация (а также отдельные входящие в ее состав организации, например, Посольская казарла в Москве, Черноморская казарла и др.) и выпускаемый ею журнал, Федерация рубки шашкой и пр.

Важнейшей проблемой для «этнических казаков» стало определение места своей группы в системе этнических общностей: казаки называются народом (этносом) [Сборник, 2005: 128] или даже нацией, а также этнической группой в составе русского народа (гораздо реже) [Шамбаров, 2009: 11]. Обычно в составе «единого казачьего народа» выделяют несколько этнических групп (субэтносов): запорожские, донские, терские, кубанские, уральские казаки и пр. [Мы казаки, а не русские]. Вот одно из определений «казачьей нации», данное представителем «этнических казаков»: «Казачья нация — единый национальный организм, включающий в себя всех казаков и казачек, имеющих этнические корни, в силу исторического развития являющимися потомками казаков эт-

но-территориальных Войсковых систем Царской России, устраненных политическим режимом большевиков» [Кузнецов].

Показательно, что лидеры этнического направления стремятся объединить в народ (или нацию) различные группы (в прошлом — войска), условия и хронология возникновения которых весьма разнятся: от вольных донских, сформировавшихся «самостоятельно» на рубеже XV–XVI вв. до целого ряда других (астраханских, оренбургских, забайкальских, уссурийских и др.), созданных в XVIII–XIX вв. по инициативе государства, различающихся по культурным признакам и этническому составу.

При определении себя в качестве представителей единого казачьего народа сторонники этой идентичности нередко упирают на факт самоидентификации: «Мне не важно, что я оренбургский казак, а он астраханский. Мы все — казаки. Мы единый народ, потому что мы так себя ощущаем» (запись автора в 2022 г. на научной конференции в Черкесске). Однако многие представители «этнических казаков» осознают, что за подобной самоидентификацией все-таки должна стоять некая культурная общность: «Себя не считаю вруном, родовой потомственный казак, прапрадед в своё время служил в Собственном Его Императорского Величества конвое, основным ядром которого были казаки из Терского и Кубанского казачьих войск, прадед участник Русско-турецкой войны 1877–78 гг., крестов их не ношу, в черкесску не наряжаюсь, а вот традиций и неписаных законов придерживаюсь» [Володин].

Именно с этими установками связаны характерные для «этнических казаков» стремления к конструированию (или еще точнее, по определению Э. Смита, к реконструированию) модели казачьей культуры, включающей традиционные виды поселений и жилищ, одежду, пищу, обрядовые практики, язык, религиозность и пр. Речь в данном случае должна идти о том, как видится представителям этого направления «казачьего возрождения» идеальная культурная модель, которую и нужно выстраивать в процессе развития движения. Особо подчеркну: вопросы рационального включения этой модели в современные реалии — далеко не обязательное условие возрождения этничности, так как она во многом строится именно на мифах и функционирует в первую очередь в сфере чувств.

Этнокультурные реконструкции современных казаков

В связи с необходимостью для возрождения наличия идеальной культурной модели сторонникам казачьей этничности необходимо определиться с так называемым Золотым веком — тем временем, когда эта идеальная модель господствовала. По словам В. А. Шнирельмана, образ отдаленного прошлого, с одной стороны, зависит от групповой идентичности, а с другой стороны, наделяет группу идентичностью [Шнирельман, 2010: 191].

В среде участников казачьего движения нет единогласия в определении Золотого века, но если реестровики в большей степени радеют за возрождение основ сословного периода казачьей истории, то «этническим казакам» гораздо больше импонирует, например, образ бывшего вольного Дона, связанного с «досословным временем», в котором, как им представляется, преобладало чисто этническое начало, не замутненное вмешательством Российского государства с последующим «обрусением» казаков. Зо-

лотой век рисуется веком расцвета казачьего этноса и нередко ассоциируется с Диким полем (ср.: название сайта «Дикое поле», казачья рок-группа «Дикое поле» и пр.).

Многие исследователи современного казачьего движения считают, что главной ошибкой современных казаков в процессе поиска Золотого века является отсутствие понимания, для каких целей они стремятся возродить ту или иную прежнюю традицию, какие потребности современного государства и общества такое возрождение удовлетворяет [Маркедонов]. Представляется, однако, что такая оценка связана с отмеченной выше тенденцией рассматривать современное казачье движение преимущественно как социальное. Если же обратиться к запросам «этнических казаков», то модель «Золотого века» в рамках их движения (как и в других современных этнических движениях) предстает в качестве мифологемы, а потому в рациональном обосновании (отвечать каким-либо нуждам общества и государства) не нуждается. Она призвана будить, скорее, чувства, чем мысли. Уйти в прошлое, представляющееся (а не являющееся) идеальным — такова стратегия этнических групп, испытывающих адаптационные проблемы в современном обществе, по мнению современных этнологов — сторонников инструменталистского подхода в определении этничности. И эта стратегия направлена на удовлетворение вполне реальных нужд самой этнической группы, осуществляемое, впрочем, иногда в несколько иррациональных (или символических) формах. Собственно определенная иррациональность современных стратегий и тактик казачьего движения лишний раз свидетельствует в пользу наличия в нем сильнейшего этнического импульса.

И именно перед «этническими казаками» (не скованными жесткими организационными формами и законодательством) открылись широкие горизонты поиска образа Золотого века, к которому необходимо прийти в конце пути, а также связанной с ним культурной моделью. Поиск этого образа, определение его границ (а, значит, и границ самой группы) осуществляется активно, с использованием различных маркеров: исторических, религиозных, культурных, лингвистических.

Если говорить об исторических (хронологических) границах этого Золотого века, то уже с первых лет движения наблюдалась тенденция к удревнению казачьей истории (а, значит, и к расположению Золотого века в глубокой древности, вплоть до Античности [Сборник, 2005: 85–88] на фоне общего повышенного интереса к этногенезу своей группы. Автору этой статьи неоднократно приходилось выслушивать со стороны «этнических казаков» сетования по поводу того, что ученые либо плохо и медленно решают эти вопросы, либо «задвигают» проблему не в то русло, отказывая казакам в древнем и «благородном» происхождении. Именно этими обстоятельствами объясняется и повышенный интерес современных казаков (особенно в самом начале движения) к книгам Е. П. Савельева (связывавшего этногенез донских казаков с разными народами древности и Раннего Средневековья), и к трудам казаков-эмигрантов, сторонников концепции «Казакии» и пр. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что в последнее десятилетие (не без усилий научного сообщества) все большее число «этнических казаков» занимает более взвешенную позицию в этом вопросе, и на сегодняшний день, соглашаясь с тем, что источники не позволяют увести казачью исто-

рию далее XVI в., с особой страстностью подвергают критике так называемую «бегло-холопскую» теорию происхождения казаков.

Стремление к воссозданию Золотого века казачества было связано и с поисками вполне конкретных форм (и территорий) для его воплощения. В этом направлении казачье движение прошло долгий путь от крайнего казачьего национализма и сепаратизма (с намерением создать казачье государство с собственным «казачьим присудом») до призывов строить казачьи этнопоселения и, наконец, создания этнических сообществ, объединяющей площадкой для которых служит интернет-пространство.

Активную деятельность ведут некоторые из «этнических казаков» и в сфере возрождения и сохранения языка. Здесь полемика ведется в широких рамках: от одиозного определения «казачьего языка» в качестве древнейшего (связанного с санскритом, рунами) до признания казачьих говоров (называемых — *гутар/гутор*, *бала́чка*) диалектами и постановки задач борьбы за обретение ими статусов самостоятельных языков [Заметки о казачьем языке]. И то, и другое представляет собой образцы современного этнолингвистического конструирования, в связи с чем становится понятным особый интерес некоторых из числа «этнических казаков» к опыту израильтян и их работе по созданию иврита [Гутор и иврит...].

В реальной практике продолжается (основанная еще в начале XX в.) организация энтузиастами лингвистических экспедиций в места компактного проживания казаков, создаются и издаются словари казачьих говоров. «Этнические казаки» настаивают на сохранении своих диалектов, воспринимая их как одну из форм «своего национального самоопределения» [Казаки. Национальный акцент]. Некоторые участники движения пытались обосновать наличие особого казачьего языка, отличного от русского. Особенно активно пропагандировал «национальный казачий язык» журнал «Казарла» (публиковавший материалы по его грамматике, разговорники и пр.), но при этом на страницах журнала звучали призывы не выдумывать новый язык, а вести системную работу по воссозданию языка казаков начала XX в. [Капустин, 2011: 44–49].

На ранних этапах формирования казачьего «возрожденческого» движения активно обсуждался и вопрос о религиозности казаков, высказывались мысли об их обязательной принадлежности к православию и воцерковленности. По оценке специалистов, принадлежность к православию являлась частью казачьей идентичности, она манифестировалась в ключевых документах движения [Программа].

Однако в среде общественников, не подчиняющихся уставам реестровиков, идея религиозности воспринималась не столь однозначно. Здесь вновь осуществляются поиски глубокой древности христианских традиций среди казаков, представляющие собой очередные практики современного мифотворчества. В некоторых популярных изданиях донские казаки определялись как древние христиане, христианская традиция на Дону исчислялась с I в. новой эры и связывалась с Андреем Первозванным (якобы крестившим «предков казаков») [Казачья вера].

Вместе с тем «этнические казаки» справедливо подняли вопрос о том, что исторически сложились казачьи группы, не связанные с православием, например, казаки-калмыки-буддисты, казаки-старообрядцы и пр. Проблема религиозной принадлежности «истинных» казаков обостренно обсуждалась в сети Интернет: «Вы тут что-то про христи-

анство говорили?! О православии!? Так вот, казаки не все православные, есть и старoverы. И иные христианские церкви. Кому-то это просто традиция, а сам он атеист. Я так вообще язычник!!! Хотя мой прадед основал станицу Баканку» [Выводим формулу...].

Действительно, со временем в ряды казаков стала проникать и идеология неоязычества (*родноверие, старoverие, правая вера* и пр.), представлявшая собой симбиоз различных религиозных догм и практик, музыкальных стилей, спортивных секций и альтернативных трактовок истории [Неоказачество и неоязычество]. Что касается последнего, то в казачьем неоязычестве просматривается, например, тяготение к образам и символам антибольшевистского движения (создание в Ставрополье «Волчьей сотни» и ношение одежды с изображением волчьей головы — символики «Волчьей сотни» атамана А. Г. Шкуро) [Казаки зачищают...]. Типичное для язычества почитание героев, культ силы стали проникать в некоторые слои казачьей молодежи. С другой стороны, казаки-неоязычники проявляют повышенный интерес к украинским (запорожским) казакам-характерникам, обладавшим, согласно многочисленным легендам, особыми колдовскими способностями и применявшими их в военном деле. Так, в 2000 г. на Юге России возникло сообщество «Характерное казачество», называвшее себя «духовным орденом неоязычества», с показательным названием подборки своих песен — «Щит Перуна» [Казаки зачищают...].

Классическим примером современного воинско-религиозного конструкта может быть и так называемый «Казачий спас» — разработанная современными казаками система выживания в экстремальных ситуациях (с отсылками к древним казачьим традициям) и включающая в себя комплекс практик (танцы, боевые навыки) и вербальные составляющие (заговоры, молитвы и пр.) [Казачий спас]. «Казачий спас» преподносится его адептами как присущая казакам с древности собственная эзотерическая система знаний, представляющая на деле вполне современную смесь псевдоарийских традиций, секретов легендарных казачьих колдунов-характерников, различных языческих практик и православных молитв.

Как часть древних воинских традиций преподносились некоторыми адептами казачьей этничности в начале 2000-х гг. и казачьи боевые искусства, которые пытались вывести из традиций скифов и сарматов (например, абсолютно мифический «казбой» и др.) [Ерашов, Задунайский, 2003]. Однако позднее эти конструкты были вытеснены вполне традиционными видами казачьего спорта (кулачный бой, борьба, владение клинком и пикой, джигитовка, скачки и пр.).

Воинские традиции, составляющие основу не только социальной, но и этнической самобытности казаков, в равной степени широко используются в программах «возрождения» и реестровиками, и сторонниками казачьей этничности. Однако, если первые привязывают их к таким формам «государственной службы», как патрулирование, служение в российской армии и пр., то последние, прекрасно понимая несуразность соединения практик, например, «нагаечного боя» с современной технической оснащённостью силовых структур, предлагают преобразовать традиционные практики подготовки казаков-воинов в современные казачьи игры. При этом они особо отмечают, что последние нацелены на сохранение этнической идентичности и культуре современных казаков [Культурный ландшафт].

Комплекс игр и состязаний в сочетании другими с элементами казачьих традиций получил название этнических игр; они стали одним из ключевых брендов этнического движения, находя воплощение во множестве мероприятий и организаций: Федерация казачьих воинских искусств «Шермиции», казачьи игры «Степная вольница», Федерация рубки шашки, чемпионат по рубке шашкой «Пластуновская казарла», конкурс авторского клинка, национальные казачьи игры «Георгиевские шеремииции», конкурс мастеров-оружейников на звание лучшего изготовителя шашек и пр. [К теме о национальном виде спорта ...]. Большой популярностью у ценителей казачьих традиций пользуются конно-спортивные клубы [Конный клуб «Станица Вольная»].

Немало усилий прилагают «этнические казаки» и в сфере конструирования образов материальной казачьей культуры. Так, члены организации «Казарла» выступали с инициативой создания современных казачьих поселений (курений, станиц), основанных на духе братства и общинности. Представители «Черноморской казарлы» предлагали вернуть исторические наименования казачьим поселениям и административно-территориальным образованиям на территории Кубани: «...на карте Кубани должна появиться станица Уманская вместо Ленинградской, станица Поповичевская — вместо Калининской... Восстановить наименования улиц, площадей, парков и скверов, которые носили имена казаков, внесших большой вклад в развитие Кубани и России» [Конференция «Черноморской казарлы»]. Донские казаки выступают против наименования станиц и хуторов словом «поселение».

«Будителями» и основоположниками всплеска интереса к этническим казачьим традициям были городские фольклористы, проводившие во второй половине XX в. фольклорные экспедиции в местах исторического проживания казаков. Именно их деятельность привела к созданию в этих местах, а также в городской среде массы самостоятельных коллективов, ориентированных на аутентичное исполнительство казачьего фольклора. Возрождение в 1980-х гг. казачьей песни в рамках фольклорного молодежного движения стало толчком к пробуждению угасающей казачьей идентичности и начальной точкой «казачьего возрождения». Однако большинство исследователей этого движения игнорируют это обстоятельство, начиная отсчет от организационных мероприятий. И лишь немногие из числа ученых-казачеведов выделяют в качестве начального этапа этого движения фольклорный» [Рудиченко, 2010: 136–146], называемый Э. Хобсбаумом на примере других этнических движений также сентиментальным [Хобсбаум, 1999: 127].

Одной из форм обмена опытом и популяризации казачьего фольклора в конце XX — начале XXI в. стали концертная деятельность и фестивальное движение (фестивали «Шолоховская весна», «Покрова на Дону», «Играет песня над Доном», «Казачий круг», «Станица», «Золотой щит», «На речке Камышинке» и др.). Став мощным инструментом пробуждения и поддержания этнической идентификации казаков, фольклорное движение долгое время оставалось во многом сценической презентацией культурного прошлого. Однако активное вхождение фольклорно-этнографических коллективов в пространство сети Интернет привело к расширению их возможностей для популяризации песенных казачьих традиций. Многие песенные коллективы стали параллельно заниматься изучением и популяризацией и других элементов традиционной казачьей культуры.

Одним из знаков этнического направления движения казаков стал, например, казачий курень. Распространенный лишь на части территории Области войска Донского (ниже устья реки Медведицы) этот тип жилища стал восприниматься и популяризироваться этническими казаками как общеказачий. Его бытование «этнические казаки» стали приписывать и другим казачьим группам (где в действительности его не было): терским, кубанским и астраханским казакам. В настоящее время термин «казачий курень» широко используется и в качестве бренда: так называются рестораны, гостиницы, спортивно-оздоровительные комплексы, турбазы, культурные комплексы и пр., расположенные в самых разных регионах России. В то же время «курением» у запорожских казаков называлось объединение казаков. Эта традиция стала основой для наименования куренями различных современных сообществ «этнических казаков»: «Чеботарев курень», ресурсный центр «Казачий курень» при Фатежском районном доме народного творчества (Курская область), государственный ансамбль российского казачества, а также фестиваль казачьей культуры «Казачий курень» и пр.

Что касается народного костюма, то в противовес реестровикам использующим официально утвержденную военизированную форму, «этнические казаки» тщательно реконструируют образцы собственно народного казачьего костюма, пропагандируя его, как в интернете, так и в сценической деятельности. При этом показательно, что в своих реконструкциях они нередко делают упор на те комплексы одежды, в которых отражены в большей степени иноэтничные (не русские) традиции, или же воспроизводятся поздние тенденции городской моды. Так, при использовании донскими казачьими фольклорными коллективами женского комплекса с кубельком (имевшем восточные корни) до настоящего времени почти не используется комплекс с русским сарафаном (и русскими же головными уборами), широко бытовавший в поселениях верховых донских казаков до конца XIX в. Конструируя мужской народный костюм донских казаков, например, коллектив «Спалох» широко использовал кавказские мотивы. Все эти практики были призваны подчеркнуть самобытность казачьей традиции и ее независимость от русской культуры.

Справедливости ради стоит отметить, что в последнее время отдельные сообщества «этнических казаков» (группы ВКонтакте «Грушица», «Чеботарев курень», «Таблак», «Мы казачки», «Меланья» и др.) демонстрируют стремление к осуществлению подлинных исторических и этнографических реконструкций элементов материальной культуры казаков России. Некоторые сообщества «этнических казаков» активно популяризируют именно русские корни казачьих традиций («Белый камень» и др.).

Заключение

Процесс «казачьего возрождения», начавшийся еще в середине 1980-х гг., представляет собой неоднородное движение, включающее в себя сторонников возрождения казачества как социального организма, а также тех, кто ратует за возрождение единого казачьего народа. Неоднородность казачьего движения, а также поиск казаками своей групповой идентичности нашли отражение в терминах их самоидентификации. Казаки, называемые внешними наблюдателями «общественниками», для самоназвания используют термины, фиксирующие их этническую принадлежность к некоей единой казачьей группе российских казаков, провозглашаемой либо этно-

сом, либо субэтносом в составе русского народа (*этнические, родовые, потомственные казаки, казарла и пр.*).

В попытках определения своего места в этнокультурном пространстве современной России «этнические казаки» конструируют образы и символы своего движения, имеющие именно этнические характеристики, опираясь при этом либо на реальную традиционную культуру российских казаков, либо на создаваемые ими мифологемы. Они занимаются, например, поисками Золотого века, определяя его в дословном периоде казачьей истории. В соответствии с этим образом выстраиваются и символические границы группы, определяющие, например, казачью религиозность либо как чистое православие, либо с примесью язычества («веры праотцов»), традиционную культуру как скорее нерусскую, с преобладанием тюркских и кавказских элементов, что позволяет подчеркнуть ее самобытность. В процессах мифотворчества широко используются языческие практики, отсылки к древним временам, утверждения о наличии особого казачьего языка и пр.

Однако в последнее время все более прочные позиции среди конструкторов современной казачьей этничности занимают те, кто позиционирует казачью культуру как часть общерусской и ориентирован на бережное возрождение и популяризацию реально существовавших, но утраченных традиций.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации Госзаказа Южного научного центра РАН «Население Нижнего Дона в межатнических и межкультурных коммуникациях: история и современность» (№ проекта АААА-А20–120122990111–9), а также в ходе работы над проектом «Этнокультурные традиции русских: общероссийский и ареальные аспекты» кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Водолацкий В. П., Озеров, Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. Ростов-на Дону : ИМЦ «Дончак», 2006. 89 с.

Володин А. Современное казачество России: «ряженная сотня» или опора для народа // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/24386-sovremennoe-kazachestvo-rossii-ryazhenaya-sotnya-ili-opora-dlya-naroda.html> (дата обращения: 22.03.2023).

Выводим формулу ряженных казаков // Казаки. Российское казачество. URL: https://vk.com/wall-35933299_177154 (дата обращения: 02.03.2023).

Гутор и иврит: опыт возрождения // Донской телеграфъ. URL: <https://vk.com/@donlandtelegraph-gutor-i-ivrit-opyt-vozhrozhdeniya> (дата обращения: 02.03.2023).

Ерашов В. А., Задунайский В. В. Пособие по казачьему боевому искусству. Ростов-н/Д. : НПК «Гефест», 2003. 139 с.

Заметки о казачьем языке // Казачий национальный портал. URL: https://cossack.su/article/read/zametki_o_kazachjem_zjazyke.html (дата обращения: 17.01.2023).

К теме о национальном виде спорта донских казаков // Дикое поле. URL: https://dikoeполе.com/2010/07/27/kazboy_01 (дата обращения: 13.05.2021).

КазакИ // Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/nations/kazaki/> (дата обращения: 01.03.2023).

КазакИ зачищают оборотней в лампах // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/problems/2013-08-21/5_kazaki.html (дата обращения: 01.03.2023).

Казарла — миф или реальность? Бум в Интернете // Ансамбль «Казачий Дюк». URL: <http://kazakimoskva.ru/kazarla-mif-ili-realnost-bum-v-internete> (дата обращения: 04.01.2023).

Казачий спас — уникальный навык предков // Читающим между слов... URL: <https://dzen.ru/a/YfaxEY0V72kXifr7> (дата обращения: 21.02.23).

Казачий спас // Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр». URL: https://kazak-center.ru/load/khronika_kazachestva/tradisii_kazachestva/kazachij_spas/13-1-0-532 (дата обращения: 21.02.2023).

Казачьи святые. Святой апостол Андрей Первозванный // Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр». URL: https://kazak-center.ru/news/kazachi_svjatye_svjatoj_apostol_andrej_pervozvannyj/2016-12-13-3222 (дата обращения: 21.02.2023).

Казачья вера // Школа Живы. URL: <http://my.mail.ru/community/zhiva> (дата обращения: 10.09.2020).

Капустин П. Проблемы сохранения гутара // Казарла. 2011. № 5 (12). С. 44–49.

Качанов И. В. КазакИ — национальность, сословие или состояние души!? Ставрополь: ИП Светличная, 2016. 60 с.

Конный клуб «Станица Вольная» // URL: <https://stanica-volnaya.ru> (дата обращения: 01.03.23).

Конференция «Черноморской казарлы» прошла в Новороссийске // Блокнот Новороссийск. URL: <https://bloknot-novorossiysk.ru/news/konferentsiya-chernomorskoy-kazarly-proshla-v-novo-1439550> (дата обращения: 01.03.2023).

Кузнецов Г. Казачья нация и ее вожди // Kazaki Prisuda. URL: <https://prisud.livejournal.com/14026.html> (дата обращения: 12.02.2023).

Культурный ландшафт для казаков // Эксперт. URL: <https://expert.ru/south/2015/39/kulturnyj-landshaft-dlya-kazakov/> (дата обращения: 12.02.2023).

Малышев С. Языческая подмена для православных казаков // Информационное агенство «Казачье единство». URL: <https://kazak-edinstvo.ru/2016/03/26/neoyazychestvo> (дата обращения: 22.02.2023).

Маркедонов С. Неоказачество на Юге России как политический проект // Полит. ру. URL: <https://polit.ru/article/2005/05/27/cossack/> (дата обращения: 12.01.2023).

Мы казакИ, а не русские // Донская казачья республика. URL: <http://milyutinskya-dkr.kazforum.net/t392-topic> (дата обращения: 12.03. 2020).

Неоказачество и неоязычество // Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр». URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_

inform/kazaki_i_vera/neokazachestvo_i_neojazychestvo/170-1-0-2284 (дата обращения: 12.01.2023).

Пикалов (Хвесюк) Д. Казачьи сообщества: виды и стратификация // Belorechensk.net. URL: <https://belorechensk.net/threads/11804> (дата обращения: 05.03.2023).

Рвачева О. В. Возрождение казачества Юга России в конце XX — начале XXI в. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2021. 390 с.

Рвачева О. В. Православие как культурный ресурс казачьего возрождения // Баталпашинские чтения — 2022: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Черкесск ; Карачаевск : КЧГУ, 2022. С. 294–299.

Рудиченко Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX — начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры : материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2010. С. 136–146.

Рыблова М. А. «Казачи возвращаются!»: История и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 278–285.

Рыблова М. А. Культурные коды современного движения «этнических казаков» // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: консервативные и инновационные ценности в эпоху цифровой культуры : сборник статей X Международной научно-практической конференции 5–7 декабря 2018 года. Махачкала, 2018. С. 177–181.

Рыблова М. А. Формы возрождения и конструирования этничности донских казаков в XX — нач. XXI в. // Этническая культура в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Плакат, 2020. Вып. 1. С. 66–69.

Рыблова М. А., Рвачева О. В. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 19–28.

Сборник Национального Совета донских казаков. Ростов-на-Дону: Птица, 2005. 128 с.

Усвяткова Д. Казачий Спас. Сила и свет знахарей Дона. СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. 320 с.

Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 480 с.

Шамбаров В. Е. Казачество: путь воинов Христовых. М. : Родина, 2021. 47 с.

Шнирельман В. А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 189–218.

REFERENCES

Erashov V. A., Zadunaiskii V. V. *Posobie po kazach'emu boevomu iskusstvu* [Manual on Cossack martial art]. Rostov-on-Don: NPK “Gefest”, 2003, 139 s. (in Russian).

Gutor i ivrit: opyt vrozozhdeniya [Gutor and Hebrew: the Experience of Rebirth]. *Donskoi telegraf* [Donskoy telegraph]. URL: <https://vk.com/@donlandtelegraph-gutor-i-ivrit-opyt-vozhzhdeniya> (accessed March 02, 2023) (in Russian).

K teme o natsional'nom vide sporta donskikh kazakov [Speaking about the topic of the national sport of the Don Cossacks]. *Dikoe pole* [Wild field]. URL: https://dikoepole.com/2010/07/27/kazboy_01 (accessed May 13, 2021) (in Russian).

Kapustin P. Problemy sokhraneniya gutara [Problems of preserving gutar]. *Kazarla* [Kazarla]. 2011. no. 5 (12). S. 44–49 (in Russian).

Kachanov I. V. Kazaki — natsional'nost', soslovie ili sostoyanie dushi!? [Cossacks — nationality, class or state of mind!?]. Stavropol: IP Svetlichnaya, 2016, 60 s. (in Russian).

Kazaki [Cossacks]. *Natsional'nyi aktsent* [National accent]. URL: <https://nazaccent.ru/nations/kazaki/> (accessed March 01, 2023) (in Russian).

Kazaki zachishchayut oborotnei v lampasakh [Cossacks clean up werewolves in lampas]. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta]. URL: <https://www.ng.ru/problems/2013-08-21/5-kazaki.html> (accessed March 01, 2023) (in Russian).

Kazarla — mif ili real'nost'? Bum v Internete [Kazarla — myth or reality? Boom on the Internet]. *Ansambli "Kazachii Dyuk"* [Ensemble "Cossack Duke"]. URL: <http://kazakimoskva.ru/kazarla-mif-ili-realnost-bum-v-internete> (accessed January 04, 2023) (in Russian).

Kazachii spas — unikal'nyi navyk predkov [Cossack saved — a unique skill of the ancestors]. *Chitayushchim mezhdu slov...* [Reading between words...] URL: <https://dzen.ru/a/YfaxEY0V72kXifr7> (accessed February 21, 23) (in Russian).

Kazachii spas [Cossack spas]. *Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya Ob'edinennaya redaktsiya kazach'ikh sredstv massovoi informatsii "Kazachii Informatsionno-Analiticheskii Tsentr"* [Interregional public organization "United Editorial Board of Cossack mass media "Cossack Information and Analytical Center"]. URL: https://kazak-center.ru/load/khronika_kazachestva/tradisii_kazachestva/kazachij_spas/13-1-0-532 (accessed February 21, 2023) (in Russian).

Kazach'i svyatye. Svyatoi apostol Andrei Pervozvannyi [Cossack saints. Saint Andrew the First-Called Apostle]. *Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Ob'edinennaya redaktsiya kazach'ikh sredstv massovoi informatsii "Kazachii Informatsionno-Analiticheskii Tsentr"* [Interregional public organization "United Editorial Office of the Cossack mass media "Cossack Information and Analytical Center"]. URL: https://kazak-center.ru/news/kazachi_svyatye_svjatoj_apostol_andrej_pervozvannyj/2016-12-13-3222 (accessed February 21, 2023) (in Russian).

Kazach'ya vera [Cossack faith]. *Shkola Zhivy* [Zhiva's School]. URL: <http://my.mail.ru/community/zhiva> (accessed September 10, 2020) (in Russian).

Khobsbaum E. *Vek kapitala. 1848–1875* [The Age of capital. 1848–1875]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1999, 480 s. (in Russian).

Konferentsiya "Chernomorskoi kazarly" proshla v Novorossiiske [The conference "Black Sea Barracks" was held in Novorossiysk]. *Bloknot Novorossiisk* [Bloknot Novorossiysk]. URL: <https://bloknot-novorossiysk.ru/news/konferentsiya-chernomorskoy-kazarly-proshla-v-novo-1439550> (accessed March 01, 2023) (in Russian).

Konnyi klub "Stanitsa Vol'naya" [Equestrian club "Stanitsa Volnaya"]. URL: <https://stanica-volnaya.ru> (accessed March 01, 23) (in Russian).

Kul'turnyi landshaft dlya kazakov [Cultural landscape for Cossacks]. *Ekspert* [Expert]. URL: <https://expert.ru/south/2015/39/kulturnyj-landshaft-dlya-kazakov/> (accessed February 12, 2023) (in Russian).

Kuznetsov G. Kazach'ya natsiya i ee vozhdii [The Cossack nation and its leaders]. *Kazaki Prisuda* [Kazaki Prisuda]. URL: <https://prisud.livejournal.com/14026.html> (accessed February 12, 2023) (in Russian).

Malyshev S. Yazycheskaya podmena dlya pravoslavnykh kazakov [Pagan substitution for Orthodox Cossacks]. *Informatsionnoe agenstvo "Kazach'e edinstvo"* [Information agency "Kazachje edinstvo"]. URL: <https://kazak-edinstvo.ru/2016/03/26/neoyazychestvo> (accessed February 22, 2023) (in Russian).

Markedonov S. Neokazachestvo na Yuge Rossii kak politicheskii proekt [Neokazachestvo in the South of Russia as a political project]. *Polit.ru* [Polit.ru]. URL: <https://polit.ru/article/2005/05/27/cossack/> (accessed January 12, 2023) (in Russian).

My kazaki, a ne russkie [We are Cossacks, not Russians]. *Donskaya kazach'ya respublika* [Don Cossack Republic]. URL <http://milyutinskya-dkr.kazforum.net/t392-topic> (accessed March 12, 2020) (in Russian).

Neokazachestvo i neoyazychestvo [Neocossacks and neopaganism]. *Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Ob'edinennaya redaktsiya kazach'ikh sredstv massovoi informatsii "Kazachii Informatsionno-Analiticheskii Tsentr"* [Interregional public organization "United Editorial Office of the Cossack mass media "Cossack Information and Analytical Center"]. URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/kazaki_i_vera/neokazachestvo_i_neoyazychestvo/170-1-0-2284 (accessed January 12, 2023) (in Russian).

Pikalov (Khvesyuk) D. Kazach'i soobshchestva: vidy i stratifikatsiya [Cossack communities: types and stratification]. *Belorechensk.net* [Belorechensk.net]. URL: <https://belorechensk.net/threads/11804> (accessed March 05, 2023) (in Russian).

Rudichenko T. S. Traditsionnaya kul'tura donskikh kazakov i sotsial'nye protsessy kontsa XX — nachala XXI veka [Traditional culture of the Don Cossacks and social processes of the late XX — early XXI century]. *Vtorichnye formy traditsionnoi narodnoi kul'tury: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Traditional culture of the Don Cossacks and social processes of the late XX — early XXI century]. Krasnodar, 2010. S. 136–146 (in Russian).

Rvacheva O. V. *Vozrozhdenie kazachestva Yuga Rossii v kontse XX — nachale XXI v.* [The revival of the Cossacks of the South of Russia in the late XX — early XXI century]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2021. 390 s. (in Russian).

Rvacheva O. V. Pravoslaviye kak kul'turnyi resurs kazach'ego vozrozhdeniya [Orthodoxy as a cultural resource of the Cossack renaissance]. *Batalpashinskie chteniya — 2022: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Batalpashin readings — 2022: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Cherkessk-Karachaevs: KChGU, 2022. S. 294–299 (in Russian).

Ryblova M. A. Formy vozrozhdeniya i konstruirovaniya etnichnosti donskikh kazakov v XX — nach. XXI v. [Forms of revival and construction of ethnicity of the Don Cossacks in the XX — beginning. XXI century]. *Etnicheskaya kul'tura v sovremennom mire: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnic culture in the modern world: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary: Plakat, 2020. Issue 1. S. 66–69 (in Russian).

Ryblova M. A. "Kazaki vozvrashchayutsya!" : Istoriya i sud'ba odnoi nauchnoi teorii ["The Cossacks are coming back!": The history and fate of one scientific theory]. *Kazachestvo:*

proshloe i nastoyashchee [Cossacks: past and present]. Issue 3. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2010. S. 278–285 (in Russian).

Ryblova M. A. Kul'turnye kody sovremennogo dvizheniya “etnicheskikh kazakov” [Cultural codes of the modern movement of “ethnic Cossacks”]. *Dialog kul'tur i dialog v polikul'turnom prostranstve: konservativnye i innovatsionnye tsennosti v epokhu tsifrovoy kul'tury: Sbornik statei X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 5–7 dekabrya 2018 goda* [Dialogue of cultures and dialogue in the multicultural space: conservative and innovative values in the era of digital culture: Collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference December 5–7, 2018]. Makhachkala: 2018. S. 177–181 (in Russian).

Ryblova M. A., Rvacheva O. V. Sposoby i obrazy samoidentifikatsii donskikh kazakov [Methods and images of self-identification of the Don Cossacks]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations]. 2009, no. 1. S. 19–28 (in Russian).

Sbornik Natsional'nogo Soveta donskikh kazakov [Collection of the National Council of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: Ptitsa Publ., 2005, 128 s. (in Russian).

Shambarov V. E. *Kazachestvo: put' voinov Khristovykh* [Cossacks: the Way of the Soldiers of Christ]. Moscow: LLC Rodina Publ., 2021, 47 s. (in Russian).

Shnirel'man V. A. Prezidenty i arheologiya, ili chto ishchut politiki v drevnosti [Presidents and archeology, or what politicians are looking for in antiquity]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of the Russian Nation]. 2010, no. 1–2. S. 189–218 (in Russian).

Usvyatova D. *Kazachii Spas. Sila i svet znakharei Dona* [Cossack Saved. The power and light of the healers of the Don]. SPb.: Praim-Evroznak Publ., 2007, 320 s. (in Russian).

Vodolatskii V. P., Ozerov, Kiblitiskii A. G. *Vozrozhdenie: pervyi krug kazakov Dona* [Revival: the First Circle of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: IMTs “Donchak”, 2006, 89 s. (in Russian).

Volodin A. Sovremennoe kazachestvo Rossii: “ryazhenaya sotnya” ili opora dlya naroda [Modern Cossacks of Russia: “mummers hundred” or support for the people]. *Voennoe obozrenie* [Military review]. URL: <https://topwar.ru/24386-sovremennoe-kazachestvo-rossii-ryazhenaya-sotnya-ili-opora-dlya-naroda.html> (accessed March 22, 2023) (in Russian).

Vyvodim formulu ryazhennykh kazakov [Deriving the formula of the costumed Cossacks]. *Kazaki. Rossiiskoe kazachestvo* [Cossacks. Russian Cossacks]. URL: https://vk.com/wall-35933299_177154 (accessed March 02, 2023) (in Russian).

Zapis' avtora v 2022 g. na nauchnoi konferentsii v g. Cherkesske [The author's entry in 2022 at a scientific conference in Cherkessk] (in Russian).

Zametki o kazach'em yazyke [Notes on the Cossack language]. *Kazachii natsional'nyi portal* [Cossack National Portal]. URL: https://cossack.su/article/read/zametki_o_kazachjem_zjazyke.html (accessed January 17, 2023) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 27.03.2023

Принята к публикации: 24.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 069.014 + 008: 332 (571.1)

DOI: 10.14258/nneur(2023)2–07

А. С. Алексеева

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово (Россия)

А. В. Горбатов

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия),

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ЦЕРКОВНЫЕ МУЗЕИ И ПРАВОСЛАВНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Становлению церковного музея способствовало развитие церковно-исторической науки, а также включение в культуuroохранную деятельность просвещенного духовенства и научной интеллигенции. Формирование во второй четверти XIX в. государственной системы охраны памятников вызвало необходимость развития памятникоохранительного движения РПЦ. Для сохранения и трансляции православного историко-культурного наследия повсеместно открываются церковные музеи. На рубеже XIX — первой четверти XX в. Святейший правительствующий Синод издал ряд указов, направленных на сохранение наследия церкви, а также на развитие и расширение церковных музеев на территориях, где большинство населения исповедовало православие. Волна повсеместного открытия музеев, подведомственных РПЦ, в том числе музеев Сибири, приходится на первую четверть XX в. Церковными музеями Сибири формировались собрания, не только отражающие развитие РПЦ в регионе, но и быт и культуру местного коренного населения.

После захвата власти большевиками в России церковные музеи были практически повсеместно ликвидированы, а коллекции распределены между хранилищами государственных музеев или уничтожены. Подобная участь постигла коллекции Тобольского древлехранилища, собрание же Томского церковно-археологического музея исчезло практически бесследно. Только музей Обдорской духовной миссии за счет собрания

краеведческого характера, вызывающего большой интерес среди исследователей Сибири, смог интегрироваться в музейную государственную сеть и продолжить свою деятельность. В процессе ликвидации и ограбления церквей и монастырей, изъятия властями церковных ценностей и колоколов, православному культурному наследию был нанесен серьезный ущерб. Последующая в послевоенный период либерализация государственно-церковных отношений дала толчок открытию церквей и, соответственно, духовных заведений, при трех из них возобновили свою деятельность церковно-археологические кабинеты. На территории Западной Сибири восстановления деятельности музеев РПЦ не было, так как открытия православных семинарий в советский период, согласно церковной политике государства, здесь не планировалось. С ренессансом православия в конце 1980-х гг. наблюдается поступательное возрождение и становление церковных музеев. В Западной Сибири современные церковные музеи получают свое постепенное развитие только с начала XXI в.

Ключевые слова: вероисповедная политика, Русская православная церковь, церковный музей, православное историко-культурное наследие.

Цитирование статьи:

Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Церковные музеи и православное культурное наследие в Западной Сибири в контексте вероисповедной политики государства // Народы и религии Еразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 142–153. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–07.

L. S. Alekseeva

Kemerovo State University of Culture, Kemerovo (Russia)

A. V. Gorbatov

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia), Altai State University, Barnaul (Russia)

CHURCH MUSEUMS AND CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS POLICY IN WESTERN SIBERIA

The formation of the church museum was facilitated by the development of church history, as well as the inclusion of enlightened clergy and scientific intelligentsia in the cultural protection activities. The formation in the second quarter of the 19th century of the state system of protection of monuments necessitated the development of the monument protection movement of the Russian Orthodox Church. Church museums are being opened everywhere to preserve and broadcast the Orthodox historical and cultural heritage. At the turn of the 19th — the first quarter of the 20th century, the Holy Governing Synod issued a number of decrees aimed at preserving the heritage of the Church, as well as at developing and expanding church museums in areas where the majority of the population professed Orthodoxy. A wave

of widespread opening of museums subordinate to the Russian Orthodox Church, including museums in Siberia, falls on the first quarter of the 20th century. Church museums in Siberia formed collections not only reflecting the development of the Russian Orthodox Church in the region, but also the life and culture of the local indigenous population.

After the seizure of power by the Bolsheviks in Russia, church museums were liquidated almost everywhere, and the collections were distributed among the repositories of state museums or destroyed. A similar fate befell the collections of the Tobolsk ancient storage, while the collection of the Tomsk Church and Archaeological Museum disappeared almost without a trace. Only the museum of the Obdorsk spiritual mission, due to the collection of local history, which is of great interest among the researchers of Siberia, was able to integrate into the museum state network and continue its activities. In the process of liquidation and robbery of churches and monasteries, the seizure of church valuables and bells by the authorities, the Orthodox cultural heritage was seriously damaged. The subsequent liberalization of state-church relations in the post-war period gave impetus to the opening of churches, and, accordingly, spiritual institutions, under three of which, church-archaeological offices resumed their activities. On the territory of Western Siberia, there was no restoration of the activities of the museums of the Russian Orthodox Church, since the opening of Orthodox seminaries in the Soviet period, according to the church policy of the state, was not planned here. With the Renaissance of Orthodoxy in the late 1980s, there is a progressive revival and formation of church museums. In Western Siberia, modern church museums are gradually developing, starting only from the beginning of the 21st century.

Keywords: religious policy, Russian Orthodox Church, church museum, Orthodox historical and cultural heritage.

For citation:

Alekseeva L. S., Gorbatov A. V. Church museums and cultural heritage in the context of religious policy in Western Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 2. P. 142–153. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–07.

Алексеева Лариса Сергеевна, кандидат культурологии, специалист научного управления Кемеровского государственного института культуры, преподаватель кафедры теологии и религиоведения, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** alekslora@mail.ru.
Горбатов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия). Ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** gorn1965@yandex.ru.
Alekseeva Larisa Sergeevna, candidate of cultural studies, researcher of the Scientific Department of the Kemerovo State Institute of Culture, lecturer of the Department of Theology and Religious Studies of the Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo (Russia). **Contact address:** alekslora@mail.ru.

Gorbatov Alexey Vladimirovich, doctor of historical sciences, professor of the Department of General History and International Relations of Kemerovo State University, Kemerovo

(Russia). Leading Researcher, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** gorb1965@yandex.ru.

Введение

В течение нескольких столетий Русская православная церковь занимает лидирующие позиции в культурном пространстве страны. И сегодня она, транслируя историко-культурные ценности, вносит значительный вклад в формирование духовно-нравственного возрождения граждан страны. Сохранение наследия, которое выражается в памятниках истории, архитектуры, икон и других предметов малых форм, является одной из первостепенных задач РПЦ. Использование музейных средств способствует актуализации православного историко-культурного наследия РПЦ. Церковные музеи, бурный рост которых наблюдается на современном этапе, не являются исключением, так как РПЦ с древних времен накапливает и сохраняет памятники, содержащие в себе и духовную и историческую информацию. Большую роль в становлении и успешной деятельности церковных музеев играет отношение к ним духовенства и общества. Регулированию распространения сети церковных музеев способствует и вероисповедная политика государства. Так, поддерживаемое в XIX в. правительством памятникоохранительное движение способствовало изданию Св. Синодом ряда указов, направленных на сохранение церковных древностей, а также последующей организации в структуре РПЦ ряда научных обществ, комиссий и церковных музеев [Церковные вести, 1882: 95; Церковные ведомости, 1903: 75].

Первые церковные музеи в России появились во второй половине XIX в., однако виток массового открытия наблюдается в первой четверти XX в.: так, если в конце XIX в. насчитывалось 16 музеев, то к 1917 г. их действовало около 70. Музеи открывали на базе епархий, духовных образовательных учреждений, православных братств, церковно-археологических обществ и комиссий, а также храмов и монастырей [Алексеева, 2022: 92–93]. На основе архивных документов, материалов периодической печати и исследований отечественных специалистов представлена попытка анализа развития церковных музеев и состояния православного историко-культурного наследия в Западной Сибири в контексте религиозной политики Российского государства. Настоящее исследование не претендует на исчерпывающее освещение темы, а лишь ставит определенные акценты, которые могут открыть перспективы дальнейшего ее изучения.

В Сибири становление церковных музеев приходится на первую четверть XX в. Первые церковные музеи были открыты в Тобольской епархии в составе миссионерских братств имени великомученика Димитрия Солунского (26.10.1902) в Тобольске и святого Гурия Казанского (1904) в Обдорске (Салехард). Открытию Тобольского церковного музея способствовала скрупулезная работа Братства свт. Димитрия Солунского по мониторингу церковного наследия, хранящегося в храмах в пределах епархии. На основе полученных сведений при организации древлехранилища был проведен отбор памятников, имеющих историко-культурную и художественную ценность.

Основным источником поступления стал Софийский кафедральный собор, из которого протоиереем Н. Д. Скосыревым было выдано 98 вещественных и 328 письменных

источников [Алексеева, 2022: 105]. Отметим, что до открытия Тобольского древлехранилища при Софийско-Успенском соборе существовала ризница (помещение для хранения неиспользуемой богослужебной утвари), в которой происходило скопление памятников церковной старины. Вероятно, эта ризница имела закрытый характер, однако почетные гости епархии и собора могли ее посещать, что подтверждается статьей ключаря собора Н. Скосырева в Тобольских епархиальных ведомостях от 1890 г. [Скосырев, 1890: 506–507].

Формирование коллекции первоначально происходило из храмовых собраний и личных вкладов, которая включала в себя вещественные (предметы церковной утвари, священнические облачения, предметы церковного искусства) и письменные (богослужебные книги, рукописи, церковные архивы, неопубликованные труды, связанные с историей Сибири, записки отдельных лиц, планы и фотографии церквей и т. д.) артефакты. Поступавшие предметы преимущественно имели церковное содержание, древних и представляющих археологическую ценность памятников практически не было, что объяснялось отчасти сравнительно более поздним распространением православия, небольшим количеством населения, по сравнению с европейской частью страны, и неразвитостью церковной инфраструктуры в Сибири.

Однако среди прочего на хранение в новосозданное учреждение были переданы памятники царского и патриаршего внимания к первому архиепископу Сибирскому и Тобольскому Киприану: архиерейский жезл, «обложенный темно-зеленым бархатом с серебряным золоченым верхом, на котором вычеканено: «патриарх Филарет», и серебряный золоченый крест... на рукояти которого сделана надпись: повелением великого Государя царя и великого князя, всея России Самодержца, Михаила Феодоровича и отца его, патриарха Филарета Никитича, преосвященному Киприану 7129 (1620) года» [Юрьевский, 1913: 81–86, 109–115], серебряный потир и другие предметы, датируемые XVII–XIX вв. и т. д.

Учредители древлехранилища не предполагали такого огромного стечения памятников. Отведенное помещение, состоящее из одной комнаты, оказалось мало для размещения всех экспонатов. На момент открытия собрание древлехранилища насчитывало 908 единиц хранения, вмещающих в себя вещественные и письменные памятники [Тобольское древлехранилище, 1902–1903: 34–42]. Поступающие предметы вносились в хронологическую опись, так, например, рукопись конца XVIII в. с описанием трех чудотворных икон Тобольской епархии значится под номером 326, а «Соборник», написанный полууставом и скорописью XVII в., имеет номер 271 [Юрьевский, 1902: 447–464]. До открытия Тобольского древлехранилища, со слов его хранителя, в России действовало 16 церковных музеев, с более скромным фондовым составом и финансированием. Таким образом, можно было уверенно говорить о хороших перспективах этого древлехранилища на фоне других действующих музеев. Торжественное открытие его состоялось 26 октября 1902 г. (по ст. ст.), в день памяти заступника Братства — святого Димитрия Солунского. Накануне торжеств состоялся праздничный молебен с чином водоосвящения, в котором использовались музейные предметы: во время обряда освящения воды применялся крест — подарок царя Михаила Феодоровича первому сибирскому архиерею, а Евангелие прочитано по старопечатной книге, изданной

в 1648 г. [Алексеева, 2022: 105]. В связи с этим можно отметить, что предметы, попадая в музейное собрание, не утрачивали своего прямого религиозного назначения. Для популяризации и распространения теологически-краеведческих исследований, проводимых священством, выпускался журнал с одноименным названием «Тобольское церковное древлехранилище» тиражом каждого выпуска 500 экз. Активная экспозиционно-выставочная и издательская деятельность была известна и в центральной части России, что способствовало расширению фондов за счет обмена предметов и книг церковно-исторического характера между музеем и научными обществами.

В 1913 г. ряд мемориальных предметов, связанных с императорским Домом Романовых, по ходатайству президента Императорской Академии художеств и организатора выставки великой княгини Марии Павловны перед Тобольским священноначалием, был отправлен на выставку в Санкт-Петербург в рамках торжеств, посвященных празднованию 300-летия царствования Дома Романовых [Отчет о деятельности Братства, 1912–1913: 23].

В итоге Тобольское древлехранилище просуществовало 15 лет, к началу 1918 г. его собрание насчитывало более 2200 предметов. Сотрудники древлехранилища комплектовали фонды, вели научно-исследовательскую деятельность (что подтверждается большим количеством публикаций), проводили экскурсии для различных категорий населения и представителей разных конфессий и т. д. В годы революции часть музейных фондов была разграблена, а сохранившиеся древности и рукописи в 1925 г. по решению городских властей были переданы в Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник и Государственный архив г. Тобольска.

Второй музей, основанный в составе миссионерского братства, открыт в Обдорске (Салехард). В 1904 г. при Обдорской духовной миссии создано Братство во имя святого Гурия Казанского. Для организации культурно-просветительской работы среди братчиков и населения руководителем братства игуменом Иринархом (Шемановским) в 1906 г. было открыто «Хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера», которое разместилось в двух комнатах бывшего дома купца В. А. Оленева. Перед Обдорским музеем ставились задачи, которые способствовали изучению миссионерами края, быта и обычаев местного населения. По фондовому содержанию музей относился больше к краеведческому профилю: коллекция вмещала в себя собрание предметов быта и религиозного культа таежного традиционного народа, библиотеку по изучению Севера Сибири, естественно-историческую и зоологическую коллекции. В связи с переводом в 1910 г. игумена Иринарха (Шемановского) в Тверь руководителем музея был назначен местный житель П. А. Первов, который стал первым светским директором церковного музея в дореволюционный период. Вероятно, благодаря своей многопрофильности и светскому руководству музей Обдорской духовной миссии смог адаптироваться и продолжить свою деятельность в условиях смены власти в XX в. Сегодня он трансформирован в Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского [Алексеева, 2022: 107–108].

В Томске активная деятельность по сбору и формированию музейных коллекций, а также организации музейного пространства наблюдается в 1916 г. Становлению музея способствовала работа историко-археологического общества, в структуре которо-

го и формировалось древлехранилище. Для размещения будущего музейного собрания и работы с архивными документами епископом Анатолием (Каменским) была предоставлена комната в епархиальном доме [Алексеева, 2022: 108–109]. Формирование древлехранилища было поручено протоиерею Сергию Дмитриевскому, который неоднократно через церковные периодические издания (Томские епархиальные ведомости) обращался к читателям с призывом о помощи в создании церковного музея.

1917 г. стал переломным годом в истории Русской православной церкви и её взаимоотношении с государством. Свержение монархии в 1917 г., а также смена идеологии привела к тому, что РПЦ была отделена от государства, большинство храмов и монастырей было закрыто или уничтожено. Церковные музеи также прошли процесс ликвидации, а их фонды были уничтожены или переданы в государственные музеи и архивы. В ходе антирелигиозной кампании для того, чтобы разрушить церковь «изнутри», в 1922 г. было организовано обновленческое движение, которое должно было сделать церковь подконтрольной советской власти. В Сибири инициатором создания «Живой церкви» выступило Сиббюро ЦК РПК (б). Любопытным является тот факт, что руководитель томского древлехранилища протоиерей Сергей Дмитриевский в 1922 г. примкнул к обновленческому движению, а также, будучи женатым, принял сан епископа. Можно предположить, что переход священника в «новую веру» была «своеобразной игрой» для продолжения дальнейшего служения церкви, а возможно, также и сохранения историко-культурного наследия РПЦ в условиях экспроприации культовых предметов. Так, Петропавловский собор Томска, где служил С. Дмитриевский в качестве архиерея, стал своеобразным хранилищем предметов культового назначения, в том числе икон, имеющих историко-художественное значение. В августе 1937 г. в отношении С. Дмитриевского было возбуждено уголовное дело по обвинению в антисоветской деятельности, после чего он был приговорен к расстрелу по обвинению в участии организации Союз спасения России (приведен в исполнение 08.09.1937) [Шабунин, 2010].

Сложно судить о масштабе нанесенного ущерба православному историко-культурному наследию Западной Сибири после совершения кампании изъятия ценностей в 1922–1923 гг. По этому поводу стоит отметить, что большая часть арестованных клириков обвинялись в сокрытии ценностей. Это чаще всего касалось риз (см., например, [ГАНО. Ф. Р-1146. Д. 217. Л. 2]), накладных украшений на иконах, покрывающих иконную доску поверх красочного слоя. Традиция украшать икону ризой берет свое начало из византийской культуры, которая считала, что драгоценное украшение образа тождественно идее иконопочитания. В РПЦ сложилась традиция богато украшать особо почитаемые образа, а также изображения святых, от которых происходили чудесные явления. В истории церкви были попытки снятия риз с икон для их переработки на материальные нужды. Это всегда вызывало волну возмущения верующих, в этом виделось оскорбление религиозных чувств, так как комплекс иконной живописи и оклада (ризы), по их мнению, являлся неделимым единым целым.

В томской газете «Красное Знамя» в статье «Берегите памятники старины» сообщалось, что в с. Уртаме в процессе конфискации были изъяты «предметы глубокой старины», в том числе, потир оловянный (сосуд в виде глубокой чаши на ножке с широким основанием для принятия Причастия) времен правления царевны Софьи Алексе-

евны (1682–1689). Редкие вещи были доставлены в музей. «В глухих уголках тихо гибнут следы далекого прошлого», продолжал автор и призывал граждан сообщать об имеющихся на местах памятниках старины и по возможности доставлять их в губмузей [Красное знамя, 1922, 10 авг.]. Мы можем предположить, что из-за отсутствия или недостатка квалифицированных экспертов, а также небольшого желания вникать в художественные особенности предметов культа во время конфискации, особенно на периферии Западной Сибири, многие культовые сокровища церкви в это время были безвозвратно утеряны или утилизированы.

То же самое можно сказать о колоколах и колокольном звоне, которые являются одним из символов русской культуры и, безусловно, частью историко-культурного наследия России [Горбатов, Демченко, 2018]. Еще до начала «безбожной пятилетки», связанной с закрытием церквей, начинается неофициальная кампания на местах по их конфискации. В 1930-е гг. власти Топкинского сельсовета (Кузбасс) на местах предлагали достаточно простую мотивировку Западно-Сибирскому крайисполкому: «Колокола изъяты от религиозного общества в связи с воспрещением в этом селе колокольного звона..., вокруг церкви этого селения расположена школа, детский дом и др. [ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 652. Л. 3, 5].

Практически параллельно с закрытием церковных учреждений открываются антирелигиозные государственные музеи [Терукова, 2019] для борьбы с «церковной контрреволюцией». Даже в такой альтернативной форме существования эти учреждения, комплектовавшие свои собрания предметами из ликвидированных церквей и монастырей, сохраняли уцелевшую часть православного культурного наследия.

В 1943–1947 гг. со стороны власти наблюдается определенная толерантность в отношении к церкви, во многом объясняемая внешнеполитическими причинами. В европейской части страны явно лимитировано власти разрешают открыть музеи при духовных школах в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе. Их существование было скорее исключением и объяснялось достаточно утилитарными причинами. Легализация и функционирование множества молитвенных зданий в послевоенное время диктовали необходимость подготовки новых профессиональных кадров духовенства, значительная часть которых пострадала во время репрессий. В связи с этим были открыты и духовные образовательные учреждения, соответственно, в учебные планы которых был введен курс по церковной археологии и литургике. Таким образом, и были организованы упомянутые музеи, способные обеспечить формирование профессиональных компетенций у будущих церковно- и священнослужителей. По мере удаления от центральной России, от столиц на Восток, все в меньшей степени в вероисповедной политике советскому правительству возникала необходимость в презентации западному миру процессов «либерализации церковной политики в СССР», тем более, при отсутствии духовных школ (семинарий) в Сибири, для которых собственно открывались церковные музеи. Таким образом, в Западной Сибири в рассматриваемое время не могла быть отмечена деятельность учреждений данного профиля.

Примечательно, что после окончания войны со сменой курса в церковной политике закрываются антирелигиозные государственные музеи, перепрофилируются в музеи истории религии. Известно письмо В. Бонч-Бруевича от 1946 г., который, обращаясь

к секретарю ЦК партии Г. Маленкову, просил предоставить новое помещение в Москве музее истории религии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 45], бывшему Центральному антирелигиозному музею — первому в мире учреждению такого рода.

Возрождение музеев

Новый виток развития церковных музеев наблюдается в *последней четверти XX в.* Этому способствовало изменение отношения государства к религиозным организациям. Празднование в 1989 г. 1000-летия Крещения Руси, которое вышло за рамки церковного, а было организовано и проведено на государственном уровне, повлекло за собой открытие храмов, выставок на религиозную тему и т. д. Первые церковные музеи постсоветского периода (за исключением церковно-археологических кабинетов при Московской духовной академии (МДА) и Одесской семинарии) начали свою деятельность в 1989 г.

В основном, они создавались при монастырях, храмах и духовных образовательных учреждениях России, Крыма, Молдавии, Украины. Появляются мемориальные музеи, посвященные прославленным церковным деятелям (например, музей Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, Республика Карелия, 1992 г.; дом-музей игуменьи Марии, с. Семеновское, Коломенский ГО, 1994 г.). В последующее десятилетие музеи открывались и планомерно развивали векторы своей деятельности.

Их массовое открытие связано с неоднократными заявлениями РПЦ о намерении возродить повсеместно институт подобных учреждений и о важности сохранения православного историко-культурного наследия. В Западной Сибири только с 2004 г. наблюдается начало возрождения музейного дела. Последовательно открылись Музей истории Православия на Алтае, Музей истории Новосибирской епархии, церковно-археологический кабинет при Томской духовной семинарии, Музей истории Православия на земле Кузнецкой, музей Кузбасской духовной семинарии, Музей церковного искусства Сибири и др. [Алексеева, 2022: 116–121]. Музей истории Алтайской духовной миссии, в фондах которого хранится 66 тысяч экспонатов, на современном этапе считается одним из самых крупных церковных музеев Сибири.

Открытие церковных музеев в настоящее время сопровождается созданием Патриаршего совета по культуре, а также организацией и проведением церковью образовательных курсов для священнослужителей и сотрудников музеев, способствующих повышению уровня компетенций в области актуализации православного наследия. Появление новых церковных музеев наблюдалось и в годы ограничений в связи с коронавирусной инфекцией. В пандемийный период для большего охвата посетителей в цифровой среде сотрудниками церковных музеев были разработаны специальные туры, которые, главным образом, знакомили виртуальных посетителей с историко-культурным наследием РПЦ, представленным в музейных пространствах.

Заключение

Подводя итоги данной статьи, стоит отметить, что процесс формирования церковных музеев тесно зависит как от отношения иерархов и духовенства РПЦ к церковно-историко-культурному наследию, так и от непосредственно проводимой церковной государственной политики в России. Появившись как социокультурный институт, церковные музеи стали динамично развивающейся группой музейного мира Рос-

сии. Они находились в ведении Святейшего Синода, что, несомненно, свидетельствовало об одобрении их деятельности со стороны верховной власти Российской империи.

Ввиду смены идеологической парадигмы на смену развития пришел период массового закрытия церковных музеев. Советское государство, проводя активную антирелигиозную политику, помимо ликвидации музеев, осуществляло мероприятия, способствующие дезинтеграции РПЦ, ее экономического ослабления, приведшего к потере значительной части культурного наследия.

В послевоенный период власть, стремясь показать свое благожелательное расположение к церкви, вернула РПЦ часть храмов и монастырей, открыла несколько духовно-образовательных учреждений, при трех из которых возобновили свою деятельность церковные музеи. Только рубеж XX–XXI вв. характеризуется появлением церковных музеев по всей стране, в том числе и на территории Западной Сибири. Музеи действуют при духовных учебных заведениях, епархиях, храмах и монастырях, духовно-просветительских центрах и т. д. Современные церковные музеи Сибири ведут разноплановую деятельность, направленную на актуализацию православного историко-культурного наследия. Позиции и заинтересованность РПЦ в необходимости актуализации православного историко-культурного наследия способствуют бурному росту сети церковных музеев по всей стране.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023)».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия : дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2022. 246 с.

Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления // Вестник КемГУ. 2018. № 2 (74). С. 5–9.

Берегите памятники старины // Красное знамя: томская областная ежедневная газета. 1922. № 176. С. 3.

Горбатов А. В., Демченко Г. А. Колокола и звонарская традиция на Кузнецкой земле: история и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 198–206.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 652.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р. 1146. Д. 217.

О составлении списков древним церковным и монастырским вещам: определение Синода от 1882 г. // Церковный вестник. 1882. № 25. С. 95.

Об охране памятников церковной древности в монастырях и церквях империи: определение св. Синода от 1903 г. // Церковные ведомости. 1903. № 11. С. 75.

Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства св. вмч. Дм. Солунского за 1912–13 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 9.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 407.

Скосырев Н. Д. Археологическая редкость ризницы Тобольского Кафедрального Собора // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 21/22. С. 506–507.

Тобольское церковное древлехранилище в 1902–1903 г. // Тобольское церковное древлехранилище. 1904. Вып. 3. С. 34–42.

Шабунин Е. А. Епископ Томский Сергей (Дмитриевский Сергей Павлович) // Образование и Православие. URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/1948–10.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Юрьевский А. Ю. Отношение царствующего Дома Романовых к Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1913. № 5. С. 81–86.

Юрьевский А. Ю. Редкий памятник Сибирской духовной письменности первой половины XVII века: (сказание об Абалакской иконе Божией Матери) // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 24. С. 447–464.

Юрьевский А. Ю. Тобольское церковное древлехранилище // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 22. С. 398–408.

Teryukova E. A. Central Anti-Religious Museum in Moscow: Historical Landmarks (1929–1947) // Религиоведение. 2019. No 4. P. 121–127.

REFERENCES

Alekseeva L. S. *Genezis i transformaciya deyatel'nosti cerkovny'x muzeev Sibiri po soxraneniyu pravoslavnogo naslediya* [Genesis and transformation of the activities of Church museums in Siberia for the preservation of Orthodox heritage]: diss....kand. kul'turologii. Kemerovo, 2022. 246 s. (in Russian)

Alekseeva L. S., Gorbatov A. V. *Cerkovny'j muzej v dorevolucionny'j period: e'tapy i faktory' stanovleniya* [Church Museum in the pre-revolutionary period: strategies and factors of formation]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemGU]. 2018, no. 2 (74), P. 5–9. (in Russian)

Beregite pamyatniki stariny [Take care of ancient monuments]. *Krasnoe znamya: tomskaya oblastnaya ezheдневnaya gazeta* [Red Banner: Tomsk Regional Daily newspaper]. Tomsk. 1922, no. 176, p. 3. (in Russian)/

Gorbatov A. V., Demchenko G. A. *Kolokola i zvonarskaya tradiciya na Kuzneczkoy zemle: istoriya i sovremennost'* [Bells and the bell-ringing tradition on the Blacksmith's land: history and modernity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2021, no 41, P. 198–206.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-5263. Inventory 1. File 652 (in Russian)

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)]. Fund R. 1146. File 217 (in Russian).

Gosudarstvennyj arxiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk Region]. Fund R. 1146. File 217 (in Russian).

O sostavlenii spisikov drevnim cerkovnym i monastyrskim veshcham: opredelenie Sinoda ot 1882 g [On the compilation of lists of ancient church and monastery things: the definition of the Synod of 1882]. *Cerkovnyj vestnik* [Church bulletin]. 1882, no. 25, P. 95.

Ob ohranении pamyatnikov cerkovnoj drevnosti v monastyryah i cerkvyah imperii: opredelenie sv. Sinoda ot 1903 g [On the protection of monuments of ecclesiastical antiquity in monasteries and churches of the Empire: the definition of St. Synod of 1903]. *Cerkovnye vedomosti* [Church records]. 1903, no. 11, p. 75.

Otchyot o deyatelnosti Bratstva sv. velikomuchenika Dimitriya Solunskogo za 1913 g [Report on the activities of the Tobolsk Diocesan Brotherhood of St. vmch. Dm. Solunsky for 1912–1913 g.]. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti]. 1914, p. 23 (in Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 17. Inventory 125. File 407. (in Russian).

Shabunin, E. A. *Episkop Tomskij Sergij (Dmitrievskij Sergej Pavlovich)* [Bishop of Tomsk Sergey (Dmitrievsky Sergey Pavlovich)]. *Obrazovanie i Pravoslavie*. Available at: <http://www.orthedu.ru/kraeved/1948–10.html> accessed January 10, 2023). (in Russian).

Skosyrev N. D. Arхеologicheskaya redkost' riznicy Tobol'skogo Kafedral'nogo Sobora [Archaeological rarity of the sacristy of the Tobolsk Cathedral] *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti]. 1890, no. 21/22, P. 506–507 (in Russian).

Tobol'skoe cerkovnoe drevlexranilishhe v 1902–1903 g [Tobolsk Church ancient repository in 1902–1903]. *Tobol'skoe cerkovnoe drevlexranilishhe* [Tobolsk Church ancient repository]. 1904. Vyp. 3, P. 34–42 (in Russian).

Yur'evskij A. Yu. Otnoshenie czarstvuyushhego Doma Romanovy'x k Tobol'skoj eparxii [The relation of the royal house of Romanov to the Tobolsk diocese]. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti]. 1913. № 5, P. 81–86. (in Russian).

Yur'evskij A. Yu. Redkij pamyatnik Sibirskoj duxovnoj pis'mennosti pervoj poloviny' XVII veka: (skazanie ob Abalakskej ikone Bozhiej Materi) [A rare monument of the Siberian spiritual writing of the first half of the XVII century: (the legend of the Abalak Icon of the Mother of God)]. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti]. 1902, no. 24, P. 447–464. (in Russian).

Yur'evskij A. Yu. Tobol'skoe cerkovnoe drevlexranilishhe [Tobolsk church ancient repository]. *Tobol'skie eparxial'ny'e vedomosti* [Tobolsk Diocesan Vedomosti]. 1902, no. 22, P. 398–408. (in Russian)

Teryukova, E. A. Central Anti-Religious Museum in Moscow: Historical Landmarks (1929–1947). *Religiovedenie* [Religious studies]. 2019, no 4, P. 121–127. (in English).

Статья поступила в редакцию: 24.01.2023

Принята к публикации: 18.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 34.06

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–08

Т. Г. Недзельюк

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Россия)

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ В СТЕПНОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Исследование посвящено анализу источников для изучения государственно-конфессиональной политики на сибирском фронтире Российской империи рубежа XIX–XX вв. Хронологические рамки работы включают период существования Степного генерал-губернаторства (1882–1917 гг.) как административной структуры.

Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фонда канцелярии Степного генерал-губернатора Центрального государственного архива Республики Казахстан. Методика исследования включает историко-генетический подход в совокупности с методами контент-анализа, синтеза, обобщения.

Целью статьи является выявление как магистральных тенденций в деятельности Степного генерал-губернаторства как проводника российской государственной политики, так и «сопутствующих», обусловленных этноконфессиональными проблемами и аспектами исторической географии.

Установлены значимые для современного межгосударственного, международного и межконфессионального диалога исторические интенции полуторавековой давности. Сделан вывод о значимости функции посредника-медиатора, в роли которого выступали руководители Степного генерал-губернаторства.

Ключевые слова: Степное генерал-губернаторство, Степной генерал-губернатор, Центральный государственный архив Республики Казахстан, государственно-конфессиональные отношения, материалы архивного хранения.

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. Источники для изучения государственно-конфессиональной и международной политики в Степном генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 154–166. DOI: 10–14258/nreur(2023)2–08.

T. G. Nedzelyuk

Altai State University, Barnaul (Russia)

Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk (Russia)

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk (Russia)

SOURCES FOR THE STUDY OF STATE-CONFESSIOAL AND INTERNATIONAL POLICY IN THE STEPPE GENERAL-GOVERNANCE (BY THE MATERIALS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

The research is devoted to the analysis of sources for the study of state and confessional policy on the Siberian frontier of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries.

The chronological framework of the work includes the period of existence of the Steppe Governor-General (1882–1917) as an administrative structure.

The source base of the research was made up of archival storage materials from the fund of the Office of the Steppe Governor-General of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

The research methodology includes a historical and genetic approach in combination with methods of content analysis, synthesis, generalization.

The purpose of the article is to identify both the main trends in the activities of the Steppe Governor-General as a conductor of Russian state policy, and the “accompanying” ones caused by ethno-confessional problems and aspects of historical geography.

The historical intentions of a century and a half ago, significant for the modern interstate, international and interfaith dialogue, have been established. The conclusion is made about the importance of the mediator-mediator function, in the role of which the leaders of the Steppe Governor-General acted.

Keywords: Steppe Governor-General, Steppe Governor-General, Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, state-confessional relations, archival materials.

For citation:

Nedzelyuk T. G. Sources for the study of state-refessional and international policy in the Steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan). *Nations and religions of Eurasia*. 2023. T. 28, № 2. P. 154–166. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–08.

Недзелюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск (Россия); ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Российской академии наук, Тобольск (Россия). **Адрес для контактов:** tatned@mail.ru.

Nedzelyuk Tatyana Gennadyevna, Doctor of History, Leading Researcher, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia); Professor, Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management — Branch of RANEP, Novosibirsk (Russia); Leading Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk (Russia). **Contact address:** tatned@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8374-9348>.

Введение

Проблемы урегулирования сложных межнациональных и государственно-конфессиональных проблем в постсоветском дискурсе как России, так и Казахстана относятся к категории остроактуальных. Канцелярия Степного генерал-губернатора стала учреждением, взявшим на себя роль арбитра в социально-экономических, межконфессиональных, а нередко и международных отношениях Степи, Европы и Руси [Ремнев, 1997].

Тему нельзя назвать неизученной: казахстанскими историками освещены вопросы нацистроительства, установлены проблемы формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма во второй половине XIX в., охарактеризована система административного управления казахских жузов в составе Российской империи [Акимбеков, 2018; Макажанова, 2010; Тынышпаев, 1998].

Российские исследователи [Васильев, 2014; Лысенко, 2020; Матханова, 2009; Татарникова, Чуркин, 2020] изучили логику взаимоотношений органов государственной власти и мусульманского населения Степного генерал-губернаторства, уделив внимание опыту взаимодействия в решении социально-экономических проблем.

В то же время государственно-конфессиональная политика, осуществляемая посредством административного аппарата Степного генерал-губернаторства, до настоящего времени не являлась предметом самостоятельного изучения. Между тем современ-

менные политические процессы как в России, так и в Казахстане требуют глубокого и беспристрастного анализа, чтобы избежать искажений и спекуляций. Исследование носит источниковедческий характер и призвано выявить, детерминировать и по возможности реконструировать опыт государственно-конфессиональных взаимодействий.

Тематические особенности корпуса источников

Фронтальный характер территории Степного края, отсутствие четкой определенности его границ детерминировали особенности взаимоотношений с соседями. Названия дел архивного хранения в фонде канцелярии Степного генерал-губернатора говорят сами за себя: «Дело об установлении границы с Западным Китаем. 13.08.1881–18.10.1913» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 42], «О водворении казачьих поселений в местностях Семипалатинской области, пограничных с китайскими владениями. 21.08.1882–18.08.1884» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3969], «Дело по образованию новых казачьих поселений в местностях Семипалатинской области, пограничных с китайскими владениями. 1880–1884» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 32]. Казачьи поселения, по замыслу центральных учреждений светской власти Российской империи, должны были принять на себя роль фортификационных сооружений и служить бампером в случае вооруженных столкновений.

Великая Степь в XVII–XIX столетиях являла собой симбиоз многонациональных проблем. Обращение национальных элит Младшего Жуза к Петру I, а впоследствии Старшего жуза — к Екатерине II в поисках защиты и покровительства в дальнейшей перспективе переросло в протекционистские меры не только для местного кочевого населения, но и для казачьих сообществ. Нежелательные, по мнению современного казахского истеблишмента, но необходимые для поддержания стабильности на южных границах расширившегося государственного образования процессы нашли свое отражение в материалах «О заселении Киргизской Степи русскими переселенцами. 18.08.1882–03.02.1889» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3968], «Об открытии новой епархии в Акмолинской и Семипалатинской областях. 1884–1897» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 195].

Опасения не были беспочвенными. «Рапорт военного губернатора Семиреченской области о нарушении китайскими пограничными властями и жителями прав и интересов русских подданных, основанных на договорах с Китаем, и переписка по этим вопросам (имеются документы на китайском языке). 02.11.1881–18.06.1882» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 195], — лишь один из многочисленных примеров несоблюдения китайской стороной достигнутых договоренностей. В сложившейся ситуации Степной генерал-губернатор был вынужден принять на себя роль арбитра и гаранта законности. Местные племенные элиты выражали недоверие к «перебежчикам» на китайскую сторону и, чтобы избежать погромов, руководитель Степной администрации должен был принимать меры, адекватные ситуации; «Рапорт Семиреченского губернатора об учреждении опеки над имуществом скрывшегося в китайские пределы уйгура муллы Мухамед Наби Хусанбаева (03.06.1885–18.07.1885)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1538] — один из таких примеров.

Проблемы социально-экономического плана также находились в непосредственной юрисдикции Степного генерал-губернатора [Лысенко, 2022: 245–259]. В фонде Канцелярии отложился блок инициативных обращений духовных лиц иных (неправослав-

ных) исповеданий к руководителю светской администрации края. «Прошения султанов Каркаралинского уезда Кентской волости Ораджана Смаилкинова и Аткаеня Абельдина о поземельном их споре с муллой Сейдалиным и переписка с военным губернатором Семипалатинской области по этому вопросу. 09.07.1882–24.09.1884» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3985] — пример поиска третейского судьи в лице авторитетного государственного служащего, не имеющего прямой заинтересованности в силу иной профессиональной принадлежности. Интересно, что установление размера оплаты за проезд в мечеть с помощью речной переправы также стало предметом спора между кланами и было передано на рассмотрение светским властям: «Копия журнала присутствия Акмолинского областного правления об утверждении таксы сбора на переправах через реку Ишим при пункте «Мечеть» — «Оспана» в селе Никольском Петропавловского уезда. 27.11.1903–28.11.1903» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3516].

Если экономические проблемы светская власть могла решить, то неординарные запросы социокультурного порядка нередко приводили администрацию в недоумение. «Непрофильные» проблемы населения неправославных исповеданий включали, к примеру, «жалобы киргиз Чирубай-Нуринской волости на неправильный выбор мулл. 28.01.1908–15.10.1908» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1193], «прошение киргиза Копальского уезда Алтын Емельской вол. Туке Байтубетова об отмене третейского решения биев (03.07.1887–05.10.1888)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1685], «заявление Бекчентаева о беспорядках в частном молитвенном доме во время молений и о драке между Байжановым и Бали-Улой Андаровым (04.02.1891–22.02.1893)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1861]. По определению, светская власть не могла вмешиваться в духовные дела мусульман, а содержащиеся в заявлениях граждан императивы этого требовали.

Коллизии религиозного права, правовые обычаи и нормы шариата, обращенные к семейным правоотношениям, помимо воли аппарата канцелярии Степного генерал-губернатора, становились предметом его пристального внимания. В материалах фонда отложились «Переписка с Семиреченским военным губернатором о неуплате калыма киргизом Малаем Иманкуловым за высватанную дочь казашки Тургенской волости Пржевальского уезда Сылон Кыдыковой Айтымбетовой (09.10.1897–03.03.1898)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2080] и не менее эмоциональное и пафосное «Прошение казаха Алакульской вол. Джумагула Джангузина о возврате ему жены и калыма на 350 руб. (24.03.1893–11.12.1895)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1938].

К Степному генерал-губернатору как к последней инстанции местные степные жители прибегали в том случае, когда решение народных и религиозных судебных инстанций их не устраивало. Сохранилось «Прошение киргиза Чинжилинской вол. Тюлегоня Бурунгутева о разборе по русским законам дела об убийстве девочки и угоне скота (06.09.1887–15.11.1887)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1681] и ряд других, существенно близких, ходатайств.

В отдельный массив необходимо выделить многочисленные ежегодные, до 1917 года включительно, «Прошения разных лиц о выдаче заграничных паспортов для поездки в Мекку и Медину» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 983–986, 1020–1023, 2336–2340, 2454–2456, 2492–2495, 2654–2655]. Паспортных столов в нынешнем их понимании не существовало, все бремя по приему документов от заявителей, изготовлению и выдаче вожде-

ленных «загранников» ложилось на сотрудников администрации Степного генерал-губернаторства. Кстати, необходимо отметить, что ни одной жалобы на отказ в выдаче документа либо нарушении сроков делопроизводства нам не удалось обнаружить.

В ведении главы краевой Степной администрации находились также учебные заведения, причем не только светские, но и конфессиональные. В 1906–1908 гг. велась активная переписка, следы которой отложились в архиве, «Об открытии в гор. Омске мусульманской школы и мечети. 03.08.1906–21.06.1908)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3687]. Более того, инициативные обращения граждан об открытии нового религиозного учреждения также аккумулировались в канцелярии Степной администрации (например, «Прошения доверенных от киргиз разных уездов и областей о разрешении на постройку мечетей и молитвенных домов в Степном крае. 28.02.1909–17.08.1915)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 3794], что дает современным исследователям возможность проследить время и обстоятельства учреждения конкретных учебных заведений, выявить особенности учебных программ в школах разных исповеданий.

«Мягкая сила» конфессиональных отношений в международной политике

Степной генерал-губернатор, должность которого исполняли: Колпаковский Герасим Алексеевич (1882–1889), Таубе Максим Алексеевич (1889–1900), Сухотин Николай Николаевич (1901–1906), Надаров Иван Павлович (1906–1908), Шмит Евгений Оттович (1908–1915), Сухомлинов Николай Александрович (1915–1917), в силу своих должностных полномочий выступал также в качестве актора международной политики. Термина «мягкая сила» тогда еще не существовало, но де-факто мы видим примеры её использования. На вечное архивное хранение были переданы материалы переписки с военным губернатором Семиреченской области о выдаче пособия Каракунизскому дунганскому училищу «...для издания сборника разных русских фраз, пословиц, стихов с переводом их на дунганский язык. 03.12.1897–09.12.1897)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 3270], а в мусульманских школах при мечетях предполагалось изучение русского языка. 27.12.1884–22.11.1889)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 2865].

К сфере действия «мягкой силы» можно также отнести и попечение об устройении быта для детей крещенных номадов в Саркандском приходском училище (так называемый Проект положения ученических квартир ... и переписка по этому вопросу. 24.02.1883–07.09.1883) [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2786]. Инициатива оказалась востребованной и неоднократно затем дублировалась, о чем свидетельствуют материалы «Доклада управляющего Канцелярией Степного генерал-губернатора об учреждении в гор. Омске ученической квартиры для обучения в гимназии киргизских мальчиков и отчеты по управлению ученической квартирой с 1 августа 1885 по 1 августа 1891 гг. 17.04.1885–11.09.1891)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2874].

Тематика «мягкой силы» получила свое продолжение также в Рапорте военного губернатора Семиреченской обл. о необходимости переводчиков манчжурского и китайского языков. 22.11.1882–29.04.1883) [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 66]. Название дела явственно свидетельствует об осознании необходимости избегать конфронтации во внешнеполитической среде с представителями сопредельных государств. Со стороны руководства Степного края предпринимались действенные меры не только к установлению практических связей с азиатскими народностями, но и предлагались меры

к приобщению местного населения к общеевропейским ценностям, о чем свидетельствуют материалы «Переписки с министром народного просвещения о введении в Зайсанском высшем начальном училище французского и латинского языков. 05.11.1916–24.11.1916» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3931]. Подготовка профессиональных преподавательских кадров в Зайсанском высшем начальном училище предполагала знание и национальных традиций номадов, и русского права, и классических языков того времени.

Синодальный период в истории Русской православной церкви не мог не наложить отпечаток на характер государственно-конфессиональной политики. Поразительно, но в то время, когда старообрядческие религиозные организации в империи находились «вне закона», на пограничье казахстанских и китайских земельных владений поощрялось внедрение «русского элемента» ценой приглашения раскольников, о чем свидетельствуют «Циркуляры Департамента общих дел об образцах печатей и сообщений реестров, установленных для образования старообрядческих и сектантских общин. 29.10.1906–16.01.1907» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1133]. Многие из этих старообрядческих поселений существуют и до настоящего времени.

Безусловно, приглашение «сектантов, раскольников и старообрядцев» в геополитически сложных и неоднозначных условиях было продиктовано стремлением противодействовать активному исламскому влиянию в регионе. Материалы фонда канцелярии Степного генерал-губернатора хранят «Отношение военного губернатора Семиреченской обл. о воспрещении русско-подданным мусульманам ношения красной фески с черной кистью. 19.08.1895–08.02.1897» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 704]. Право ношения красной фески с черной кистью предоставлялось в арабских государствах XIX в. чиновникам высокого ранга и законоучителям-муллам. Последователи традиционного суннитского вероучения не встречали препятствий в исповедании веры и пользовались защитой светской администрации, муллы преклонного возраста и их вдовы имели право на казенную пенсию. Для противостояния шиитам сунниты Степного края прибегали к лоббированию своих интересов с помощью православных клириков, что достаточно удивительно; сохранились материалы переписки «По письму епископа Томского и Семипалатинского о воспрещении разъездов по киргизской степи татарам, бухарцам и туркам в видах устранения пропаганды Ислама. 19.01.1893–01.02.1894» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3155].

Политика по отношению к представителям «западных» исповеданий

Степной край не был «закрытой» территорией. Обширные земельные угодья привлекали жителей европейских губерний империи. В качестве ходака мог приехать и крестьянин, но более весомым считалось, например, «Прошение учителя Борисовского участка, Ольгинского поселка, Богдановской волости Павлодарского уезда Корнелиуса Дитриха Фота об отводе в Семипалатинской области земли для заселения меннонитами из Таврической, Екатеринославской, Херсонской и Самарской губерний. 01.06.1913» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3885].

Физическое перемещение больших этноконфессиональных групп из Европы в Азию, безусловно, сопровождалось возникновением нового ментального пространства, не традиционного для Азии религиозного социума, о чем свидетельствует «Прошение

проживающих в г. Верном католиков о командировании из Омска в г. Верный капеллана для исполнения духовных треб (19.09.1896–08.03.1897)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 781] и созданием инфраструктуры для удовлетворения их религиозных потребностей. Достаточно обширная «Переписка с военным губернатором Акмолинской области, Департаментом духовных дел иностранных исповеданий по прошению уполномоченных от жителей католиков гор. Петропавловска Вонсовича, Добровольского и Клопотовского о разрешении им устройства в г. Петропавловске молитвенного дома-капеллы (13.01.1900–09.08.1902)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 943] в итоге увенчалась успехом. В годы Первой мировой войны Степной край стал реципиентом многочисленных беженцев, встал вопрос «Об удовлетворении духовных нужд переселенцев-католиков (11.01.1917–30.12.1917)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1311].

Существенный исследовательский интерес представляет корпус материалов, озаглавленный «Циркуляры ДДД ИИ МВД о распространении на секту адвентистов правил, установленных для баптистов (28.11.1906–04.01.1907)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1135]. Возникает закономерный вопрос: каковы же эти правила? При знакомстве с содержанием циркуляров приходит понимание: никаких ограничений для баптистов, а, следовательно, и для адвентистов, Департамент духовных дел инославных исповеданий МВД не предусматривал. В том числе было удовлетворено, о чем имеется резолюция Степного генерал-губернатора в материалах дела, «Прошение представителя Великобританского иностранного библейского общества Вельтера Девидсон о выдаче свидетельства агенту Николаю Жербину на беспрепятственное распространение книг Святого писания в Степном крае (30.07.1890–03.12.1890)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 505].

Как итог, следует отметить восемнадцатилетнюю переписку, с 1889 по 1907 г., представителей лютеранского религиозного сообщества с Министерством внутренних дел, с говорящим названием «Циркуляры ДДД ИИ МВД об отмене ограничения в религиозном быту лютеран и переписка по этому вопросу (30.07.1889–24.03.1907)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 433].

В деятельности канцелярии Степного генерал-губернатора присутствовали также элементы международной политики. Учреждение дипломатических представительств Дании (переписка 1902–1916 гг.), Швеции (1909–1911 гг.) и Великобритании (1916 г.) с местопребыванием в городе Омске [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1038, 1221, 1301], издание «Сборника дипломатических документов по Монгольскому вопросу (08.1912–11.1913)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3885], регламентирование количества трудовых мигрантов («О допущении в пределы Степного края рабочих китайцев за недостатком в городах края рабочих рук. 11.02.1916–30.12.1916)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2704]) и даже сбор пожертвований «в пользу бедствующих македонских христиан (12.11.1903–12.05.1904)» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1064] входили в сферу компетенции и определяли направления деятельности канцелярии Степного генерал-губернаторства.

Заключение

Государственно-конфессиональная и международная политика в силу ряда естественных причин оказались неразрывно связанными. С одной стороны — близость Китая и пограничные проблемы Старшего, Среднего и Младшего казахстанских жу-

зов, повлекшие обращение к России в качестве третейского посредника и гаранта политической стабильности в регионе. С другой — органическая взаимосвязь национальных, этнических и конфессиональных детерминант, место встречи ислама, буддизма и православия.

Администрация Степного генерал-губернатора была призвана разрешать пограничные проблемы, связанные с нарушениями со стороны китайских пограничных властей и жителями прав и интересов русских подданных, основанных на договорах с Китаем. Выступать в качестве третейского судьи в поземельных спорах кыргызских племен. Регулировать семейные проблемы местных жителей, не решенные кадием по шариатскому праву. Реагировать на жалобы «на неправильный выбор мулл» и нарушения правил поведения во время намаза. В ведении главы краевой Степной администрации находились также учебные заведения, причем не только светские, но и конфессиональные.

Бытовые проблемы мигрантов из Европы легли на плечи Степного генерал-губернатора, в числе важнейшей из них — «устройство конфессионального быта беженцев» западных христианских исповеданий. Государственно-конфессиональные отношения выполняли роль инструмента «мягкой силы», в том числе в международной политике.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы : Институт Азиатских исследований, 2018. 562 с.

Васильев Д. В. Россия и казахская степь: административная политика и статус окраин: XVIII — первая половина XIX века. М. : РОССПЭН, 2014. 414 с.

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск : Нонпарель, 2010. 449 с.

Лысенко Ю. А. Органы государственной власти и мусульманское население Степного генерал-губернаторства: опыт взаимодействия в решении социально-экономических проблем (начало XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 245–259.

Матханова Н. П. Главное управление Западной Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. С. 391.

Макажанова З. Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 24 с.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск : Изд-во Омского государственного университета, 1997. 252 с.

Татарникова А. И., Чуркин М. К. Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 1–9.

Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы : Санат, 1998. 242 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 32.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 42.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 66.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 195.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 433.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 505.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 704.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 781.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 943.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1038.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1064.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1133.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1135.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1193.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1221.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1301.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1311.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1538.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1681.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1685.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1861.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1938.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 2865.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 3270.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 3794.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2080.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2197.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2704.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2786.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 2874.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3155.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3516.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3687.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3885.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3931.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3968.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3969.

ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 3. Д. 3985.

REFERENCES

Akimbekov S. *Kazakhstan v Rossijskoj imperii* [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: Institut Aziatskih issledovanij, 2018. 562 p. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 32. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 42 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 66 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 195 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 433 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 505 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 704 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 781 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 943 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1038 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1064 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1133 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1135 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1221 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1301 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1311 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1538 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1681 (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1685. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1861. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 1938. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 2865. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 3270. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 3794. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 1. File 2080. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 2197. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 2704. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 2786. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 2874. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 3155. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 3516. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 3687. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 3885. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 2. File 3931. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 3. File 3968. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 3. File 3969. (in Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fund 64. Inventory 1. Book 3. File 3985. (in Russian).

Evrazijskij mir: cennosti, konstanty, samoorganizaciya [The Eurasian world: values, constants, self-organization]. Novosibirsk: Nonparel', 2010. 449 p. (in Russian).

Lysenko Yu. A. Organy gosudarstvennoj vlasti i musul'manskoe naselenie Stepnogo general-gubernatorstva: opyt vzaimodejstviya v reshenii social'no-ekonomicheskikh problem (nachalo HKH v.) [State authorities and the Muslim population of the Steppe Governorate-General: experience of interaction in solving socio-economic problems (the beginning of the twentieth century)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2020, no. 10, P. 245–259. (in Russian).

Makazhanova Z. Sh. *Problema formirovaniya i svoeobrazie deyatel'nosti kazahskogo chinovnichestva v sisteme organov kolonial'nogo upravleniya carizma (vtoraya polovina XIX v.):*

Avtoref. dis. ... k. i. n. [The problem of formation and originality of the activity of Kazakh officialdom in the system of the colonial administration of tsardom (the second half of the XIX century.)] Author. Dis. Cand. of History. Almaty, 2010. 24 p. (in Russian).

Matkhanova N. P. Glavnoe upravlenie Zapadnoj Sibiri [The Main Directorate of Western Siberia]. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009, p. 391. (in Russian).

Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX — early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997. 252 p. (in Russian).

Tatarnikova A. I., Churkin M. K. Agrarnaya kolonizaciya Zapadnoj Sibiri i Stepnogo kraja v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroj poloviny XIX — nachala HKH vv. [Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical studies]. 2020, no. 1, P. 1–9. (in Russian).

Tynyshpaev M. *Istoriya kazahskogo Naroda* [The history of the Kazakh people]. Almaty: Sanat, 1998. 242 p. (in Russian).

Vasiliev D. V. *Rossiya i kazahskaya step': administrativnaya politika i status okrainy: XVIII — pervaya polovina XIX veka.* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts: XVIII — the first half of the XIX century]. M. : ROSSPEN, 2014. 414 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 04.01.2023

Принята к публикации: 20.04.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 316.35

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–09

О. И. Сгибнева, Е. О. Беликова*Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)*

СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлены результаты социологических исследований религиозной ситуации в Волгоградской области, проведенных в 2018–2021 гг. Анализ результатов опросов позволил выявить особенности функционирования религиозных организаций в условиях поликонфессионального социума, общественное и экспертное мнение о религиозной обстановке, что позволяет анализировать и корректировать политику органов власти и управления в области государственно-конфессиональных отношений. В теоретической части раскрыт смысл понятия «религиозная ситуация», предложена типология показателей, ее характеризующих. Определены проблемные поля функционирования конфессий, отмечены факторы, влияющие на отношение населения к представителям как «иной» религиозной традиции, так и религиозным организациям в целом. С помощью экспертного опроса выявлены общие тенденции и направления развития религиозных процессов в Волгоградской области, установлены источники возможных конфликтогенных ситуаций и противоречий в межконфессиональных отношениях. Исследование позволило установить основные векторы взаимодействия религиозных организаций с органами власти и управления, раскрыть основы устойчивости религиозной ситуации, которая в настоящий момент не имеет тенденций к ухудшению, однако существующие локальные проблемы требуют дальнейшей проработки и разрешения в рамках правовых норм.

Ключевые слова: религиозная ситуация, религиозность, религиозная толерантность, свобода совести, свобода вероисповеданий, диалог, методы эмпирического исследования, религиозное многообразие, вероисповедные традиции.

Цитирование статьи:

Сгибнева О. И., Беликова Е. О. Современные религиозные процессы в регионе: опыт эмпирического исследования в Волгоградской области // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 167–180. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–09.

O. I. Sgibneva, E. O. Belikova

Volgograd State University, Volgograd (Russia)

MODERN RELIGIOUS PROCESSES IN THE REGION: THE EXPERIENCE OF STUDYING THE RELIGIOUS SITUATION IN THE VOLGOGRAD REGION

The paper studies basic components of the religious situation in Volgograd region, including tolerance of the local population towards religious organizations, factors influencing the functioning of the existing religious organizations in the Volgograd region, level and degree of religiosity and degree of trust in religious institutions of the population of the region.

The paper includes the collected data of public and expert opinion on the religious situation and the effectiveness of the policy of the authorities and government in the field of interaction with religious organizations, the degree of respondents' satisfaction with interreligious relations, and the existence of tensions in the region. According to expert survey data, the current state of religious processes has been estimated, and the forecast of the dynamics of the religious situation in the region under study has been given. The study showed that the religious situation in the Volgograd region is relatively stable and has no tendency to worsen, but the existing local problems require further study and resolution within the framework of legal norms.

Keywords: religious situation, religiosity, religious tolerance, freedom of thought, freedom of religion, dialogue, methods of empirical research, religious diversity, religious traditions.

For citation:

Sgibneva O. I., Belikova E. O. Modern religious processes in the region: the experience of studying the religious situation in the Volgograd region. Nations and religions of Eurasia. 2023. T. 28, № 2. P. 168–180. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–09.

Сгибнева Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** olga.sgibneva@volsu.ru

Беликова Екатерина Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** eo_belikova@volsu.ru.

Sgibneva Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd (Russia). **Contact address:** olga.sgibneva@volsu.ru.

Belikova Ekaterina Olegovna, Candidate of Sciences (Sociology.), Associate Professor of Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd (Russia). **Contact address:** eo_belikova@volsu.ru.

Введение

На рубеже XX–XXXI вв. в России коренным образом изменилась политика государства по отношению к религии и религиозным организациям. Снятие необоснованных ограничений на деятельность конфессий, создание правовой базы для осуществления их деятельности наряду с процессами осознания гражданами этнокультурной идентичности и ростом религиозного самосознания изменили религиозную ситуацию в обществе, предопределив активное участие религиозных объединений в социокультурной жизни страны. В этот период Волгоградская область вновь оказалась пограничным регионом России, сохранив, как и другие подобные регионы, устойчивые религиозные традиции. На протяжении многих веков здесь, в междуречье Волги и Дона, получили распространение православие, католицизм, буддизм, протестантизм, иудаизм, которые активно влияли на жизнь региона. Новым религиозным движениям (НРД)¹, несмотря на активные миссионерские практики, не удалось закрепиться в социокультурном пространстве региона; сегодня их число невелико, организации малочисленны и не оказывают существенного влияния на религиозную ситуацию [Беликова, 2018]. В настоящее время, благодаря своему религиозному и этническому многообразию, сложившемуся исторически, регион вполне может служить адаптированной многомерной моделью для изучения религиозной ситуации в поликонфессиональном регионе.

С учетом традиционного религиозного многообразия особую значимость приобретают факторы построения межрелигиозного диалога в качестве наиболее адекватной формы отношений между конфессиями для обеспечения взаимопонимания и взаимодействия. Следует учитывать различные уровни и аспекты отношений в религиозной сфере, где диалог приобретает специфический характер: между институализированными религиозными сообществами; между представителями разных религиозных организаций; между культурно-конфессиональными общностями, сложившимися на базе различных религиозных традиций [Мчедлов, 2005]. Это учитывалось при разработке программы исследования религиозной ситуации.

Религиозную ситуацию авторы определяют как совокупность социально, исторически и культурно обусловленных динамичных факторов, влияющих на функционирование и особенности воздействия на социум религиозных объединений. Основой такого подхода является позиция Р. А. Лопаткина, определяющего религиозную ситуацию как «такое положение дел в обществе, регионе, на исследуемом объекте, которое характеризуется наличием, типом (характером и интенсивностью) религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью воздействия на общество или исследуемый объект» [Лопаткин, 2005].

Количественную характеристику религиозной ситуации составляют статистические данные о регистрации религиозных организаций на определенной территории, а так-

¹ Признавая многомерность и недостаточную научную точность термина «новые религиозные движения» (НРД), авторы принимают его как устоявшееся в последние годы в научных исследованиях понятие («new religious movements»), которым определяется сегмент религиозных образований, возникших во второй половине XX в. преимущественно в западных странах, а в конце XX в. и в России, которые существуют на протяжении одного-двух поколений верующих, проповедующие вероучения, существенно расходящиеся с «историческими религиями» и не укоренные в регионе нахождения [Энциклопедический словарь социологии религии, 2017: 211–212].

же результаты эмпирических исследований, позволяющие установить основные параметры религиозного состава населения.

Качественная характеристика религиозной ситуации базируется на выявлении и изучении особенностей сознания и поведения людей, определяющих их отношение к религии, их религиозность или нерелигиозность, уровень и степень проявления соответствующего качества. Нерелигиозность рассматривается как нейтральное или отрицательное отношение к религии. Религиозность определяет приверженность человека конкретной вероисповедной традиции и проявляется как качество сознания и поведения, как чувственный и эмоциональный компонент.

Одним из первых теоретическое осмысление понятия «религиозность» предпринял Ч. Глок [Glock, 1962]. Уточняя характер проявления религиозности, Г. Оллпорт в 60-е гг. XX в. ввел в научный оборот понятие «внутренней» (intrinsic) и «внешней» (extrinsic) религиозной ориентации [Allport, 1967]. В XXI в. расширение спектра религиозных объединений, изменение роли религии в жизни человека и общества потребовали уточнения понятия «религиозность», выявления сущности таких явлений, как «внеконфессиональная религиозность», «диффузная», «символическая», «маргинальная религиозность» и другие виды религиозности/нерелигиозности.

Характеристику религиозной ситуации в условиях конфессионального многообразия дополняют исследования религиозной толерантности, состояния веротерпимости в регионе. Религиозная толерантность допускает существование множественности религиозных традиций, предопределяет уважительное отношение к последователям другой религии, характеризует как институциональные, так и индивидуальные действия.

Обращаясь к исследованию современной религиозной ситуации в конкретном российском регионе, авторы ставили задачу выявления общего и особенного в религиозных процессах, определения степени их влияния на сознание населения и общественные практики, изучения результативности политики местных органов власти по отношению к религиозным организациям, возможности корректировки форм и методов взаимодействия с конфессиями в целях создания в регионе устойчивой ситуации в общественных отношениях.

Каждый регион России имеет свои особенности формирования и функционирования, изучение и мониторинг религиозной ситуации можно рассматривать как важное условие обеспечения устойчивости и стабильности системы регионального управления [Мирошникова, Сгибнева, 2017].

В ходе исследования использовался массовый опрос населения методом формализованного интервью, экспертный опрос специалистов в области государственно-конфессиональных отношений, а также анализ статистических данных, связанных с регистрацией и функционированием религиозных организаций Волгоградской области.

На период проведения эмпирического исследования Управлением Министерства юстиции России по Волгоградской области зарегистрированы 429 религиозных организаций 21 вероисповедания, большую часть которых составляют организации Русской православной церкви (275) (табл. 1).

Таблица 1

СВЕДЕНИЯ

Управления Минюста РФ по Волгоградской области о государственной регистрации религиозных организаций по состоянию на 20.06.2018
(письмо от 21.06.2018; 34/03–5334)

Table 1

INTELLIGENCE Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Volgograd Region on state registration of religious organizations as of 06/20/2018
(letter dated 06/21/2018; 34/03–5334)

№ п/п	Наименование конфессии	Всего зарегистрировано	Процент от общего количества
1	Адвентисты седьмого дня	15	3,50
2	Армия спасения	1	0,23
3	Армянская апостольская церковь	1	0,23
4	Буддизм	2	0,47
5	Древлеправославная церковь	4	0,93
6	Евангельские христиане-баптисты	19	4,43
7	Евангельские христиане	16	3,73
8	Ислам	45	10,49
9	Иудаизм	4	0,93
10	Лютеране (Евангелическо-лютеранская церковь)	4	0,93
11	Методистская церковь	1	0,23
12	Новоапостольская церковь	1	0,23
13	Пресвитерианская церковь	2	0,47
14	Римско-Католическая церковь	5	1,17
15	Российская православная автономная церковь	1	0,23
16	Русская православная старообрядческая церковь	7	1,63
17	Русская православная церковь (Московский патриархат)	275	64,10
18	Сознание Кришны (вайшнавизм)	2	0,47
19	Христиане веры евангельской	21	4,90
20	Церковь Божией Матери Державная	1	0,23
21	Церковь Иисуса Христа святых последних дней	2	0,47
	Зарегистрировано ВСЕГО	429	100,00

Последующий анализ статистических данных о регистрации религиозных организаций в регионе подтверждает относительно устойчивый характер количественных характеристик религиозной ситуации: 2020 г. — 433 организации, 2021 г. — 439 г. (увеличение — за счет организаций РПЦ и ислама). Эти данные подтверждают, что Волгоградская область сохраняет свои культурные и вероисповедные традиции [Сгибнева, 2017].

В ходе первого этапа исследования проводилось анкетирование жителей. Тип выборочной совокупности: квотная с распределением по полу и возрасту. Объем выборки — 1800 респондентов в возрасте от 18 лет. Для репрезентативного отражения мнения населения Волгоградской области о религиозной ситуации в регионе массовый опрос проведен с использованием направленной (целевой) выборки, пропорционально отражающей половозрастные характеристики респондентов в разрезе муниципальных образований и типов поселений (городского и сельского). Ошибка выборки не превышает 2,58%. Доверительный интервал — 0,97. Основу выборки составляет городское и сельское население девяти муниципальных образований Волгоградской области в возрасте от 18 лет и старше, проживающее и имеющее постоянную регистрацию в населенных пунктах Волгоградской области, в которых проводилось исследование.

Экспертный опрос, проведенный на следующем этапе работы, предусматривал экспертную оценку религиозной ситуации в регионе, определение специалистами состояния межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений, наличия проблемных зон в этой сфере, возможностей разрешения трудных вопросов коммуникаций. Предлагалось также спрогнозировать динамику религиозной ситуации в области/городе/районе/сельском населенном пункте.

В качестве экспертов в исследовании приняли участие ученые и преподаватели религиозоведческих, философских, социологических дисциплин, руководители учебных заведений, государственные и муниципальные служащие, осуществляющие в рамках своих профессиональных обязанностей взаимодействие с религиозными объединениями, юристы, журналисты, а также лидеры религиозных организаций разных вероисповеданий — всего 120 чел. Основное внимание в данной статье уделено результатам экспертного опроса.

Результат

Ответы большинства участников массового опроса свидетельствуют об удовлетворенности волгоградцев состоянием межконфессиональных отношений; по их мнению, деятельность религиозных организаций не дает оснований для прогнозирования конфликтов и противоречий (71,6%). Часть опрошенных жителей (13,3%) указали, что межконфессиональные отношения их не устраивают; только 7,1% респондентов эти вопросы не интересуют, 8% на вопрос не ответили. Анализ ответов показывает, что деятельность религиозных организаций составляет сегодня часть общественной жизни, большинство населения имеет возможность наблюдать за этой работой, оценивать, составлять собственное мнение, выносить свои суждения.

Открытый вопрос о религиях региона позволил установить, насколько адекватно религиозное многообразие Волгоградской области воспринимается массовым сознанием (табл. 2).

Судя по ответам, значительная часть опрошенных осведомлена лишь о крупных религиозных организациях; поликонфессиональность, слабо артикулируемая в социальном пространстве, не является предметом осмысления массовым сознанием.

Большинство респондентов считает, что вероятность конфликтов на межрелигиозной почве в ближайшие один-два года низкая (68%). Возможность подобных конфликтов вероятна для каждого четвертого опрошенного.

Таблица 2

Осведомленность населения о религиях Волгоградской области

Table 2

Public awareness of religions Volgograd region

Какие религии есть на территории Волгоградской области	Доля респондентов, %
Православие	34,4
Ислам	33,3
Буддизм	7,0
Католицизм	5,0
Иудаизм	4,8
Старообрядчество	2,2
Свидетели Иеговы	2,1
Протестантизм	0,5
Баптизм	0,4
Атеизм	0,1
Индуизм	0,1
Секты	0,1
Евангелисты	0,1
Общество сознания Кришны	0,1

Исследование показало, что наиболее конфликтогенными в регионе могут стать Быковский и Палласовский районы Волгоградской области: соответственно 57 и 61% опрошенных в этих районах высказали предположения о возможности конфликтов на религиозной почве. Пограничное положение этих районов на востоке области, многонациональный и поликонфессиональный состав их населения требуют повышенного внимания к состоянию общественных отношений, уровню решения социальных, культурных и экономических вопросов.

Основными причинами, способными влиять на обострение отношений между людьми разных вероисповеданий, респонденты назвали падение уровня жизни населения (24%) и оскорбление религиозных чувств (23%), а также предвзятое отношение населения к верующим вообще или представителям какой-либо конкретной религии (18%). Догматические различия, по мнению опрошенных, в наименьшей степени способны влиять на обострение социальных отношений на религиозной почве.

Подавляющее большинство респондентов (81%) утверждают, что религий, представители которых у них вызывают чувство неприязни или раздражения, нет. В то же время 11% респондентов отметили, что раздражение и неприязнь у них вызывают представители ислама, 8% — Свидетели Иеговы².

² Деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех ее региональных отделений решением Верховного суда Российской Федерации от 20.04.2017 признана экстремистской и запрещена на территории России.

Экспертный опрос позволил выявить оценку специалистами общей характеристики современной религиозной ситуации в регионе. Более половины из них (52%) считают ее более благоприятной, чем в других регионах России; каждый третий эксперт отметил схожий характер религиозных процессов в регионах Юга России; 6% считают, что в Волгоградской области более напряженная религиозная ситуация, чем в других субъектах Федерации.

Следует обратить внимание на то, что в оценках религиозной ситуации в России в целом и в Волгоградской области эксперты более единодушны, чем в оценке ситуации в муниципальных образованиях. На наш взгляд, это связано с неоднородностью религиозной обстановки в районах, которая зависит как от национального состава населения того или иного муниципального образования, так и от социально-экономических и культурных условий, динамики миграционных процессов, от уровня информационной обеспеченности.

Большинство экспертов (64%) отметили, что взаимодействие органов власти и управления на разных уровнях осуществляется в соответствии с требованиями законодательства РФ на основе принципа свободы совести и свободы вероисповеданий. В то же время каждый третий эксперт отмечает особое положение организаций Русской православной церкви, представители которых успешнее, чем другие конфессии, решают вопросы с различными управленческими структурами региона.

Степень активности взаимодействия конфессий с органами власти и управления оценивалась по 5-балльной шкале от одного балла (взаимодействие отсутствует) до пяти баллов (активное взаимодействие). Наиболее низкий уровень активности коммуникаций, по мнению экспертов, наблюдается в сфере здравоохранения: степень активности оценивается на уровне 2,5 баллов. Более активным респонденты посчитали взаимодействие в области образования и социальной сферы: по 3 балла. Наиболее активное взаимодействие осуществляется в сфере культуры.

По мнению экспертов, религиозные организации различных вероисповеданий имеют в основном равные возможности в большинстве сфер деятельности, за исключением строительства храмов и других конфессиональных объектов, а также в организации религиозного обучения.

Оценивая уровень реализации принципа свободы совести и свободы вероисповедания в регионе, большинство экспертов (55%) оценили его как высокий, 31% считают, что он в основном соблюдается, более 11% сомневаются в соблюдении этого принципа в Волгоградской области. Последним был задан открытый вопрос: «В чем, по вашему мнению, проявляется в Волгограде и области несоблюдение принципа свободы совести и вероисповедания?». Результат обработки их ответов представлен в таблице 3.

В оценке динамики религиозной ситуации в области мнения экспертов разделились: 38% опрошенных считают, что религиозная ситуация в регионе стабильна и не претерпела существенных изменений в течение последнего года; по мнению каждого третьего ситуация улучшилась. Причинами позитивных сдвигов они называют строительство новых храмов, увеличение приходов и прихожан, активное осуществление местными религиозными организациями социальных проектов. Однако 10% экспертов отметили, что религиозная ситуация усложнилась.

Таблица 3

**Проявление нарушений принципа свободы совести и вероисповедания
в Волгоградской области**

Table 3

**Manifestation of violations of the principle of freedom of conscience and religion
in the Volgograd region**

Какие факты свидетельствуют о нарушении принципа свободы совести и свободы вероисповедания?	Количество Респондентов, чел.
Некомпетентность чиновников, журналистов, политиков в области законодательства	6
Расходятся слова и дела (обещают, но не делают)	3
Принцип свободы совести не соблюдается по отношению к религиозным меньшинствам	2
Необъективность СМИ	2
Проявления религиозной нетерпимости	2
«Особое» положение РПЦ	2
Негативное отношение некоторых чиновников к неправославным конфессиям	2
Отсутствие свободного доступа к ТВ и радио всех зарегистрированных религиозных организаций	1
Провокационные статьи в СМИ	1

Причиной этого они считают увеличение мусульманских организаций, не входящих в юрисдикцию Духовного управления мусульман Волгоградской области, а также имеющиеся случаи некорректного освещения религиозных процессов в регионе средствами массовой информации, фактические ошибки, допускаемые журналистами. Ряд экспертов выражают мнение, что государственные и муниципальные служащие допускают в своей деятельности отклонения от Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», не знакомы с последними поправками, внесенными в закон.

Прогнозы экспертов относительно дальнейшего развития религиозной ситуации в регионе позволяют определить как позитивные факторы межконфессионального взаимодействия и общественных интеракций, так и проблемные зоны, которые создают опасность противоречий и конфликтов на религиозной почве. К позитивным факторам эксперты отнесли:

- эффективное решение социальных проблем в регионе;
- осуществление программ нравственного, гражданского, патриотического воспитания детей и молодежи с участием учебных заведений, учреждений культуры, общественных и религиозных объединений;
- дальнейшее повышение эффективности подготовки педагогических работников, государственных и муниципальных служащих, журналистов, политологов и других лиц по религиозно-правовым проблемам, изучению законодательной базы в сфере деятельности религиозных организаций, изучению правоприменительных практик в этой области;
- развитие диалога в межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношениях, взаимодействие религиозных объединений с гражданским обществом;

- открытость деятельности религиозных организаций разных вероисповеданий;
- совершенствование правовой базы деятельности конфессий в Волгоградской области;
- воспитание веротерпимости в системе образования и воспитания;
- повышение уровня знаний населения об истории религий, роли религиозных объединений в истории и культуре России.

В качестве факторов, которые могут способствовать ухудшению религиозной ситуации, эксперты назвали:

- 1) конкуренция между конфессиями (борьба за паству, внимание власти и СМИ и др.);
- 2) недооценка роли религиозных меньшинств в общественной жизни региона;
- 3) кономическое неравенство религиозных объединений;
- 4) использование положений религиозных доктрин, религиозной символики экстремистскими организациями;
- 5) изменение конфессиональной картины региона за счет появления сектантских образований, новых религиозных движений.

Экспертное мнение дает возможность, при дальнейшем мониторинге религиозной ситуации конкретизировать поля исследования, а также корректировать программы взаимодействия органов власти и управления с религиозными структурами.

Эксперты обращают внимание на то, что правовая обоснованность этих программ во многом определяет стабильность общественных отношений в регионе, предотвращает опасность возникновения конфликтов на религиозной почве.

Исследование позволило выявить те факторы, которые более всего воздействуют на характер религиозной ситуации в регионе и ее динамику. Во-первых, это состояние государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, опирающихся на конституционные принципы свободы совести и свободы вероисповеданий. В деле стабилизации общественных отношений на первый план выходит их правовая основа. Смещения в идеологическую сферу способны привести к разногласиям и конфликтам. Важно учитывать и историко-культурную матрицу социума.

Во-вторых, особую значимость приобретает открытость деятельности религиозных объединений, эксплицитность их общественных интеракций, их включенность на основе норм права в решение острых и актуальных проблем региона.

В-третьих, исключительно важно сегодня преодолевать отделенность религиозной сферы от общества, для чего важна религиозная грамотность населения на всех уровнях, понимание роли религий в обществе, в сложной системе социальных взаимосвязей. И в этой связи возрастает роль системы образования, сферы культуры и средств массовой информации.

Заключение

Таким образом, социологическое исследование религиозной ситуации в Волгоградской области позволяет сделать следующие выводы:

1. Религиозная ситуация в регионе большинством участников исследования оценивается как относительно устойчивая, благоприятная для деятельности религиозных объединений и их взаимодействия с государством и обществом.

2. По мнению экспертов, в регионе не обнаруживаются тенденции к ухудшению религиозной ситуации, к возникновению конфликтов на религиозной почве. Власти региона заботятся о выстраивании диалога с конфессиями. Участники диалога стремятся соблюдать принцип свободы совести и свободы вероисповеданий, однако имеющиеся отклонения требуют детального изучения и своевременной корректировки.

3. Конфессиональный портрет Волгоградской области сложен и многолик, в регионе традиционно представлены и крупные религиозные организации, и религиозные меньшинства. Для устойчивости религиозной ситуации важно сохранять паритетность в государственно-конфессиональных отношениях.

4. Эксперты одобряют деятельность Межрелигиозного круглого стола при Администрации Волгоградской области, где обсуждаются вопросы взаимодействия религиозных организаций разных вероисповеданий, их участия в решении актуальных проблем социальной жизни региона (преодоление девиантного поведения детей и подростков, борьба с бродяжничеством, социальная реабилитация вылечившихся наркозависимых, поддержка одиноких престарелых людей, работа в хосписах и др.). Отмечая значимость принятых в области законов от 27.11.2001 № 634-ОД «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области» и от 27.05.2003 № 826-ОД «О взаимодействии органов государственной власти Волгоградской области органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими организациями», ряд экспертов отметили необходимость внесения изменений и дополнений в областные законодательные акты с учетом изменений в структуре органов власти и управления и введением новых законов РФ, касающихся политики в области государственно-конфессиональных отношений.

4. Религиозная ситуация не может представлять собой застывшую форму, это динамичный процесс, который тесно связан с процессами в области экономики региона, социально-политической и культурной сферах. Поэтому она требует постоянного мониторинга, своевременного обнаружения критических зон, преодоления регрессивных тенденций и нарушений устойчивости социума.

Исследование показало, что не все эксперты в данной области обладают достаточным уровнем знаний по истории религии, правовым основам деятельности религиозных организаций. А это серьезная проблема, решение которой невозможно без организации качественной религиозоведческой подготовки в системе высшего и дополнительного профессионального образования. Поэтому нам представляется важной и актуальной предложенная Президентом России идея включения в образовательные программы высшего образования учебного курса «История религий России». Важно только, чтобы этот курс не превратился в некую «мировозренческую дисциплину», не был ни политически, ни конфессионально ангажированным [Мельников, 2023], а стал по-настоящему научным курсом, раскрывающим исторический и социокультурный процесс становления и функционирования религий, истоки и особенности многоконфессиональной структуры российского общества, позволяющим поднять уровень религиозоведческой грамотности специалистов с высшим образованием.

Реальная обстановка в многоконфессиональных регионах России свидетельствует о необходимости четко выраженной государственной политики в сфере взаимоотноше-

ний государства и общества с религиозными объединениями. Тем более, что уже приняты Основы государственной политики в области национальных отношений, Основы государственной культурной политики. В последнем документе особо говорится о приоритетном развитии гуманитарных наук как наук о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности, проведение фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарных наук, в которую входит и комплекс наук о религии. Сегодня религиоведческие знания необходимы широкому кругу специалистов (журналистов, политологов, социологов, юристов, учителей, врачей, социальных работников, специалистов в области работы с молодёжью, в сфере государственного и муниципального управления и др.), включенных в систему взаимодействия социальных институтов, в сложный процесс интеграции светского и религиозного в современном мире, в котором наблюдается растущее многообразие религиозных процессов и явлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликова Е. О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 116–127.

Волков Ю. Г., Денисова Г. С., Золотухин В. Е., Печкуров И. В. Характер межэтнических отношений в оценках населения регионов Юга России // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 11–19.

Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.

Лопаткин Р. А. Социологическая интерпретация понятия Религиозная ситуация // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии. СПб., 2005. Вып. 2. С. 130–138.

Мельников А. Российские конфессии станут зачетными. О возможных проблемах на пути нового предмета в студенческие аудитории // НГ-религии. 20.12.2022. URL: https://www.ng.ru/facts/2022-12-20/9_542_problems.html (дата обращения: 28.01.2023).

Мирошникова Е. М., Сгибнева О. И. Религиозная политика светского государства в условиях религиозного многообразия // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 62–74.

Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. 446 с.

Мчедлова М. М. Религия между традицией и современностью: российский контекст // Роль религии в современном мире : материалы научно-практ. конф. М. : РАРС, 2016. С. 133–146.

Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–292.

Сарычев В. В., Симонов И. В. О современной религиозной обстановке в Нижегородской области // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 1997. № 2. С. 46–58.

Сгибнева О. И. Отношения государства и религиозных организаций в условиях свободы совести // Вестник ВолГУ. Философия. Социология и социальные технологии. Волгоград, 2012. Вып. 7, № 1 (16). С. 99–104.

Смирнов М. Ю. Религиозная ситуация // Энциклопедический словарь социологии религии. СПб. : Платоновское философское общество, 2017. С. 254–255.

Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность?: монографическое исследование. М., 2007. 664 с.

Энциклопедический словарь социологии религии. СПб. : Платоновское философское общество, 2017. 508 с.

Allport G. W., Ross J. M. Personal Religious Orientation and Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5, no. 4, P. 432–443.

Faulkner J. E., de Jong G. F. Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis // Social Forces. 1966. Vol. 45, no. 2. P. 252–253.

Glock Ch. Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education, Research Supplement. 1962. Vol. 42. P. 99–100.

Stark R., Iannaccone L. A. Supply-side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe. Journal for the Scientific Study of Religion. 1994. Vol. 33, no. 3, P. 230–252.

REFERENCES

Belikova E. O. Poiski strategii sociologicheskogo izucheniya religioznoj identichnosti [Searching for a sociological strategy to study religious identity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2018, no 2, P. 116–127 (in Russian).

E'nciklopedicheskij slovar' sociologii religii [Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion]. SPb., Platonovskoe filosofskoe obshchestvo. 2017. 598 p. (in Russian).

Kublitskaya E. A. Peculiarities of studying the religiosity of the population in modern Russia (methodology and methods of research) [Osobennosti izucheniya religioznosti naseleniya v sovremennoj Rossii (metodologiya i metody' issledovaniya)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, no 4, P. 96–107 (in Russian).

Lopatkin R. A. Sociologicheskaya interpretaciya ponyatiya Religioznaya situaciya [Sociological Interpretation of the Concept of Religious Situation]. *Religioznaya situaciya na Severo-Zapade Rossii i v stranah Baltii* [The religious situation in the North-West of Russia and in the Baltic States]. SPb., 2005, Vyp. 2, P. 130–138 (in Russian).

Mchedlov M. P. *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duxovnoj i obshchestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii* [Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia]. M., 2005. 446 p. (in Russian).

Mchedlova M. M. Religiya mezhdru tradiciej i sovremennost'yu: rossijskij kontekst [Religion between tradition and modernity: the Russian context]. *Rol' religii v sovremennom mire: materialy' nauchn.-prakt. konf* [The role of religion in the modern world: materials of the scientific and practical conference]. M., 2016, P. 133–146 (in Russian)

Melnikov A. Russian confessions will become credits. About possible problems on the way of a new subject to student audiences. NG-religii [Ng-religion], URL: https://www.ng.ru/facts/2022-12-20/9_542_problems.html (accessed 28.01.2023).

Miroshnikova E. M., Sgibneva O. I. Religioznaya politika svetskogo gosudarstva v usloviyax religioznogo mnogoobraziya [Religious policy of the secular state in the conditions of religious diversity. *Logos et Praxis* [Logos et Praxis]. 2017, vol. 16, no 3, P. 62–74 (in Russian).

Prutskova E. V. Operacionalizaciya ponyatiya “religioznost” v e'mpiricheskix issledovaniyax [The operationalization of the concept of “religiousness” in empirical studies]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 2, P. 268–292 (in Russian).

Sarychev V. V., Simonov I. V. O sovremennoj religioznoj obstanovke v Nizhegorodskoj oblasti [On the contemporary religious situation in the Nizhny Novgorod region]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 1997, no. 2, P. 44–58 (in Russian).

Sgibneva O. I. Otnosheniya gosudarstva i religiozny'x organizacij v usloviyax svobody' sovesti [Relations between the state and religious organizations in conditions of freedom of conscience]. *Vestnik VolGU* [Bulletin of Volgograd State University] Volgograd, 2012, no 1 (16), P. 99–104 (in Russian).

Smirnov M. Yu. Religioznaya situaciya [The religious situation]. *Encyclopaedic dictionary of the sociology of religion* [E'nciklopedicheskij slovar sociologii religii]. SPb., 2017, P. 254–255 (in Russian).

Toshchenko Zh. T. *Teokratiya: fantom ili real'nost'? Monograficheskoe issledovanie* [Theocracy: phantom or reality? Monographic research]. M., 2017. 664 p. (in Russian).

Volkov Yu. G., Denisova G. S., Zolotuhin V. E., Pechkurov I. V. Kharakter mezhe'tnicheskix otnoshenij v ocenках naseleniya regionov Yuga Rossii The nature of interethnic relations in the population estimates in the South of Russia. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2017, no. 11, P. 11–19. (in Russian).

Allport, GW, & Ross, JM. Personal Religious Orientation and Prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967, no 5 (4), P. 432–443 (in English).

Glock Ch. Y. (1962) On the Study of Religious Commitment. *Religious Education, Research Supplement*. Vol. 42, P. 99–100 (in English).

Faulkner J. E., de Jong G. F. Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis. *Social Forces*. 1966. Vol. 45, no. 2, P. 252–253 (in English).

Stark R., Iannaccone L. (1994) A Supply-side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 33, no. 3, P. 230–252 (in English).

Статья поступила в редакцию: 06.02.2023

Принята к публикации: 28.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023

УДК 2–63 (571.54)

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–10

П. К. Дашковский, Е. А. Траудт*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИЙ СОДЕЙСТВИЯ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ В БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х — НАЧАЛЕ 1980-х гг.

На основе архивных данных по материалам Государственного архива Республики Бурятия изучена деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятской АССР во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. Установлено, что данный период характеризуется определенным потеплением религиозной политики в стране. В регионе это выразилось в том, что тенденция открытого закрытия храмов стала заменяться на методы всестороннего контроля за деятельностью религиозных организаций и незарегистрированных групп верующих. Этот поворот в государственно-конфессиональной политике способствовал появлению комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах, которые были созданы по всей территории СССР, том числе и в Сибири. Основной задачей такой организации стало проведение атеистических мероприятий, учёт религиозных организаций и служителей культа, исследование характера и направленности религиозных праздников и идеологии общин. В статье также определены основные методы и формы работы данного органа по отношению к зарегистрированным и незарегистрированным религиозным организациям, служителям культа Бурятии. Кроме того, представлены определенные результаты сравнительного анализа атеистической работы комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах Бурятской АССР и аналогичных структур в других регионах СССР. Показана связь комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии с Уполномоченным Совета по делам религий по Бурятской АССР при Совете Министров СССР.

Ключевые слова: комиссии по соблюдению законодательства о религиозных культах, государственно-конфессиональная политика СССР, религиозные общины, атеистическая пропаганда, Бурятская АССР.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 181–196.

DOI: 10.14258/nreur(2023)2–10.

P. K. Dashkovskiy, E. A. Traudt

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE ACTIVITY OF THE COMMISSIONS OF ASSISTANCE IN COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION ON RELIGIOUS CULTS IN BURYATIA IN THE SECOND HALF OF THE 1960S — EARLY 1980S.

Based on archival data from the materials of the State Archive of the Republic of Buryatia, the article examines the activities of the Commissions for Assistance in compliance with the legislation on Religious Cults in the Buryat ASSR in the second half of the 1960s-early 1980s. It is established that this period is characterized by a certain warming of the religious policy in the country. In the region, this was reflected in the fact that the trend of open churches closure was replaced by methods of comprehensive control over the activities of religious organizations and unregistered groups of believers. This turn of the state-confessional policy made possible the appearance of Commissions to assist in compliance with legislation on religious cults, which were convened throughout the USSR, including in Siberia. The main task of such an organization was to conduct atheistic events, to take into account religious organizations and ministers of worship, to study the nature and orientation of religious holidays and the ideology of communities. The article also defines the main methods and forms of work of this body in relation to registered and unregistered religious organizations, ministers of the cult of Buryatia. In addition, certain results of a comparative analysis of the atheistic work of the Commissions for Assistance in Compliance with the legislation on Religious Cults of the Buryat ASSR and similar structures in other regions of the USSR are presented. The connection of the Commissions for Assistance in compliance with the legislation on religious cults in Buryatia is shown with the Commissioner of the Council for Religious Affairs of the Buryat ASSR under the USSR Council of Ministers.

Keywords: Commissions on compliance with legislation on religious cults, state-confessional policy of the USSR, religious communities, atheistic propaganda, Buryat ASSR

For citation:

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. Activity of the commissions of assistance on compliance with legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Vol. 28, No. 2. P. 181–196.
DOI: 10.14258/nreur(2023)2–10.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Траудт Егор Андреевич, лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** traudt805ea@gmail.com.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpu.asu.ru; ORCID 0000-0002-4933-8809.

Traudt Egor Andreevich, laboratory assistant researcher at the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** traudt805ea@gmail.com.

Введение

Данная статья посвящена анализу деятельности комиссий по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятской АССР в один из наиболее важных периодов в истории государственно-конфессиональных отношений СССР во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. Стоит отметить, что обозначенная проблематика на материалах Бурятии ещё не получила должного освещения в научной литературе, что во многом определяет новизну данного исследования. В то же время в отношении некоторых регионов СССР, в том числе тех, которые находились на правах национальной автономии, данная тема исследована относительно полно. В частности, деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах рассматривалась исследователями в отношении Дагестана [Сулаев, 2022: 24–36], Средне-Волжского региона [Подмарицын, 2017, 102–104], Мордовии [Занкина, 2014: 146–149], Татарской АССР [Ибрагимов, 2005], а также Калмыцкой АССР [Белоусов, 2017]. Для Сибирского региона характерно изучение обозначенной проблематики в отношении Хакаской АССР [Дашковский, Гончарова, 2021: 163–179], Алтайского края, Новосибирской, Томской [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019: 100–111], Кемеровской [Серова, 2010: 228–230] Иркутской [Смолина, 2014: 2030] областей и других регионов страны. Это обстоятельство дает дополнительные основания для проведения сравнительного анализа направлений и методов работы комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятской АССР и других регионах страны.

После того, как к руководству страной пришел Л. И. Брежнев, политика государства по отношению к религии берёт курс на либерализацию государственно-конфессиональных отношений, что хорошо прослеживается в региональном пространстве СССР [Одинцов, 2002: 29; Дашковский, Дворянчикова, 2022; Горбатов, 2009]. На высшем уровне партийное руководство пыталось изменить курс религиозной политики и старалось не допустить перегибы, которые имели место в период руководства страной Н. С. Хрущевым. Государство в целом не изменило своей позиции по отношению к религиозной жизни общества, однако тон пропаганды стал меняться от радикального к более умеренному и терпимому [Белоусов, 2016: 203].

До середины 1960-х гг. органами власти, контролирующими религиозность населения, являлись Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиоз-

ных культов при Совете Народных Комиссаров (Совете Министров)¹ СССР. В 1960-х гг. назрела потребность создания единого центрального органа для контроля всех религиозных объединений. Именно по этой причине в 1965 г. на базе Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совете по делам религиозных культов при СМ СССР создаётся новый орган — Совет по делам религий при Совете Министров СССР (СПДР при СМ СССР). Политический курс нового генерального секретаря КПСС Л. И. Брежнева был направлен на дальнейшую легализацию религиозных объединений посредством встраивания их в концепцию «развитого социализма». К предшествующим, безусловно, атеистическим, но относительно терпимым взглядам в области свободы совести, новое правительство добавило корректировку на западное и общественное мнение [Гераськин, 2009: 49]. СССР, являясь неотъемлемым участником международных отношений, начиная с 1970-х гг. постепенно переживает процесс относительной глобализации, который стал проявляться во многих сферах жизни общества, в том числе и в правовом поле. Характерно, что именно с этого момента советское руководство старается выпускать новые нормативно-правовые акты, учитывая опыт зарубежных стран и положения международных документов, а уже действующие законы отчасти пытается скорректировать под современные реалии. Во многом на это повлияло подписание Советским Союзом Хельсинкского акта 1975 г. (Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) и принятие обязательств по его выполнению в гуманитарной сфере, в том числе включавших обеспечение прав и основных свобод человека [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 42].

Следует отметить, что регистрация религиозных объединений в стране возобновляется как раз в конце 1960-х — начале 1970-х гг. XX в. На начальном этапе легализации официальный статус приобрели некоторые протестантские общины, далее православные, а во второй половине 70-х гг. XX в. — старообрядческие, католические и мусульманские [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 20].

Новый орган контроля за религиозными объединениями образовывался в составе председателя и его заместителей, назначаемых Советом Министров СССР, и членов Совета, назначаемых по представлению председателя [URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/>].

На местном уровне религиозная политика была возложена на Уполномоченного Совета по делам религии при СМ определенного региона. Назначение на данную должность и освобождение от нее происходило по представлению краевых или областных исполкомов Советов депутатов трудящихся. В функции уполномоченных Совета по делам религий входили следующие обязанности:

- осуществлять надзор за правильным применением и соблюдением законодательства о культах религиозными организациями и служителями культов;
- составлять заключения Совету по делам религий, а также республиканским и местным советским органам по вопросам религии;
- проводить контроль и учет религиозных организаций, общин;

¹ 15 марта 1946 г. Советы Народных Комиссаров СССР и АССР были преобразованы в Советы Министров СССР и АССР [Сборник законов СССР..., 1956: 77–78].

- разъяснять законодательство о религиозных культах;
- информировать Совет по делам религий о ежегодной религиозной ситуации в крае, области;
- оказывать помощь комиссиям содействия по соблюдению законодательства о культах.

Помимо вышеперечисленных функций, неотъемлемой частью работы уполномоченного Совета по делам религий являлось рассмотрение ходатайств верующих о регистрации объединения и открытии храма, лишение регистраций религиозных организаций, а также легализация деятельности служителей культа [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 22].

Нужно подчеркнуть, что деятельность уполномоченного Совета по делам религии не была одинаково эффективной во всех регионах СССР. Во многих административных субъектах они не предоставляли вовремя отчёты и другую документацию, касающуюся религиозности населения, не вели бесед со служителями культов и не занимались атеистической работой [Добротушенко, 2016: 38–45].

В данном случае стоит также отметить важную деталь, что статистические данные уполномоченных Советов по делам религии при ЦМ СССР в этот период не во всех случаях можно считать в полной мере достоверными. Уполномоченные этого органа могли намеренно занижать данные статистики, направляемой в вышестоящие государственные органы, чтобы показать уменьшение степени религиозности населения и сделать заключение об успешном проведении атеистической политики [Горбатов, 2011: 37; Копылова, 2011: 64–73].

Для вспомогательной деятельности в русле контроля и учёта религиозных объединений в 1966 г. появился новый орган атеистической направленности. Именно в этом году Совет по делам религий при ЦМ СССР разработал и отправил в регионы образец положения о комиссиях содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах. Это стало возможным благодаря тому, что в данный период в общей политике советской власти, направленной на более широкое участие общественности в обсуждении некоторых социальных проблем, особое внимание уделялось привлечению людей различных профессий для контроля за деятельностью верующих [Одинцов, 2002: 32].

Цели и права комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах

Комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах состояли из депутатов местных Советов, представителей общественных организаций, трудовых коллективов. Количественный состав не был фиксированным, а определялся из наличия в данной местности действующих религиозных организаций и степени религиозности населения. Такие вспомогательные организации были созданы по всей территории советского государства, в том числе в Сибири [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019; Дашковский, Гончарова, 2021; Занкина, 2014].

Главной задачей новообразованной общественной структуры стало оказание помощи исполкомам Советов народных депутатов в осуществлении контроля за соблюдением Конституции СССР, Конституции РСФСР и, в частности, Конституции Бурят-

ской АССР, гарантирующих свободу совести. Важно было проконтролировать правильное применение и использование законодательных актов РСФСР о религиозных объединениях, а также и то, чтобы деятельность религиозных организаций и служителей культа проводилась в рамках законодательства. Другая задача заключалась в том, чтобы использование гражданами свободы совести не наносило ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, а также не нарушились права верующих и религиозных объединений, не допускалось незаконное вмешательство в их каноническую деятельность [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 37].

Наряду с таким обширным спектром задач комиссии по соблюдению законодательства о религиозных культах имели свои права и обязанности. В частности, их права касались проверки деятельности религиозных организаций и служителей культа, вынесения на рассмотрение исполкомом нарушений и о привлечении к ответственности виновных. Кроме того, орган имел право заслушивать на заседаниях членов комиссий с отчетами о выполнении данных им поручений, проводить разъяснительную работу по законодательству о религиозных культах [ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1 Д. 75. Л. 38].

Обязанности Комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах распространялись на следующие сферы:

- 1) контроля за зарегистрированными, а также незарегистрированными религиозными организациями;
- 2) профилактической работы в трудовых коллективах;
- 3) проверки писем, заявлений и жалоб граждан;
- 4) изучения норм и методов деятельности религиозных организаций и служителей культа;
- 5) выявление их влияния на население [ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1 Д. 75. Л. 38].

Состав и количество комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах утверждал исполком районного Совета народных депутатов Бурятской АССР. Для повышения продуктивности работы комиссии составляли план мероприятий, рассчитанный на короткий промежуток времени (обычно на год или два), который помогал координировать их деятельность и делегировать обязанности разным членам комиссии. Как правило, мероприятия были направлены на улучшение атеистической работы в конкретном населенном пункте.

В конце периода, установленного планом, комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах обязательно предоставляла отчет о своей деятельности, который содержал информацию о проведенных мероприятиях, нарушениях, а также состоянии религиозности в регионах.

В Бурятской АССР данные учреждения, как и по всему СССР, создавались на общественных началах. Комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах состояла из депутатов местных Советов, представителей общественных организаций, трудовых коллективов. Количественный состав не был фиксированным, а определялся из наличия в данной местности действующих религиозных организаций и степени религиозности населения [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 37]. Итогом работы таких организаций должны были стать ослабление роли влияния религиозных ор-

ганизаций на умы советских людей посредством разработки конкретных атеистических методов [Серова, 2010: 229].

Основные формы и методы осуществления атеистической политики комиссиями по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии

Деятельность образованных в указанный период комиссий часто была связана с внедрением в жизнь населения новых гражданских обрядов, которые должны были заменить религиозные праздники. В числе таких можно отметить регистрацию брака, выдачу паспортов, призыв в Советскую Армию и т. д. Во многом для этого, например в Еравнинском аймаке² Бурятской АССР, была создана комиссия в составе семи человек. В этом им помогали также отделы культуры, разрабатывавшие сценарии по проведению мероприятий. В репертуары многих творческих коллективов участников художественной самодеятельности в обязательном порядке стали входить номера, «бичующие религиозное одурманивание верующих» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 7]. Однако в Еравнинском аймаке к 1975 г. ситуация сложилась так, что верующая часть населения продолжала ежегодно отмечать различные религиозные праздники [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 19]. Можно сделать вывод, что на жителей данного аймака антирелигиозная пропаганда повлияла не особенно сильно.

Учреждениями культуры Улан-Удэнского района к 1975 г. традиционным стало проведение в Иволгинском районном Доме культуры вечера-праздника «Я гражданин Советского Союза», где в торжественной обстановке лицам, достигшим 16-летнего возраста, вручался паспорт. Как правило, на этих мероприятиях присутствовали ветераны войн, труда, передовики производства. Особой популярностью у молодежи района пользовались вечера — комсомольские субботы. Тематика таких встреч была разнообразной. Вечер «Комсомольские песни, помогите годам и героям воскреснуть», по выражению заместителя председателя комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах — «вылился в настоящий праздник по изучению и пропаганде комсомольской песни» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 17].

Во всех аймаках Бурятской АССР прослеживается, что религиозные праздники заменялись на идентичные гражданские. Так, вместо Цаган Сара (буддийского праздника, приуроченного приходу весны), повсеместно проводились «Проводы русской зимы», исключая религиозный подтекст [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 18].

В других регионах СССР, в том числе и в Сибири, также отмечены случаи замены религиозных праздников на гражданские. Так, например, в Советском районе Алтайского края комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах составила план антирелигиозных мероприятий, где данное положение было одним из главенствующих наряду с показами атеистических фильмов и их обсуждений [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 53]. В Венгеровском райисполкоме Новосибирской области в 1966 г. одной из важнейших задач комиссий стало улучшение работы клубов, проведение регулярных вечеров трудящихся, организация интересных мероприятий в дни религиозных праздников [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019: 103].

² Аймак (в Бурятской АССР) — административно-территориальная единица, тождественная понятию «район» в других субъектах СССР. Существовали с 1927 по 1977 г.

В других регионах Западной Сибири в это время также проходила похожая процедура внедрения советской обрядности. В годовом отчете за 1972 г. уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Новосибирской области отмечал, что в противовес религиозным обрядам крещения и бракосочетания в области внедрялись торжественные процедуры бракосочетаний и регистрации детей. Для этого многие ЗАГСы перевезли в лучшие здания, а также выделили им инвентарь для проведения торжественных обрядов. К участию в таких торжествах привлекались депутаты местных Советов, ветераны труда и Великой Отечественной войны. Вместе с тем уполномоченный по Новосибирской области заметил, что религиозному обряду похорон, кроме траурного митинга, практически ничего не противопоставлялось [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019: 105].

Следует отметить, что часто эффективность деятельности таких комиссий была не особо высокой, так как на местах существовали различные проблемы. В частности, в Еравнинском аймаке Бурятской АССР в период 1969 по 1974 г. трижды сменились председатели комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах. Примечательным моментом является то, что все они выбывали по разным причинам. После двух первых председателей был назначен заведующий отделом культуры, что противоречит положению о комиссиях содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах. Если следовать этому документу, то председателем комиссии содействия может быть только руководящий работник, имеющий административную власть. После назначения новоиспечённый председатель не был ознакомлен с решением исполкома аймачного Совета по созданию комиссии и выполнению законодательства о религиозных культах, заявляя, что это решение он видит впервые. По этой причине он никакой атеистической работы во вверенном ему аймаке не проводил. Именно это бездействие связывалось уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР с активизацией деятельности в Бурятии «различных религиозных шарлатанов» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–9]. Отмечается и общая неудовлетворительная тенденция в работе таких учреждений в данном аймаке. Исполнительный комитет Аймачного совета депутатов трудящихся Бурятской АССР сделал вывод, что исполком Сосново-Озерского сельского Совета ещё недостаточно активно проводит работу по выполнению законодательства о религиозных культах и постановлений Совета Министров Бурятской АССР. Кроме того, серьёзным упущением было то, что результаты антирелигиозной работы не освещались на страницах районной газеты [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 19].

Похожая ситуация имела место и в других аймаках Бурятской АССР. Так, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР Д. Б. Очиржапов отмечал, что в Тункинском аймаке деятельность комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах с 1969 по 1975 г. являлась неудовлетворительной. За указанное время сменилось трое председателей. Комиссией не был проведён учёт бывших лам и шаманов, а по имевшимся нарушениям законодательства о религиозных культах меры не принимались, карты и описания особенных культовых мест также не составлялись. Кроме того, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР сообщал, что за все эти пять лет комиссия

содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах данного аймака не представила ни одного серьёзного предложения по борьбе с религиозностью населения в регионе [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 71. Л. 13–14].

Председателю Кижингинского исполкома в 1974 г. был направлен документ, подписанный заместителем Председателя Совета Министров Бурятской АССР, о том, что антирелигиозная работа в аймаке ведётся слабо, никаких отчётов в течение практически пяти лет не предоставлялось. В выводе было сказано, что объяснение о невыполнении указаний Совета Министров необходимо представить в ближайшее время, в противном же случае отчёт будет заслушан на заседании Совета Министров Бурятской АССР [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 9].

Критика комиссий Уполномоченным Совета по делам религии при СМ СССР отмечена и в других автономиях СССР. Так, например, в Калмыкии уполномоченному указанного совета по данному региону постоянно приходилось напоминать местным властям о преодолении инертного отношения к религиозной политике. В 1976 г. было принято специальное постановление Калмыцкой АССР, где давалась негативная оценка деятельности комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах, а также предписывалось принять меры, чтобы устранить проблемы в работе данного органа [Белоусов, 2016: 200]. В Хакасской АССР комиссия содействия по соблюдению законодательства Копьевского района получала долю критики за то, что слабо участвовала в работе по разъяснению советского законодательства о культах, так как в 1977 г. там было прочитано всего три лекции [Дашковский, Гончарова, 2021: 55].

В данном случае важно отметить, что в состав комиссий в Бурятии не входили профессиональные исследователи религии или другие специалисты, которые могли ориентироваться в проблематике религиозных процессов. Регулирующая и надзорная деятельность была отдана на откуп учителям, депутатам местных советов, различным активистам, которые зачастую рассматривали религиозность людей как пережиток прошлого и не способны были анализировать её независимо от марксистско-ленинской теории. Проблема малой квалификации кадров в области всестороннего изучения религии имела и в других регионах страны. В частности, в Татарской АССР работа ответственных за данное направление служащих основывалась на административных, а не научных методах, к тому же имела элементы спонтанности и фрагментарности [Ибрагимов, 2006: 57]. Нехватка религиозных знаний у специалистов, вовлеченных в систему государственно-конфессиональных отношений, отмечалась и в других регионах Сибири, в частности, в Иркутской области [Смолина, 2014: 27].

Важной частью деятельности данных объединений стала атеистическая пропаганда среди населения Бурятии. Такие мероприятия находили своё отражение в форматах прочтения лекций, показов фильмов на атеистические темы. Важными участниками антирелигиозной пропаганды в регионе стали представители общества «Знание». В Кижингинском аймаке, например, за 1967 г. ими было прочитано 47 лекций. Ещё одной важной частью антирелигиозной работы в регионе стало распространение научно-популярных журналов антирелигиозной направленности — «Наука и религия», «Наука и жизнь» и др. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 7–8]. Так, в 1976 г. только в одном в Кижингинском аймаке Бурятской АССР было прочитано 38 лекций, «показыва-

ющих несостоятельность и вред религиозных предрассудков и шарлатанства» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 22]. Интересно, что в том же самом аймаке всего за два года в 1978 г. количество прочитанных лекций увеличилось до 168 [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 30]. Это можно объяснить тем, что религиозные верования в Бурятии оставались достаточно прочно интегрированными в жизнедеятельность населения и именно из-за этого необходимо было увеличить объём атеистической пропаганды. Активными лекторами становились учителя, секретари первичных партийных организаций, а также члены общества «Знание» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 68. Л. 6]. Они же и проводили беседы с теми лицами, которые были связаны с отправлением религиозных культов. Например, в 1978 г. гражданами Окинского района было совершено 16 случаев крещения в Вознесенской церкви Улан-Удэ. Это послужило поводом проведения с ними таких профилактических мероприятий [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 68. Л. 8]. В других регионах СССР, в том числе в национальных автономиях, применялись сходные методы для сокращения религиозности населения [Белоусов, 2016: 202].

На заключительном этапе рассматриваемого периода антирелигиозная пропаганда базировалась на идентичных методах. В Улан-Удэнском районе в 1981 г. было прочитано 26 лекций и проведен цикл бесед на антирелигиозные темы среди производственных коллективов и учащихся школ [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 52]. За следующий год количество лекций увеличилось на два показателя и составило 28 [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 56].

Необходимым этапом в антирелигиозной работе комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах было недопущение участия молодого поколения в религиозной жизни [ГАРБ. Ф. Р-1857. Д. 62. Л. 3]. Именно по этой части работали учителя и директора школ, проводя атеистические мероприятия, руководствуясь марксистско-ленинскими принципами. В Гильбирской школе Улан-Удэнского района в 1974–1975 гг. на уроках физики и истории особое внимание уделяли атеистическим воззрениям и научным изысканиям Н. Коперника, Дж. Бруно и Г. Галилея. Для учащихся младших классов была организована выставки «Юрий Гагарин — первый космонавт Земли», «Искусственные спутники Земли», которые прививали ученикам научный взгляд на мир. В качестве наглядного материала научной картины мира использовались стенды по тематикам «Новости», «Биология», «Физика» и др. Проводились лекции, явно направленные на подрыв авторитета религиозных учений и демонстрацию их несостоятельности: «Физика против религии», «Чудеса без чудес», «Предрассудки христианства» и т. д. Для формирования атеистических настроений школьников и обучению принципам марксизма-ленинизма был создан клуб «Юный атеист» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Д. 75. Л. 12–14].

Стоит отметить, что подобное отношение к молодёжному воспитанию существовало и в других регионах СССР, в том числе в Сибири. В Хакасии атеистическая работа велась через создание объединения «Юный атеист», прочтение лекций, организацию бесед с учениками и их родителями. Один раз в квартал организовывались семинары для учителей-атеистов, организаторов внеклассной работы и секретарей школ [Дашковский, Гончарова, 2021: 55]. Подобные мероприятия проводились и в образовательных организациях Кемеровской области [Серова, 2010: 229].

Комиссии содействия по соблюдению законодательства по делам религиозных культов особенно обращали внимание на выявление незаконных культовых мест в Бурятии, так как именно там незарегистрированные служители культа часто проводили религиозные обряды. Так, например, в Хоринском аймаке Буряткой АССР в 1977 г. было выявлено 7 таких мест, за которыми ухаживали местные жители и раз в год проводили там ритуал тахниган [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 73. Л. 10].

Для предотвращения незаконной религиозной деятельности члены комиссии отслеживали особенно инициативных лиц и проводили с ними беседы на атеистические темы. Часто после обнаружения незарегистрированных культовых мест верующим приходилось их ликвидировать. В качестве примера можно привести ситуацию с ритуальным столбом-бурханом в улусе Куорка Кижингского аймака Бурятской АССР. Местный житель собственными силами установил его в 1976 г. на берегу озера-аршана Хужарта. После проверки данной местности комиссией по соблюдению законодательства о религиозных культах в 1977 г. культовое место было обнаружено, а сам столб было приказано снести, что и сделали сами местные жители [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 27].

Помимо культовых мест комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах регулярно проводили опись незаконных служителей культа. Так, для Улан-Удэнского района Бурятской АССР было установлено, что лама из села Хурамша в течение нескольких лет проводил без права на то молебны и молебственные чтения во время бурятского праздника «Салаалган» для жителей населённых пунктов Гильбира, Шурамша и Кокорино. Характерно то, что после встречи и беседы с руководителем сельского Совета и парткома служитель культа прекратил свою деятельность [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 17]. В Кижингском аймаке по состоянию на 1974 г. комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах благодаря своей деятельности сократила число незаконных служителей культа до одного человека, который после бесед также перестал проявлять религиозную активность [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 14].

Ещё одним методом контроля были постоянные финансовые проверки и инвентаризации религиозных объектов, чтобы отслеживать поступления и траты религиозных организаций, а также наблюдать за степенью сохранности вещей, представляющих историческую или художественную ценность. К примеру, в 1982 г. члены комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах проверили финансовую деятельность Иволгинского дацана. Сам инвентарь оценили в 779,3 тыс. руб., а условия их хранения признали удовлетворительными. Недостатки нашли только в том, что инвентаризация проводилась редко и неправильно [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 51].

В других регионах также применяли контроль за финансовыми потоками религиозных организаций. Так, в Иркутской области комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах следили за тем, чтобы православные приходы не поднимали цены на свечи, считая, что служители церкви делают это для компенсации убытков, связанных с высокими налогами [Смолина, 2014: 28].

Заключение

Таким образом, комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятской АССР во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.

действовали достаточно многопланово, легко подходя под концепцию контролирования религиозных организаций. Методы, которые были направлены на искоренение религии в Бурятии, в целом, были характерны и для других регионов СССР. Данные организации хотя и имели очень широкие полномочия, касающиеся всей религиозной сферы населения, однако не обладали достаточной степенью суверенности, чтобы воплощать их в жизнь без общения с Советами народных депутатов, культурных и просветительских организаций, а также с Уполномоченным Совета по делам религии при СМ СССР. Именно по этой причине их работа зачастую была медленной и малоэффективной.

Кроме того, низкая квалификация кадров в религиоведческой области также играла значительную роль в недостаточной эффективности деятельности комиссий по соблюдению законодательства о религиозных культах, так как религиозность рассматривалась ими как пережиток прошлого и подлежала искоренению. Во многом из-за того, что сами члены комиссии были государственными служащими, их деятельность основывалась на административных принципах, которые исключали объективный анализ религиозной части жизни общества.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста : КалмНЦ РАН, 2016. 342 с.

Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о религиозных культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 100–111.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 52.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 56.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 60.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 62.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 68.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 71.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 73.

ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 75.

Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/4. С. 45–51.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 51 с.

Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религий в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 35–47.

Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Деятельность комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах в середине 1970 — начале 1980 гг. в Хакасии (Южная Сибирь) // Религиоведение. 2021. № 1. С. 51–63.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Из-во Алт. унт-та, 2022. 152 с.

Добротушенко Е. В. К вопросу о работе уполномоченных совета по делам религий при совете министров СССР в Читинской области во второй половине 60-х — 80-е гг. XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Вып. 3. С. 38–45.

Занкина А. С. Влияние Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах на татарскую умму Лямбирского района Мордовской АССР // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3. С. 146–149.

Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 152 с.

Копылова О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 64–73.

Одинцов М. И. Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно!» : Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М. : Объединение исследователей религии: Арт-Бизнес-Центр, 2002. 240 с.

Подмарицын А. Г. Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Средне-Волжском регионе в начале 60-х годов XX века // Наука и культура России. 2017. Т. 1. С. 102–104.

Серова Е. А. Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах (на примере общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : Сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2010. С. 228–230.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 77–78.

Смолина И. В. Основные направления деятельности иркутских уполномоченных Совета по делам Русской православной Церкви (Совета по делам религий) и комиссий содействия в 1940–1980-е годы // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 20–30.

Советов И. М. Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности. (Эпоха В. А. Куроедова. 1966–1984 гг.). URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/> (дата обращения: 03.03.2023).

Сулаев И. Х. Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах в Дагестанской АССР (вторая половина 1960-х — 1980-е гг.) // Российская история. 2022. № 1. С. 24–36.

REFERENCES

Belousov S. S. *Gosudarstvennaia religioznaia politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniia v gody sovetskoi vlasti (oktiabr' 1917–1991 gg.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Elista: KalmNTs RAN, 2016, 342 p.

Belikov S. V., Dvorianchikova N. S., Shershneva E. A. *Deiatel'nost' komissii po kontroliu za vypolnieniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine 1960-kh — nachale 1980-kh.* [Activity of commissions for monitoring the implementation of legislation on religious cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s.]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2019, no. 2 (19), pp. 100–111.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 56.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 60.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 62.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 68.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 71.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 73.

GARB [GARB]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 75.

Geras'kin Iu. V. *Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennogo Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR* [The emergence and formation of the Institute of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR]. *Izvestiia AltGU* [Izvestiya AltGU]. 2008, no. 4–4, pp. 45–51.

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940- e — 1960-e gg: avtoreferat dis. ... d-ra ist. Nauk* [The state and religious organizations of Siberia in the 1940s — 1960s: abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences]. Kemerovo, 2009, 51 p.

Gorbatov A. V. *K voprosu o statuse upolnomochennykh po delam religii v Sibiri (1943–1969 gg.)* [On the issue of the status of Commissioners for religious affairs in Siberia (1943–1969)]. *Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: evoliutsiia vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [The State and the Church in the XX century: the evolution of relationships, political and socio-cultural aspects. The experience of Russia and Europe]. M. : Knizhnyi dom “LIBROKOM”, 2011, pp. 35–47.

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatii (GARB) [The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)]. Fund. R. 1857. Inventory. 1. File. 52.

Dashkovskiy P. K., Goncharova N. S. *Deiatel'nost' komissii sodeistviia po kontroliu sobliudeniia zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v seredine 1970 — nachale 1980 gg. v Khakasii (Iuzhnaia Sibir')* [Activity of the commissions of assistance in monitoring compliance with legislation on religious cults in the mid-1970s — early 1980s in Khakassia (Southern Siberia)]. *Religiovedenie* [Study of religions]. 2021, no. 1, pp. 51–63.

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naia politika na iuge Zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional politics in the south of Western Siberia]. Barnaul: Iz-vo Alt. unt-ta, 2022, 152 p.

Dobrotushenko E. V. K voprosu o rabote upolnomochennykh soveta po delam religii pri sovete ministrov SSSR v Chitinskoi oblasti vo vtoroi polovine 60-kh — 80-e gg. KhKh v. // *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*. 2016. Vyp. 3. S. 38–45.

Ibragimov R. R. *Vlast' i religiia v Tatarstane v 1940–1980-e gg. Kazan'* [Power and religion in Tatarstan in the 1940s-1980s]: Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'ianova-Lenina, 2005, 152 p.

Kopylova O. N. Otchety upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi kak istochnik po izucheniiu istorii Russkoi Tserkvi vo 2-i polovine XX stoletiiia [Russian Russian Orthodox Church Affairs Council Commissioners' Reports as a Source for the Study of the History of the Russian Church in the 2nd Half of the XX century]. *Vestnik tserkovnoi istorii* [Bulletin of Church History]. 2011, no. 3/4 (23/24), pp. 64–73.

Odintsov M. I. *Sovet ministrov SSSR postanovliaet: "vyselit' navechno!": Sbornik dokumentov i materialov o Svideteliakh Iegovy v Sovetskom Soiuze (1951–1985 gg.)* [The Council of Ministers of the USSR decides: "evict forever!": Collection of documents and materials about Jehovah's Witnesses in the Soviet Union (1951–1985)] M.: Ob'edinenie issledovatelei religii, Art-Biznes-Tsentr, 2002, 240 p.

Podmaritsyn A. G. Deiatel'nost' komissii sodeistviia po sobliudeniiu zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v Sredne-Volzhskom regione v nachale 60-kh godov XX veka [Activity of commissions for assistance in compliance with legislation on religious cults in the Middle Volga region in the early 60s of the XX century]. *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and Culture of Russia]. 2017, vol. 1, pp. 102–104.

Serova E. A. Deiatel'nost' komissii po kontroliu za sobliudeniem zakonodatel'stva o kul'takh (na primere obshchin Evangel'skikh khristian-baptistov Kemerovskoi oblasti) [Activity of commissions for monitoring compliance with legislation on cults (on the example of Evangelical Christian Baptist communities of the Kemerovo region)]. *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov IV regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [Historical research in Siberia: problems and prospects: Collection of materials of the IV Regional Youth Scientific Conference]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2010, pp. 228–230.

Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. — iiul' 1956 g [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 — July 1956]. M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury, 1956, pp. 77–78.

Smolina I. V. Osnovnye napravleniia deiatel'nosti irkutskikh upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi Tserkvi (Soveta po delam religii) i komissii sodeistviia v 1940–1980-e gody [The main directions of activity of Irkutsk commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for Religious Affairs) and commissions of assistance in the 1940s-1980s]. *Novyi vzgliad. Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik* [Novy vzglyad. International Scientific Bulletin]. 2014, no. 4, pp. 20–30.

Sovetov I. M. *Sovet po delam religii pri SM SSSR: struktura, funktsii i osnovnye napravleniia deiatel'nosti. (Epokha V. A. Kuroedova. 1966–1984 gg.)* [Council for Religious Affairs under the USSR Council of Ministers: structure, functions and main activities. (The era of V. A. Kuroedov. 1966–1984)]. Available at: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/> (accessed March 3, 2023).

Sulaev I. Kh. *Deiatel'nost' komissii po kontroliu za sobliudeniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh v Dagestanskoi ASSR (vtoraia polovina 1960-kh — 1980-e gg.)* [Activity of commissions for monitoring compliance with legislation on religious cults in the Dagestan ASSR (the second half of the 1960s — 1980s)]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History]. 2022, no. 1, pp. 24–36.

Zankina A. S. *Vliianie Komissii sodeistviia kontroliu za sobliudeniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh na tatarskuiu ummu Liambirskogo raiona Mordovskoi ASSR* [Influence of the Commission for Assistance in monitoring compliance with Legislation on Religious cults on the Tatar Ummah of the Lyambirsky district of the Mordovian ASSR]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2014, no. 3, pp. 146–149.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2023

Принята к публикации: 25.06.2023

Дата публикации: 30.06.2023

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

• ERIH PLUS	• Scholarsteer
• EBSCO	• World Catalogue of Scientific Journals
• E-Library.ru	• Scilit
• CyberLeninka	• Journals for Free
• OAIsters	• Journal TOC
• ROAR	• OAIster
• ROARMAP	• OCLC-WorldCat
• OpenAIRE	• Socolar
• BASE	• JURN
• ResearchBIB	• JournalGuid
• Socionet	

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Стандартный объем статьи — 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков с пробелами), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать **ключевые слова** (до 15 слов) и **аннотацию** на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Машинный (компьютерный) перевод не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособ-

ленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i. i. ivanov@mail.ru

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of Sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the

traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i. i. ivanov@mail.ru

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Статья поступила в редакцию: 31.05.2023

Принята к публикации: 00.00.2023

Дата публикации: 00.00.2023

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения.: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации библиографического списка, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «, ы — y, ь — ‘, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization**

without Diacritics [Russkii iazyk]. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый

номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023. Том 28, № 2

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.06.2023.

Выход в свет 10.07.2023.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 23,7. Тираж 300 экз. Заказ 472.

Издательство Алтайского государственного университета

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66